

Фронтовая ИЛЛЮСТРАЦИЯ

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ИЗДАНИЕ • 3-2006

ПРОРЫВ "МИУС-ФРОНТА" ИЮЛЬ-АВГУСТ 1943 ГОДА

Фронтальная ИЛЛЮСТРАЦИЯ

Алексей Исаев

ПРОРЫВ «МИУС-ФРОНТА» июль–август 1943 года

Издательство «Стратегия КМ»

ВВЕДЕНИЕ

После не слишком удачного для советских войск сражения под Прохоровкой 12 июля 1943 г. И.В. Сталин сменил представителя Ставки при Воронежском фронте, назначив вместо А.М. Василевского Г.К. Жукова. Впоследствии в своих мемуарах «Дело всей жизни» А.М. Василевский не счел нужным рассказать хотя бы в нескольких фразах, куда он был направлен после этой замены и зачем. Может быть потому, что сам считал вторую половину июля 1943 г. черной страницей своей карьеры. Если это так, то он сильно ошибался.

Войны XX столетия принципиально отличались от сражений далекого прошлого. Сжимавший штагу или меч воин средневековья смотрел в глаза своему противнику, он видел результаты своих ударов. Он чувствовал досаду, если оружие звенело о поставленный на его пути клинок противника или торжествовал, если острое попадало в цель. Крестоносец или дружинник практически не сомневался в результатах своего поединка с противником. Развитие огнестрельного оружия неуклонно увеличивало дистанции боя, и вместе с ними уменьшалась возможность участников сражения непосредственно наблюдать результаты действия своего оружия. С одной стороны это порождало фантастические заявки о числе сбитых самолетов или уничтоженных танков, не подтверждавшиеся впоследствии противником. С другой стороны действительно результативные удары казались не понавшими в цель. После Прохоровки А.М. Василевский был направлен представителем Ставки на Южный фронт. Наступление Южного фронта на Миусе в июле 1943 г. представляет как раз тот случай, когда одна из воюющих сторон недооценивает эффект от своих действий. Оно надолго осталось в тени сражения на Курской дуге. Однако, несмотря на успех июльского наступления Южного фронта, потери немецких эсэсовских дивизий на Миусе были значительно больше, чем под Курском. Не Прохоровское поле, а высота 213,9 у деревни Степановка стала кровавой баней для элитных соединений германской армии. Сражение на Миусе также сыграло важную роль в крахе всей немецкой стратегии в летней кампании 1943 г. За июльской неудачей последовало куда более успешное августовское наступление Южного фронта. Продуманная и готовившаяся длительное время немецкая оборона на «Миус-фронте» с зимы 1941 – 1942 гг. была крепким орешком для советских войск. Прорыв злополучного «Миус-фронта» и последующее наступление к реке Молочная знаменовали собой качественно новый этап в развитии Красной армии. Эта линия обороны стала одной из первых «именных» позиций второй половины войны («Восточный вал», линия «Пантера» и другие) которые были сокрушены прошедшими через опыт неудач и закалившимися в боях советскими войсками.

1. Экипаж танка Т-34 за чисткой пушки. Южный фронт, июнь 1943 года (АСКМ).

ПРОЛОГ

«Миус-фронт» (Miusfront) в течение двух зимних кампаний был убежищем, опорой для откатывающихся на запад под ударами Красной армии немецких войск. Своим появлением «Миус-фронт» был обязан отступлению группы армий «Юг» от Ростова в конце ноября и начале декабря 1941 г. Западный берег реки Миус командовал над восточным и тем самым создавал благоприятные условия для построения обороны вдоль берега реки. На рубеже Миуса немцы закреплялись в течение всей зимы 1941–1942 гг. Проводившаяся советскими войсками в январе – феврале 1942 г. Барвенковско-Лозовская операция обошла «Миус-фронт» стороной – боевые действия велись севернее, ближе к Харькову. К весне 1942 г. позиции «Миус-фронта» обросли развитой системой траншей, минных полей и проволочных заграждений характерной для позиционного фронта.

К марту 1942 г. относятся первые попытки советских войск проверить прочность немецкой обороны на вновь созданном фронте. По замыслу командования Южный фронт Р.Я. Малиновского должен был внезапным ударом отсечь выступ между Матвеевым курганом и Самбеком и освободить город Таганрог. Глубина операции была небольшой, всего около 40 км и провести ее предполагалось в течение двух – трех дней. На подготовку отвели неделю. Для операции выделялось четыре дивизии и шесть бригад 56-й армии, 260 орудий и 60 танков. Из резервов Ставки были выделены только что сформированная танко-

вая бригада и 3-й гв. стрелковый корпус, ядром которого было одно из первых советских гвардейских соединений – 2-я гвардейская стрелковая дивизия. Помимо 2-й гв. стрелковой дивизии в операции принимали участие морские стрелковые бригады. Наступление началось 8 марта 1942 г., но взломать готовившуюся несколько месяцев оборону не удалось. Второй этап операции, начавшийся 14 марта, также не принес решительного результата. Последняя попытка взломать «Миус-фронт» пополненными частями гвардейского корпуса состоялась 23–26 марта 1942 г., но она вновь увязла в балках и высотах, на которые опиралась оборона немцев. Летом 1942 г. фронт вновь покати́лся на восток под нажимом «Блау» и оборудованные позиции были оставлены немецкими войсками в тылу. Тогда они еще не знали, что рвы и траншеи понадобятся им меньше чем через год. После Сталинграда вновь понадобилось латать фронт и останавливать казавшееся неукротимым наступление советских войск. На этот раз «Миус-фронт» был занят в феврале 1943 г. переброшенными с запада и других участков фронта соединениями. Состав войск, которые вновь сели в несколько обветшавшие с предыдущей зимы окопы обновился почти на 100 %. Из ветеранов боев зимы 1941–1942 гг. остались только 111-я пехотная и 16-я моторизованная дивизии.

Советские войска вышли к Миусу на излете наступления зимы 1942 – 1943 гг. Заняв 14 февраля 1943 г. Ростов, части Южного фронта продолжили наступление на запад. Механизированные корпуса фронта получили задачу развивать успех в западном направлении,

2. Представитель Ставки ВГК на Южном фронте Маршал Советского Союза А.М. Василевский (за столом слева) и командующий Южным фронтом генерал-полковник Ф.И. Толбухин (в центре) за разработкой плана наступательной операции на реке Миус. Июль 1943 года (ЦМВС).

форсировать реку Миус и овладеть Анастасиевкой. 4-й гвардейский механизированный корпус, к исходу 17 февраля подошел к Миусу в районе Матвеева Кургана, ночью с ходу его форсировал и на плечах отходящих немецких частей ворвался в Анастасиевку. Корпусом он к тому моменту назывался номинально и насчитывал всего 14 танков. 2-й и 3-й гвардейские механизированные корпуса, ожидавшие длительное время горючее, к реке вышли только 20 февраля, а стрелковые дивизии фронта медленно продвигались по раскисшим вследствие оттепели дорогам. Только двум стрелковым полкам 33-й гв. стрелковой дивизии удалось переправиться через Миус и продвигаться за 4-м гвардейским механизированным корпусом.

Воспользовавшись отрывом передовых частей от основных сил фронта, немцы в ночь на 20 февраля закрыли брешь, пробитую в районе Матвеева Кургана. 4-й гв. механизированный корпус и два стрелковых полка попали в окружение в районе Анастасиевки. Попытка 2-го и 3-го гвардейских механизированных корпусов и передовых частей 2-й гвардейской армии деблокировать окруженных успеха не имела. В ночь на 22 февраля по приказу командующего фронтом окруженные пробились на левый берег Миуса. До 28 февраля войска фронта пытались прорвать оборону противника на Миусе, однако успеха не имели и перешли к обороне.

Линия фронта вновь стабилизировалась почти на полгода. Помимо удобства «Миус-фронта» с военной точки зрения, он преграж-

дал путь советским войскам в Донбасс, который немцы называли «вторым Руром». Лично А.Гитлер высоко оценивал экономическое значение Донбасса и считал жизненно важным его удержание. Заметим, что оборонительная линия носила наименование *front*, а не *stellung* (позиция – нем.), то есть была сложной системой оборонительных рубежей, предназначенных для сдерживания превосходящих сил противника.

3. Командующий Южным фронтом генерал-полковник Ф.И. Толбухин (в центре с картой) и члены его штаба производят рекогносцировку в период подготовки наступательной операции на реке Миус. Июль 1943 года (ЦМВС).

КОМАНДНЫЙ СОСТАВ

Герасименко Василий Филиппович, генерал-лейтенант (24.04.1900 г. – 13.02.1961 г.). В боях на Миусе командовал 28-й армией. В силу своего возраста В.Ф. Герасименко не успел получить опыта Первой Мировой войны и начал службу уже в армии нового государства в 1918 г. После Гражданской войны В.Ф. Герасименко командовал пулеметной ротой, стрелковым батальоном, а с 1935 г. – начальник штаба стрелковой дивизии. Герасименко успел получить академическое образование, закончив в 1931 г. академию им. М.В. Фрунзе. С июля 1940 г. В.Ф. Герасименко командовал войсками Приволжского военного округа. Незадолго до войны штаб округа был преобразован в штаб 21-й армии и В.Ф. Герасименко стал типичным 40-летним командармом Красной армии образца 1941 г. Пост команду-

В этом случае бомбардировочную и штурмовую авиацию Южного фронта 14 и 15 августа использовать в интересах Юго-Западного фронта».

10 августа представленный А.М.Василевским план был утвержден директивой Ставки ВГК № 30161. Однако в связи с успехами Воронежского и Степного фронтов под Харьковом наступление Юго-Западного фронта приобретало новый смысл, и по приказу Верховного А.М.Василевский отбыл помогать Р.Я.Малиновскому. 11 августа Василевский провел последнее совещание в штабе Южного фронта. На совещании анализировали характер обороны противника; особенности реки Миус, которую предстояло форсировать; степень ожидаемого сопротивления противника; состав и дислокация немецких резервов. Уже поздним вечером 11 августа А.М.Василевский был на КП Юго-Западного фронта. Все подготовительные мероприятия в период 12 – 17 августа были проведены штабом Южного фронта самостоятельно.

По разработанному А.М.Василевским и детализированному штабом Ф.И.Толбухина плану прорыв фронта осуществлялся силами 5-й ударной, 2-й гвардейской и 28-й армий на фронте Дмитриевка, Куйбышево, Петрополье протяжением 25 км. Удачный опыт построения заслона от контрударов с севера в июльской операции было решено повторить в августе. Обеспечение ударной группировки возлагалось на 5-ю ударную армию, которая имела задачу наступать в северо-западном направлении, выйти и закрепиться на рубеже Степановка, Амвросиевка, Кутейниково. Развитие удара в западном направлении на Успенскую и Каракубстрой возлагалось на 2-ю гвардейскую армию. Успешные действия этой армии должны были обеспечить благоприятные условия для выполнения 28-й армией задачи по окружению и уничтожению противника в районе Таганрога. В свою очередь 28-я армия прорывала фронт в полосе шириной 2,5 км в районе Петрополя. Соединения этой армии ударом в направлении Анастасиевка – Федоровка должны были «смотать» боевые порядки противника перед фронтом левофланговой 44-й армии. Далее предполагалось силами 28-й армии во взаимодействии с 4-м гвардейским кавалерийским корпусом завершить окружение противника в районе Таганрога. Оборонявшиеся на флангах прорыва 51-я и 44-я армии имели задачу активными действиями с ограниченными целями сковывать противника перед своим фронтом.

Эшелон развития успеха Южного фронта составляли 4-й гвардейский Кубанский казачий кавалерийский корпус Н.Я.Кириченко и 4-й гвардейский механизированный корпус. 4-й гв. кавалерийский корпус планировалось ввести в рейд в ночь на четвертый день операции из района Колпаковка, Лисичий, Успенская на Екатериновку и Тельмюново с задачей отрезать пути отхода противника на запад и воспрепятствовать ему занять оборону по р. Сухой Еланчик. В июле 1943 г. 4-й гв. кавалерийский корпус находился в резерве и к операции не привлекался. 4-й гвардейский механизированный корпус, находившийся в подчинении штаба фронта, предполагалось

вести в прорыв на направлении главного удара 5-й ударной армии. Корпус должен был быстрым выдвижением в направлении Колпаковки к исходу первого дня операции овладеть районом Надежного, Колпаковки и Ямщицкого и не допустить организации противником обороны на р. Кринка. В дальнейшем части корпуса должны были развивать успех в направлении Ольгинский, Каракубстрой. С выходом в район Ольгинского мехкорпус смещался в полосу 2-й гв. армии и переходил в подчинение ее командующего.

Помимо отката от «архитектурных излишеств» в лице разнесения участков прорыва и сковывающего удара план августовского наступления утратил независимость в масштабе фронта. В июле Южный фронт в первую очередь пытался решить локальную задачу разгрома Таганрогской группировки противника. Новое наступление Южного фронта по своему замыслу уже было частью общего наступления Красной армии в южном секторе советско-германского фронта. Поэтому планировалось в первую очередь развивать удары в глубину, а не разворачиваться на юг с целью выхода на коммуникации обороняющегося на Миусе противника. Войска Южного фронта должны были ударом на Сталино с юго-востока во взаимодействии с войсками левого крыла Юго-Западного фронта уничтожить группировку противника в районе Артёмовск, Красный Луч, Горловка.

Оперативное построение и задачи армий Южного фронта. К 17 августа на правом крыле Южного фронта в полосе от Лопаскино до Верх. Нагольчик шириной 65 км занимала оборону 51-я армия. Армия имела, в своём составе три стрелковые дивизии, два укрепленных района и одну танковую бригаду. Артиллерия армии насчитывала 330 орудий и 303 миномёта.

Левее 51-й армии занимала рубеж Верх. Нагольчик, Дмитриевка, Куйбышево общим протяжением 36 км 5-я ударная армия. В состав 5-й ударной армии входили девять стрелковых дивизий, одна танковая и одна инженерная бригада. Всего в армии имелось 102 танка (81 в строю и 21 в ремонте), 532 миномёта и 762 орудия. Армия имела задачу: нанести главный удар на фронте южная окраина Дмитриевка, Куйбышевские в направлении Калиновка, Артёмовка прорвать оборону и, уничтожив противостоящего противника, выйти на рубеж Степановка, Амвросиевка, Кутейниково, обеспечивая с севера ударную группировку фронта. Это уже была другая Степановка, западнее той, за которую шли жестокие бои в июле. Теперь ось наступления смещалась к югу, уходя от господствующих над местностью высот 277,9 и 213,9. Теперь армия В.Д.Цветаева должна была наступать по более ровной местности.

Главный удар наносился на участке шириной 10 км, силами 31-го и 3-го гв. стрелковых корпусов. 31-й гв. стрелковый корпус сохранил прежний состав – 4, 34 и 40-я гв. стрелковые дивизии. Средняя численность дивизии корпуса составляла 4600 человек – соединения не успели восстановиться после июльских боев. Управление 3-го гв. стрелкового корпуса в июле действовало в составе 51-й армии. В ав-

ющего 21-й армии он вскоре сменил на должность командующего 13-й армии, но долго на нем не продержался и уже в июле 1941 г. он был отправлен в резерв НКО. Надо сказать, что частая смена командующих была обычным делом в тяжелых сражениях 1941 г. Достаточно сказать, что с июня 1941 г. до января 1942 г. у 13-й армии сменилось пять (!!!) командующих, а с января 1942 г. до конца войны этой многострадальной армией командовал один человек – Н.П. Пухов. После недолгого пребывания в должностях, связанных с тылом, генерал Герасименко был отправлен дальше от линии фронта – на должность командующего войсками Сталинградского военного округа. Однако грозные события лета 1942 г. привели войну к стенам Сталинграда. В сентябре 1942 г. В.Ф. Герасименко становится командующим 28-й армией на относительно спокойном участке фронта. В зимней кампании 1942 – 1943 г. В.Ф. Герасименко во главе 28-й армии прошел путь до Ростова и далее до «Миус-фронта». Он возглавлял 28-ю армию до ноября 1943 г. после чего сдал ее генерал-лейтенанту А.А. Гречкину (не путать с будущим Министром обороны СССР А.А. Гречко) и оказывается в распоряжении Главного управления кадров. До конца войны В.Ф. Герасименко должностей на фронте не занимал, возглавляя внутренние округа.

Захаров Георгий Федорович, генерал-лейтенант (5.5.1897 г. – 26.01.1957 г.). В июльском наступлении на Миусе командовал 51-й армией на второстепенном направлении, в августе сменил Я.Г. Крейзера на посту командующего 2-й гв. армией на направлении главного удара Южного фронта. Среди других советских военачальников Г.Ф. Захаров фигура яркая, хотя и неоднозначная. Как и многие полководцы Красной армии, он начал военную службу

4. Генерал армии Г.Ф. Захаров (фото 1944 года). В ходе боев на реке Миус в звании генерал-лейтенанта командовал 51-й армией Южного фронта (ЦМВС).

5. Генерал-лейтенант В.Ф. Герасименко (фото 1941 года). В боях на Миусе командовал 28-й армией (фото из архива автора).

в царской армии. Подпоручик, командир полуроты на Западном фронте. В 1916 г. Захаров окончил школу прапорщиков. В годы Гражданской войны быстрой карьеры не сделал и командовал всего лишь ротой. В межвоенный период Захаров командовал батальоном, полком, преподавал тактику в Военно-Инженерной академии РККА. В советское время Г.Ф. Захаров существенно повысил уровень своего военного образования, закончив в 1923 г. школу «Выстрел», в 1933 г. – вечерний факультет академии им. М.В. Фрунзе и в 1939 г. – Академию Генштаба. В 1939–1941 гг. Г.Ф. Захаров занимал должность начальника штаба Уральского военного округа. Незадолго до войны на базе штаба округа был сформирован штаб 22-й армии, которая после сообщения ТАСС начала выдвижение в Белоруссию. В должности начальника штаба 22-й армии Г.Ф. Захаров прошел тяжелую школу боев под Витебском, Невелем и Великими Луками. С августа 1941 г. он становится начальником штаба Брянского фронта, а после ранения А.И. Еременко в октябре 1941 г. – исполняет обязанности командующего фронтом. В ходе контрнаступления под Москвой Г.Ф. Захаров становится заместителем самого Г.К. Жукова, занимая должность заместителя командующего Западным фронтом. Далее в 1942 г. он становится «пожарником» Красной армии – Г.Ф. Захарова направляют заменять генералов,

6. Генерал-лейтенант Я.Г. Крейзер (фото 1943 года). В боях на Миусе командовал 2-й гвардейской, затем 51-й армиями (ЦМВС).

смещенных за провалы и просчеты, приводить в порядок подавленные катастрофами войска. В мае 1942 г. он становится начальником штаба Северо-Кавказского направления после разгрома Крымского фронта на Керченском полуострове. В августе 1942 г. его назначают начальником штаба Юго-Восточного фронта, оборонявшего Сталинград. С октября 1942 г. Г.Ф. Захаров становится заместителем командующего Сталинградского фронта, осуществлял руководство войсками левого крыла фронта в ходе контрнаступления советских войск под Сталинградом. С февраля 1943 г. Г.Ф. Захаров командовал 51-й армией Южного фронта. После успешных действий на «Миус-фронте», реке Молочная, на Перекопе и под Севастополем Г.Ф. Захаров получает звание генерала армии и повышение в должности – он становится командующим 2-м Белорусским фронтом. Осенью 1944 г. Г.Ф. Захаров становится жертвой «большой рокировки»: командующим 1-м Белорусским фронтом становится лично Г.К. Жуков, соответственно К.К. Рокоссовский был передвинут на должность командующего соседним 2-м Белорусским фронтом. Оставшийся после этих манипуляций без фронта Г.Ф. Захаров получил под свое командование 4-ю гв. армию в Венгрии и вскоре оказался в центре боев на озере Балатон – отражения советскими войсками последнего наступления немецкой армии во Второй мировой войне. Мартовское наступление на Балатоне Г.Ф. Захаров встретил заместителем командующего 4-м Украинским фронтом. На этой должности он оставался до последних дней войны.

Крейзер Яков Григорьевич, генерал-лейтенант (4.11.1905 г. – 29.11.1969 г.). В июльском наступлении на Миусе возглавлял 2-ю гв. армию на направлении главного удара, в августе был поставлен во главе 51-й армии того же

Южного фронта, находившейся на второстепенном направлении. Я.Г. Крейзер относится к поколению советских военачальников, не имевших опыта службы в царской армии. В Красную армию он попал только весной 1921 г. В межвоенный период командовал взводом, ротой, батальоном стрелковых соединений, а с марта 1941 г. командовал 1-й Московской мотострелковой дивизии. Дивизия отличилась в боях на Березине в июле 1941 г., по итогам которых Я.Г. Крейзер получил звание Героя Советского Союза и продвижение по службе – он стал командующим 3-й армии Брянского фронта. Однако оправдать в полной мере оказанное ему доверие Крейзер не смог – для командующего армией он был еще молод (36 лет в 1941 г.). В феврале 1942 г. он был понижен в должности до заместителя командующего 57-й армии. Осенью 1942 г. Я.К. Крейзер стал заместителем командующего, а затем командующим 2-й гвардейской армией. Командовавший 2-й гв. армией в ходе боев под Сталинградом Р.Я. Малиновский в феврале 1943 г. окончательно вернул утраченное летом 1942 г. доверие командования и вернулся на должность командующего Южным фронтом (второго формирования). Также в феврале 1943 г. Я.Г. Крейзер получил звание генерал-лейтенанта. Но опять же удержаться на острие главного удара он не смог и в дальнейшем звезд с неба не хватал. С августа 1943 г. до конца войны Я.Г. Крейзер оставался командующим 51-й армией, находившейся на второстепенных участках фронта.

Толбухин Федор Иванович, генерал-полковник (16.6.1894 г. – 7.10.1949 г.). В ходе сражений на Миусе в июле и августе 1943 г. командовал Южным фронтом. Участник Первой Мировой войны, штабс-капитан царской армии,

7. Генерал-полковник Ф.И. Толбухин (фото 1943 года). В ходе сражений на реке Миус в июле – августе 1943 года командовал Южным фронтом (ЦМВС).

8. Генерал-полковник В.Д. Цветаев (фото 1945 года). В боях на Миусе — командующий 5-й ударной армии (ЦМВС).

командовал ротой и батальоном. В 1915 г. окончил школу прапорщиков. Выпускник курсов «Выстрел», академии им. М.В. Фрунзе (1934 г.). В межвоенный период занимал штабные должности, в 1937 г. командовал стрелковой дивизией, а с 1938 г. по 1941 г. — начальник штаба Закавказского военного округа. В начале войны Ф.И. Толбухин был начальником штаба Закавказского, Кавказского и Крымского фронтов. На последней должности стал объектом пристального внимания со стороны небезызвестного Л.З. Мехлиса. Не добившись смены командующего Крымского фронта Козлова, Лев Захарович обрушился на начальника штаба фронта генерал-майора Ф.И. Толбухина. Не долго думая, Мехлис послал в Ставку шифровку с предложением снять последнего с должности. 10 марта 1942 г. Василевский сообщил ему, что Сталин принял решение освободить Толбухина и исполнение обязанностей НШ фронта возложить на генерал-майора П.П. Вечного. Неудовольствием Мехлис также высказался против предложения Военного совета Крымского фронта оставить генерала Толбухина в должности помощника командующего фронтом по укомплектованию и формированию или заместителя командующего 47-й армии. Мехлис на это горячо откликнулся: «Я считаю, что Толбухина не следует здесь оставлять и целиком согласен с мнением товарища Сталина...». В тот же день по телеграфу он обратился к начальнику Генштаба маршалу Шапошникову с просьбой проследить, «чтобы Толбухин вновь не устроился в ЗакВО, ибо там собираются опять гнилые и никчемные работники, снимаемые здесь с работы». Слова Л.З. Мехлиса тогда еще имели большой вес и Ф.И. Толбухина в мае 1942 г. отправили заместителем командующего Сталинградского военного округа

га. Тогда еще никто не знал, что лето 1942 г. станет временем сражения за город на Волге и у генералов в этом «медвежьем углу» будет масса возможностей отличиться или упасть еще ниже. Сталинградская битва стала «звездным часом» Ф.И. Толбухина. Он начал сражение генерал-майором в должности командующего 57-й армией, а закончил в марте 1943 г. генерал-лейтенантом, заняв пост командующего Южным фронтом. В апреле 1943 г. он поднялся еще на одну ступеньку вверх, став генерал-полковником. По итогам боев на Миусе Ф.И. Толбухин поучил в сентябре 1943 г. звание генерала армии. В завершающем периоде войны Ф.И. Толбухин командовал 3-м Украинским фронтом, заслужив звание Маршала Советского Союза и став одним из немногих кавалеров ордена «Победа».

Утвенко Александр Иванович, генерал-майор. В наступлениях на Миусе командовал 31-м гв. стрелковым корпусом. А.И. Утвенко был обязан своим взлетом боям под Ельней августа — сентября 1941 г. и лично Г.К. Жукову. По настоянию Георгия Константиновича он был назначен в звании майора командиром 19-й стрелковой дивизии (генеральская должность). До этого Утвенко командовал 315-м полком той же дивизии. В конце августа майору Утвенко было присвоено внеочередное звание «полковник». Командовавший до этого 19-й стрелковой дивизией генерал-майор Я.Г. Котельников был отстранен «за бездельность и невыполнение боевых приказов», и в отношении него было начато следствие. Свежиспеченный полковник А.И. Утвенко доверие оправдал и на посту командира дивизии удержался. Когда в октябре 1941 г. 24-я армия попала в вяземский «котел», А.И. Утвенко сумел вывести части дивизии из окружения, и ему было поручено пересформирование соединения. В дальнейшем дивизия участвовала в контрнаступлении под Москвой. В декабре 1941 г. А.И. Утвенко назначается командиром формируемой 274-й стрелковой дивизией. Летом 1942 г. он принял командование сформированной из десантников 33-й гвардейской стрелковой дивизией и в этом качестве участвовал в боях конца июля и начала августа на дальних подступах к Сталинграду. Там ему снова как в октябре 1941 г. пришлось выводить своих людей из окружения. Думаю, многим читателям Утвенко известен по произведениям К.Симонова. Писатель его считал готовым прототипом для героя романа — «прям хоть с натуры пиши». После пополнения дивизия Утвенко участвовала в операции «Уран». В апреле 1943 г., с развитием в Красной армии корпусного звена А.И. Утвенко получил повышение и возглавил 31-й гв. стрелковый корпус. Войну закончил командиром 38-го гв. стрелкового корпуса.

Цветаев Вячеслав Дмитриевич, генерал-полковник (17.01.1893 г. — 11.08.1950 г.). В ходе обеих сражений на Миусе — командующий 5-й ударной армии. Судьба В.Д. Цветаева была, пожалуй, самой замысловатой из всех вышеперечисленных военачальников. Службу начал в 1913 г. в рядах царской армии в звании поручика. Участвовал в Первой Мировой войне, командир роты, затем батальона. Окончил Тифлисское военное училище в 1915 г. В Траж-

9. Генерал-лейтенант А.И. Утвенко (фото 1945 года). В боях на Миусе в звании генерал-майора командовал 31-м гвардейским стрелковым корпусом (ЦМВС).

данскую войну сделал традиционную для революционного времени быструю карьеру, начав с командования ротой и закончив командиром 54-й стрелковой дивизии. В 1922 г. В.Д. Цветаев закончил высшие академические курсы, а в 1927 г. – курсы усовершенствования командного состава при академии им. М.В. Фрунзе. С 1931 г. – преподаватель военной академии им. М.В. Фрунзе. С 1937 г. командовал 57-й стрелковой дивизией, арестован 5 июля 1938 г. Был освобожден 9 сентября 1939 г. Как и многие другие вернувшиеся из заключения командиры, он не был встречен с распростертыми объятиями и отправлен на южный курорт. Положение комдива В.Д. Цветаева после освобождения рисует его рапорт на имя заместителя наркома обороны Е.А. Щаденко, датированный 10 сентября 1939 г.: «Настоящим рапортом я заявляю, что сумеем доказать свою беззаветную преданность партии и правительству и выполню свой долг как подобает командиру РККА. Тов. Армейский комиссар 1-го ранга! Освобожденный на свободу, я очутился в тяжелом положении, не знаю где моя семья, потерял все что имел из вещей и нахожусь совершенно без средств, платья и крова. Прошу Вас помочь мне материально и ходатайствовать о возвращении в РККА». Крик о помощи был услышан и Цветаев вернулся к преподавательской деятельности в академии им. М.В. Фрунзе. В начале войны командовал оперативной группой 7-й армии Северного фронта. В ходе советского контрнаступления зимы 1941–1942 гг. был назначен заместителем командующего 4-й армией, которая вела тяжелые позиционные бои в районе печально знаменитой станции Погостье на Волховском фронте. Как отмечалось в боевой характеристике, В.Д. Цветаев в этих боях «проявил себя энергичным, смелым и творчески мыслящим командиром. Неоднократно лично принимал своевременные ре-

шения по ликвидации вражеских узлов сопротивления». Таким образом, для прорыва «Миус-фронта» в распоряжении командования Южного фронта был военачальник, получивший большой опыт классических позиционных боев на Волховском фронте. Действия В.Д. Цветаева в июле и августе 1943 г. нареканий у руководства не вызвали и он благополучно возглавлял 5-ю ударную армию до мая 1944 г. В мае – сентябре 1944 г. Цветаев был заместителем командующего 1-го Белорусского фронта – К.К. Рокоссовского. Последний, как известно, также был из арестованных, а позднее освобожденных из лагеря советских военачальников. Войну В.Д. Цветаев закончил во главе 33-й армии, которая завершила боевые действия 6 мая 1945 г. с выходом на р. Эльба.

Бранденбергер Эрих, генерал-лейтенант, с 1 августа 1943 г. – генерал артиллерии (15.07.1892 г. – 21.06.1955 г.), командир XXIX армейского корпуса. Пожалуй, один из немногих командиров 6-й армии Холдита с опытом боевых действий в танковых войсках. Даже присвоенное ему звание «генерал артиллерии» позднее заменили на «генерал танковых войск». Эрих Бранденбергер службу в 1911 г. фаншпонкером в 6-м баварском артиллерийском полку. Участник Первой Мировой войны, служил в различных артиллерийских частях, закончил войну оберлейтенантом. Остался в Рейхсвере, служил в артиллерийских и учебных частях, неторопливо продвигаясь по служебной лестнице. Вторую Мировую войну встретил в звании полковника на должности начальника штаба XXIII армейского корпуса. В августе 1940 г. получил звание генерал-майора. 20 февраля 1941 г. стал командиром 8-й танковой дивизии. Во главе этого соединения Бранденбергер 22 июня 1941 г. пересек границу с СССР. Дивизия в то время входила в состав XVI моторизованного корпуса Э. фон Манштейна. За успехи в первые дни войны, в частности быстрый выход к Двинску (Даугавпилсу) 15 июля 1941 г. Бранденбергер награждается Рыцарским крестом. Далее 8-я танковая дивизия участвовала в боях под Ленинградом и Тихвином. Бранденбергер командовал 8-й танковой дивизией до января 1943 г. В этом качестве он участвовал в сражении под Великими Луками зимой 1942 – 1943 гг. По итогам в целом неуспешных для немцев боев Бранденбергер поднялся на ступеньку выше и 17 января 1943 г. возглавил действовавший в этом районе XIX армейский корпус. Возможно, свою роль сыграло то, что 16 января «крепость Великие Луки» пала, и командовавший корпусом Курт фон дер Шевалери был снят с должности. Последний с февраля 1943 г. числился в резерве фюрера и вернулся в войска только в апреле 1944 г. С 21 мая 1943 г. Бранденбергер становится исполняющим обязанности командира XXIX армейского корпуса, а 1 августа 1943 г. – полноценным командиром корпуса с присвоением очередного звания. По итогам оборонительного сражения за Донбасс он в ноябре 1943 г. получает Дубовые листья к Рыцарскому кресту. XXIX корпусом Бранденбергер командовал до июля 1944 г. В конце войны командовал 7-й и 19-й армиями. 6 мая 1945 г. Бранденбергер сдался американцам. Освобожден из заключения в 1948 г.

Холлидт Карл Адольф, генерал пехоты (28.04.1891 г. – 22.05.1985 г.). Командующий 6-й немецкой армией. Вступил в ряды кайзеровской армии в 1909 г. Участник Первой Мировой войны, после войны остался в рейхсвере. В 1922 – 1923 гг. он получил образование офицера Генерального штаба. Вторую Мировую войну встретил командиром 52-й пехотной дивизии. В ходе кампании против Советского Союза в 1941 г. Холлидт командовал 50-й пехотной дивизией, за успешное руководство которой он получил должность командира XVII армейского корпуса и двухмесячный отпуск. После отпуска он вернулся к командованию XVII корпусом. В ноябре 1942 г., после катастрофы, вызванной советским контрнаступлением, Холлидт возглавляет армейскую группу «Холлидт» из двух румынских, XVII и XXXXVIII немецких корпусов. В марте 1943 г. армейская группа «Холлидт» преобразуется в 6-ю армию, унаследовав номер армии Ф. Паулюса, закончившей свои дни в развалинах Сталинграда.

Командующий группой армий «Юг» Э. фон Манштейн в своих мемуарах охарактеризовал Холлидта и его начальника штаба следующим образом: «Генерал-полковник Голлидт, командующий 6 армией, был при мне в Крыму командиром дивизии, и с тех пор мы его хорошо знали. Это был серьезный человек с цельным характером, с большой силой воли. Он, может быть, и был без больших претензий, но зато отличался ясным, трезвым умом и объективностью суждения. На него вполне можно было положиться. Будучи пехотинцем, он особенно остро переживал исход боевых действий войск, который при сложившейся обстановке не мог не отражаться на его настроении. Его начальник штаба, генерал Борк, несмотря на то, что он, бесспорно, весь отдавался делу, отнюдь не был удачным дополнением своего командующего, во всяком случае, такое впечат-

ление сложилось у командования группы армий. Как известно, недостаточно соединить вместе двух способных командиров, назначив одного из них командующим, другого – начальником штаба. Важно, чтобы эти командиры дополняли друг друга по своим способностям и чтобы именно начальник штаба, на которого обычно возлагается главная ответственность в деле налаживания контакта с вышестоящими и подчиненными инстанциями, обладал необходимыми для этого данными».

Пожалуй, главным недостатком Холлидта было отсутствие опыта командования подвижными соединениями. Он большую часть своей карьеры был так или иначе связан с пехотой. Ни с механизированными, ни даже с кавалерийскими частями и соединениями он до войны и в ее начале дела не имел. Однако оборона германской армии в 1943 г. держалась на танковых и панцергренадерских дивизиях, которые использовались как для удержания новых рубежей обороны, так и для контрударов. Конечно, в вермахте есть пример весьма успешного танкового командира из пехоты. Это Ганс-Валентин Хубе, в 1941 г. командовавший 16-й танковой дивизией, а к началу 1944 г. выросший до командующего 1-й танковой армией. Однако, как показала практика, Холлидт не стал блестящим вдохновителем танковых контрударов. После отката 6-й армии на запад от Миуса к Молочной и далее к Днепру, Холлидт 22 ноября 1943 г. был смещен под предлогом болезни и отправлен в резерв ОКХ. В самом конце войны он стал помощником гауляйтера Рейн-Вестфалии и 17 апреля 1945 г. был захвачен в плен американцами в рурском «котле». На свободу вышел в конце 1949 г.

Граф фон Шверин, Герхард, генерал-лейтенант (23 июня 1899 г. – 20.10.1980 г.). Командир 16-й панцергренадерской дивизии. В Первую Мировую войну служил лейтенантом в пехоте. Покинул армию в 1920 г. и вернулся через два года. Перед началом Второй Мировой войны был подполковником и служил в структуре ОКХ (верховного командования вермахта). Был первым командиром элитного пехотного полка «Великая Германия» и в этом качестве прошел французскую кампанию. В 1941 г. попал в Ливию, где немецко-итальянская «группа Шверина» отметилась захватом в плен 2000 британцев, в том числе двух генералов. В августе 1941 г. попал на Восточный фронт, где возглавил 76-й пехотный полк 20-й пехотной дивизии. По итогам боев на Волхове и под Шлиссельбургом в январе 1942 г. получил Рыцарский Крест. В июле 1942 г. был назначен командиром 8-й егерской дивизией, воевавшей под Демянском. Быстро продвигался по служебной лестнице: 1 августа 1941 г. получил звание полковника, а 1 октября 1942 г. – генерал-майора. В ноябре 1942 г. возглавил 16-ю панцергренадерскую дивизию на Кавказе и 1 июня 1943 г. стал генерал-лейтенантом. По итогам зимней кампании 1942–1943 г. получил Дубовые листья к Рыцарскому Кресту. Закончил войну в звании генерала танковых войск командиром LXXVII танкового корпуса. Сдался союзникам. Освобожден в 1947 г., впоследствии был военным советником в правительстве Аденауэра.

10. Генерал пехоты Холлидт Карл Адольф. В боях на «Миус-фронте» — командующий 6-й немецкой армией (фото из архива автора).

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ПОРАЖЕНИЕ И ТРИУМФ

После результативных немецких контрударов весны 1943 г., приведших к образованию Курского выступа, советское верховное командование приняло решение о переходе к стратегической обороне. Несмотря на то, что к началу лета войска Воронежского, Юго-Западного и Центрального фронтов оправились от потерь сражений февраля – марта 1943 г. политическое решение о стратегической обороне оставалось неизменным. На фронте воцарилась длительная оперативная пауза, завершившаяся с первыми залпами операции «Цитадель» 4–5 июля 1943 г. Предоставление инициативы противнику всегда означает риск в определении возможных вариантов его действий. Поэтому, несмотря на данные разведки

в полосах Центрального и Воронежского фронтов, стратегия советского командования поменяла знак. Теперь стратегической задачей советских войск на второстепенных по отношению к «Цитадели» участках советско-германского фронта стало оттягивание на себя резервов противника и проведение под шумок большого сражения локальных наступательных операций. С 7 июля командование Южного фронта начало подготовку наступления. Директива Ставки ВГК на наступление на Миусе не публиковалась, но имеются косвенные ссылки на ее наличие. К тому же из общих соображений понятно, что любая крупная операция не могла проводиться без санкции верховного командования.

о немецких планах летней кампании 1943 г. как сокрушении Курской дуги, советское командование готовилось встретить удар и на других участках фронта. Вышедший к Миусу Южный фронт не стал исключением. До 5 июля его армии готовились к обороне, зарывались в землю и прорабатывали направления контрударов. В первом эшелоне фронт имел 51-ю, 5-ю ударную и 44-ю армии, а в глубине его построения располагались 2-я гвардейская и 28-я армии. 2-я ударная занимала позиции за правым крылом фронта, а 28-я армия готовилась к обороне Ростовского укрепленного района.

После того как данные разведки подтвердились, и стало понятно, что крупное наступление групп армий «Центр» и «Юг» началось

Разработанная в штабе Южного фронта наступательная операция разделялась на два этапа. На первом этапе войска фронта ударом с рубежа Дмитриевка, Куйбышево, Ново-Ясиновский должны были прорвать оборону противника и затем, прочно прикрывшись с северо-запада, развивать удар в юго-западном направлении на Анастасиевку, Федоровку с целью овладеть Таганрогом. Помимо основного удара предполагалось нанесение скользящего удара из района Мал. Николаевки, Орлова на Петрово-Красноселье. Задачей этого удара было отвлечение тактических резервов противника. На втором этапе операции армии Южного фронта должны были выйти на рубеж реки Еланчик для последующих действий в северо-западном направлении во взаи-

11. Подписка на заем экипажа Т-34-76 младшего лейтенанта Чупихина (справа налево): старшина А. Топрищев производит подписку, младший лейтенант А. Чупихин, сержанты А. Иванов и А. Сенцов. Южный участок советско-германского фронта, июнь 1943 года. На бронировке орудия танка видна надпись «Не уйдешь» (АСКМ).

модействии с соседним Юго-Западным фронтом. Готовность войск Южного фронта к проведению операции была назначена к исходу 14 июля.

В июле 1943 г. войска Южного фронта были построены следующим образом. На северном, правом крыле фронта находилась 51-я армия в составе семи стрелковых дивизий и одной танковой бригады. Она граничила справа с Юго-Западным фронтом и слева с 5-й ударной армией. 51-й армии была поставлена задача: прочно удерживать занимаемый рубеж и активными действиями на Петрово-Красноселье лишить возможности противника перебрасывать войска с данного участка на направление главного удара Южного фронта. В армии была создана ударная группировка в составе 54-го стрелкового корпуса (три стрелковые дивизии), усиленного 6-й гв. тан-

го пункта Дмитриевка и 2 км южнее его на фронте протяжением около 7 км. К началу наступления одна стрелковая дивизия занимала оборону на рубеже севернее Дмитриевки до Бсауловки, остальные шесть дивизий составляли ударную группировку армии и были построены в два эшелона. Четыре дивизии были в первом и две дивизии во втором эшелоне. После прорыва фронта противника предполагалось развивать успех в северо-западном направлении, выйти на рубеж Снежное, Степановка, закрепитесь там и обеспечить с севера и северо-запада группировку войск, выполняющих главную задачу. Для участия в прорыве 5-я ударная армия имела 1256 орудий и минометов из них орудий среднего и крупного калибра 490 единиц (без полковой артиллерии). Концентрацией артиллерии на направлении прорыва плотность в полосах наступа-

12

12. 122-мм гаубица образца 1910/30 годов старшины Америкосева, уничтожившее более 200 гитлеровцев, меняет огневую позицию. Южный фронт, июль 1943 года. Гаубица буксируется тягачом СТЗ-5-НАТИ (АСКМ).

ковой бригадой, двумя пушечными, одним лёгким артиллерийскими полками, двумя минометными полками и одним истребительно-противотанковым полком. Корпус наносил удар на фронте протяжением 8 км. В первом эшелоне находились две стрелковые дивизии, во втором – одна; средняя плотность артиллерии и миномётов достигала 80 единиц на 1 км фронта. Для 1943 г. это была довольно низкая плотность.

5-я ударная армия, в составе семи стрелковых дивизий, одной танковой бригады, одного танкового полка и артиллерии усиления, готовилась к наступлению с целью прорвать фронт противника южнее Дмитриевки. Предполагалось, что армия будет наносить главный удар своим центром в районе населённо-

ющих дивизий доводилась до 110 стволов на километр. Соответственно в полосе оборонявшейся 126-й стрелковой дивизии плотность артиллерии составляла всего 10 орудий и минометов на километр фронта. В целом плотность несколько больше 100 орудий и минометов не была рекордной. Даже под Ржевом летом 1942 г. достигалась плотность выше 140 стволов на километр фронта.

28-я армия в составе шести стрелковых дивизий, одной танковой бригады и одного танкового полка справа граничила с 5-й ударной армией, слева с 44-й армией. Армии ставилась задача прорвать оборону противника южнее Куйбышево, обеспечить в своей полосе ввод в прорыв 2-й гвардейской армии и развивать успех в юго-западном направлении для унич-

тожения таганрогской группировки противника. Получив полосу шириной 16 км, 28-я армия готовила прорыв в центре на участке Скелянский, Русское шириной 6 км двумя стрелковыми дивизиями, одной танковой бригадой и танковым полком прорыва. На флангах наносили удары по одной стрелковой дивизии. Две стрелковые дивизии находились во втором эшелоне на; направлении главного удара. В полосе наступления 28-й армии привлекалось к артиллерийской подготовке 450 орудий среднего и крупного калибра, 758 минометов калибром 82-мм и 120-мм и до 240 орудий малого калибра. На направлении главного удара на фронте 2,5 км плотность артиллерии достигала 130 орудий и минометов. Бронированный кулак 28-й армии составляли 33-я гв. танковая бригада (29 Т-34, 10 Т-70 и 15 Т-60) и 1-й отдельный гвардейский танковый полк прорыва (21 танк КВ)

44-я армия в составе четырёх стрелковых дивизий имела задачу прочно удерживать рубеж Ново-Ясиновский/Приморка и активными действиями на правом фланге содействовать наступлению 28-й армии. На фронт протяжением 60 км выделялось три стрелковые дивизии (130, 248 и 416-я), а для активных действий на правом фланге назначался один стрелковый полк из стрелковой дивизии второго эшелона (151-й). Естественно, что столь слабые силы существенного содействия 28-й армии оказать не могли. Вместе с тем нельзя не признать, что еще большее растягивание фронта обороны армии было бы чрезвычайно опасно. И так ударная группировка Южного фронта создавалась за счет изъятия сил из 44-й армии. Так 32-я и 33-я гвардейские танковые бригады, числившиеся в составе 44-й армии на 1 июля 1943 г. были к 15 июля перегруппированы на направление главного удара. Первая была направлена в 5-ю ударную армию, а вторая – в 28-ю армию. На 1 июля 1943 г. в составе 44-й армии было семь стрелковых дивизий, а к середине месяца 320, 347 и 387-я дивизии были переданы в 28-ю армию.

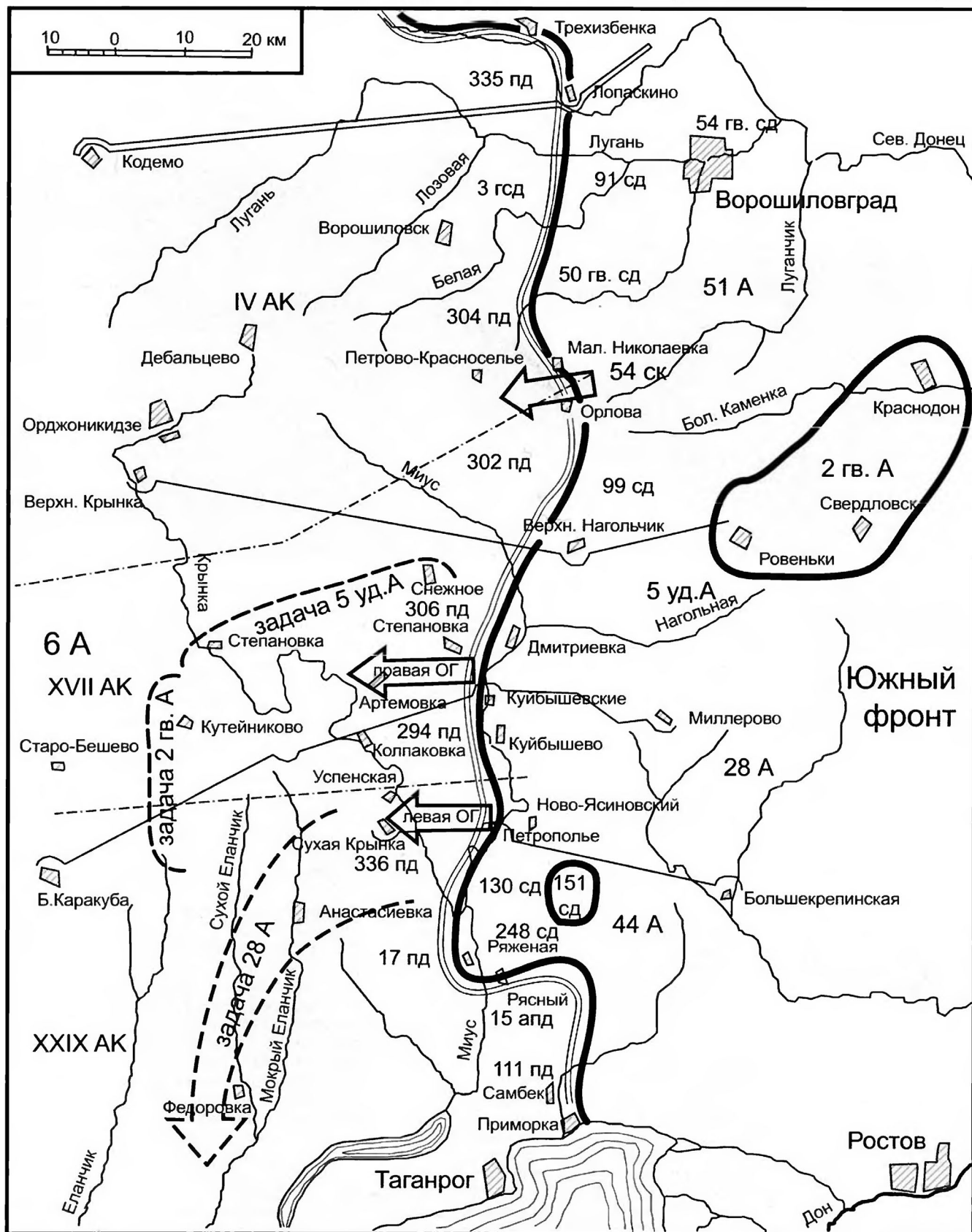
2-я гвардейская армия в составе шести стрелковых дивизий и двух механизированных корпусов (2-го и 4-го гвардейских) образовывала эшелон развития прорыва. Перед армией была поставлена задача: с прорывом тактической глубины обороны противника войсками 5-й ударной и 28-й армий войти в этот прорыв и в первый день операции выйти механизированными корпусами на рубеж р. Крынка, в район Артёмовки, Колпаковки и Успенской, в дальнейшем развивать успех в западном направлении, продвижением на Кутейниково. Имелось в виду, что правое крыло армии будет прикрывать 5-я ударная армия, левое – 28-я армия. Армия была гвардейской не только по названию, но и по качественному составу: все шесть ее стрелковых дивизии были гвардейскими и объединялись в два гвардейских стрелковых корпуса, 1-й гвардейский стрелковый корпус (24-я и 33-я гв. сд) и 13-й гвардейский стрелковый корпус (3-я и 49-я гв. сд). Оба механизированных корпуса армии также были гвардейскими. Соединения армии не были скороспелыми плодами «перманентной мобилизации» и могли

похвастаться внушительным боевым опытом. 49-я гв. стрелковая дивизия ведет свою историю от 107-й мотострелковой дивизии, прославившейся в боях под Москвой и прошедшей суровую школу позиционных боев под Ржевом в августе 1942 г. Бывший командир 107-й дивизии, генерал-майор Порфирий Георгиевич Чанчибадзе, летом 1943 г. возглавлял 13-й гв. стрелковый корпус. 33-я гв. стрелковая дивизия была сформирована летом 1942 г. из 3-го воздушно-десантного корпуса. Гвардейское звание было ей присвоено авансом, так же как и другим соединениям, переформированным из десантников. Такое же гвардейское с рождения соединение из десантников было в составе 5-й ударной армии, это 40-я гв. стрелковая дивизия. Она была сформирована в начале августа 1942 года в Московской области на базе 6-го воздушно-десантного корпуса. «Предок» 24-й гв. стрелковой дивизии – 111-я сд – относилась к соединениям Красной армии довоенного формирования. Гвардейское звание было ей присвоено в марте 1942 г. 3-я гв. стрелковая дивизия была старейшим гвардейским соединением фронта – она входила в четверку первых гвардейских соединений Красной армии. Еще одна дивизия из первой четверки гвардейских – 4-я гв. сд – входила в состав 31-го гв. стрелкового корпуса 5-й ударной армии.

Кроме того, «пехотные» корни прослеживаются у 2-го гв. механизированного корпуса: он получил гвардию не в статусе подвижного соединения. Корпус был в ноябре 1942 г. переформирован из 22-й гв. стрелковой дивизии и унаследовал от нее гвардейское звание. Последняя, в свою очередь, ведет свою историю от 363-й стрелковой дивизии формирования осени 1941 г. Она отличилась в боях зимы 1941 – 1942 гг. на Калининском фронте и получила гвардейское звание весной 1942 г. Бесшестенным командиром соединения был Карп Васильевич Свиридов, получивший в июне 1943 г. звание генерал-лейтенанта. В противоположность своему собрату 4-й гв. механизированный корпус Т.С. Танасишина с рождения был танковым соединением – он был переформирован из 13-го танкового корпуса, созданного в мае 1942 г. Гвардию корпус получил в январе 1943 г. по итогам участия в Сталинградской битве, будучи уже в статусе подвижного соединения.

В плане июльской операции Южного фронта просматриваются две характерные особенности. Прежде всего, отчетливо видно влияние опыта предыдущего года войны. Типичным для вермахта приемом отражения наступлений Красной армии в 1942 г. была следующая последовательность действий. Оказавшись под ударом наступающих советских войск, немцы стремились удержать опорные пункты в основании прорыва. Они их называли «угловые столбы». Этим приемом сужался фронт вклинения. Следующим шагом были фланговые удары с целью срезания вбитого в немецкую оборону клина. По такому сценарию, растянутому во времени, развивались события под Ленинградом в ходе наступления злосчастной 2-й ударной армии и под Харьковом в январе – мае 1942 г. В плане операции Южного фронта хорошо

План июльского наступления Южного фронта

13. Расчет 45-мм противотанкового орудия образца 1937 года, буксируемого автомобилем Виллис, выезжает на огневую позицию. Южный участок советско-германского фронта, июнь 1943 года (АСКМ).

виден учет немецкой стратегии ведения оборонительной операции. Понятно, что накопление крупных сил для пробивания достаточно широкого коридора затруднительно. Поэтому проблему «угловых столбов» на Южном фронте решили избежать весьма своеобразным способом. Участки прорывов 28-й и 5-й ударной армий были разнесены друг от друга на расстояние около 16 км. Наступление предполагалось проводить не смежными флангами, а по двум параллельным осям. Удерживать «угловой столб» посередине советского наступления было бы труднее, чем на его фланге. Оказавшиеся между двумя вклинениями и обойденные с обоих флангов немецкие части фактически не имели другого выбора кроме отхода. Однако размыкание ударов по фронту одновременно затрудняло управление эшелоном развития прорыва. Вторым следствием боевого опыта войны, нашедшим себе место в плане операции, было повышенное внимание к защите флангов. 28-я и 5-я ударная армии после прорыва становились в оборону в готовности отражать контрудары противника. Тем самым 2-й гв. армии предоставлялась свобода действий в развитии наступления в глубину.

Помимо учета общего для Красной армии боевого опыта операция на Миусе имела индивидуальные черты, выделявшие ее из других советских наступлений. Прежде всего, это касается состава эшелона развития успеха. Если традиционным для советской военной школы было формирование развивающейся успех группировки из механизирован-

ных и кавалерийских соединений, то 2-я гв. армия состояла из двух стрелковых и двух механизированных корпусов. С одной стороны, это повышало ударные возможности 2-й гв. армии, а с другой стороны – снижало темпы перегруппировки. В связи с тем, что прорыв фронта противника производился на двух участках, 2-я гв. армия разделялась на две симметричные группы – правую и левую. Правая оперативная группа в составе 2-го гв. механизированного и 13-го гв. стрелкового корпусов должна была вводиться в полосу 5-й ударной армии, а левая в составе 4-го гв. механизированного корпуса и 1 гв. стрелкового корпуса – в полосу 28-й армии. В обоих случаях механизированный корпус с частями усиления составлял первый эшелон, во втором эшелоне двигались две стрелковые дивизии, и одна стрелковая дивизия составляла резерв. Каждый из механизированных корпусов усиливался одним истребительно-противотанковым артиллерийским полком, минометным полком, зенитным полком и саперным батальоном. Уже в период подготовки операции, 11 июля 1943 г. в состав 2-го гв. механизированного корпуса прибыл 1543-й тяжелый самоходный артиллерийский полк (тсап) в составе 12 СУ-152 и одного танка КВ. Полк новейших по тем временам самоходок (производство СУ-152 было начато на ЧКЗ только в феврале 1943 г.) должен был стать серьезным подспорьем в сокрушении обороны противника.

Теоретические рассуждения, лежавшие в основании построения оперативных групп

2-й гвардейской армии вполне очевидны: двигавшиеся в маршевых порядках за наступающим механизированным корпусом стрелковые дивизии продвигались быстрее, чем связанная боями пехота образующих прорыв армий. В случае столкновения мехкорпуса в глубине обороны противника с крупными резервами или эшелонированной обороной гвардейские стрелковые корпуса могли усилить его удар. В случае контратаки во фланг стрелковый корпус мог прикрыть разрыв между вырвавшимися вперед механизированным корпусом и основными силами фронта.

Резерв Южного фронта составляли: 8-я истребительная противотанковая артиллерийская бригада, полки которой находились в районах Ровеньки, Дубровка, Куйбышево; 140-я танковая бригада – в районе Марьевка; 78-й, 1-й гвардейский и 116-й укрепленные районы находились в районе Ростова.

С воздуха операцию Южного фронта обеспечивала 8-я воздушная армия в составе 270-й бомбардировочной, 2-й гвардейской ночной бомбардировочной, 1-й гвардейской штурмовой, 206-й и 289-й штурмовых авиадивизий, 6-й гвардейской и 236-й истребительных авиадивизий. Соответственно 270-я бомбардировочная авиадивизия вооружалась самолетами Пе-2 и А-20 Бостон, 6-я гв. истребительная авиадивизия – Ла-5 и Як-1 (преимущественно последними), 236-я истребительная авиадивизия – Як-1 и ЛаГГ-3. Также 8-й воздушной армии подчинялись два разведывательных авиаполка, весьма нестрых по составу своей техники – от У-2 и УСБ до Пе-2,

Ли-2 и Ил-4. Командовал 8-й воздушной армией генерал-лейтенант авиации Т.Т. Хрюкин. Армия была ветераном Сталинградской битвы, в которой принимали участие большинство авиасоединений, действовавших на Миусе летом 1943 г. Длительная оперативная пауза весной и в начале лета 1943 г. была использована для обучения летного состава. Так в 270-й бомбардировочной авиадивизии отрабатывалось бомбометание с пикирования с вводом в него на высоте 2500 м и выхода из пикирования на высоте 800 м. Эти навыки пригодились в июльских боях и потери «пешек» были в итоге достаточно низкими. Пауза в боевых действиях также была использована штурмовиками для проведения совместных учений с целью отработки взаимодействия с наземными войсками. В ходе учений отрабатывались темы: «Авиационная обработка переднего края обороны противника с переносом ударов по целям в глубине обороны и с постановкой дымовой завесы», «Взаимодействие штурмовиков с танками при уничтожении прорвавшейся группировки противника» (совместно с частями 4-го гв. мехкорпуса), «Сопровождение штурмовиками танков при вводе их в прорыв» (совместно с частями 2-й гвардейской армии), «Взаимодействие штурмовиков наземными войсками в наступательной операции». На каждом из этих учений действовало по 4-9 самолетов Ил-2.

Краткая характеристика местности. Местность на всем протяжении оборонительного рубежа р. Миус и впадающей в неё реки Крепенская среднепересеченная, открытая,

14. Танки Т-34-76 выдвигаются на новые позиции. Южный фронт, июль 1943 года (ЦМВС).

с большим количеством балок, оврагов и холмов. Перед передним краем обороны на всём протяжении имеются хорошие естественные противотанковые препятствия. Основным препятствием является сама река Миус о крутым и обрывистым западным берегом. Ширина реки от Дмитриевки до Миусского лимана 20 – 60 м и глубина 1 – 3 м. В период весеннего половодья глубина реки местами доходит до 7,5 м. Правый берег господствует над левым и имеет большое количество оврагов и балок. Господствующий над восточным западный берег рек станет постоянной проблемой для советских войск на всем протяжении наступательных операций 1943 – 1944 гг. На южном участке оборонительного рубежа естественными противотанковыми препятствиями являлись имеющиеся там балки и р. Самбек.

Таким образом, наличие на переднем крае обороны рек и балок с крутыми и обрывистыми берегами обеспечивало организацию сильной противотанковой обороны и не вызывало необходимости постройки противотанковых рвов.

Местность в глубине оборонительного рубежа имела ряд естественных препятствий, исключавших на ряде участков возможность быстрого развития наступления после прорыва переднего края обороны. Ряд балок и таких рек, как Крынка, Сармацкая, представляли значительные препятствия для мотомеханизированных войск, одновременно являясь хорошими отсечными позициями. Большое количество командных высот на переднем крае и в глубине обороны способствовало хоро-

шей организации наблюдения за расположением советских войск.

Выгодные условия местности были полностью использованы немцами при строительстве обороны. Особенное внимание было обращено противником на выбор переднего края главной оборонительной полосы.

Строя свою оборону по западным берегам рек Крепенькая, Миус и Самбек, немцы использовали для переднего края главным образом топографический гребень высот. На скалах этих высот находились позиции боевого охранения. Оба фланга оборонительного рубежа надежно прикрывались естественными препятствиями – на севере р. Сев. Донец и на юге Азовским морем.

Следует отметить, что наличие достаточного количества шоссейных, грунтовых дорог и двух железнодорожных магистралей вполне обеспечивало немцам ведение на р. Миус оборонительной операции.

Противник. Тень отца Гамлета. Южному фронту противостояли войска группы армий «Юг» в лице 6-й армии генерала пехоты Карла Холдта. Свой номер она унаследовала от уничтоженной в Сталинграде армии Фридриха Паулюса. Второе появление армии с номером «6» носило преимущественно пропагандистское значение. Разграничительные линии между советскими фронтами и совпадающими с ними по масштабам не совпадали. Поэтому 6-я армия занимала полосу, находящуюся в ведении всего Южного фронта и части Юго-Западного фронта. Правый фланг армии примыкал к Азовскому морю. В июле 1943 г. в составе 6-й армии было десять пехот-

15. Замаскированный танк Т-34-76 перед выдвижением к линии фронта. Южный фронт, июль 1943 года (ЦМВС).

ных дивизий и одна моторизованная дивизия. Полосу на приморском фланге армии Холдта занимала 111-я пехотная дивизия под командованием генерал-лейтенанта Германа Рекнагеля. Соединение было ветераном боев на Украине, вступив на территорию СССР в составе 6-й армии первого формирования в июне 1941 г. Левым соседом 111-й пехотной дивизии была 15-я авиаполесвая дивизия, командовал которой генерал-лейтенант Виллибальд Шпанг. Дивизия была сформирована из персонала Люфтваффе в конце 1942 г. и с января 1943 г. втянутая в бои на южном секторе советско-германского фронта. Авиаполевые дивизии были известны своей худшей боеспособностью в сравнении с соединениями вермахта. Севернее авиаполевой дивизии оборонялась 17-я пехотная дивизия генерал-майора Рихарда Циммлера. Это было достаточно старое соединение вермахта, начавшее войну на востоке в июне 1941 г. в со-

16. Саперы обезвреживают немецкие противотанковые мины (Т.Мі. 35 или Т.Мі. 42) перед началом советского наступления. Южный фронт, июль 1943 года (АСКМ).

ставе войск группы армий «Центр». Однако, в зимних боях 1941 – 1942 г. дивизия понесла большие потери и была выведена на переформирование во Францию летом 1942 г. Она вернулась на восточный фронт только в апреле 1943 г. На этот раз 17-я пехотная попала в группу армий «Юг», на Миус. Последним соединением XXIX армейского корпуса, в который входили 111-я и 17-я пехотные и 15-я авиаполесвая дивизии, была 336-я пехотная дивизия генерал-лейтенанта Вальтера Люхта. 336-я пехотная дивизия была сформирована в 1941 г. и первый раз попала на восточный фронт в ходе сражения под Харьковом. Тогда она была подчинена 6-й армии Ф. Паулюса. Однако она была включена в состав 2-й венгерской армии, а не пошла на Сталинград. Поэтому в отличие от других дивизий армии Ф. Паулюса она избежала Сталинградского «котла» и приняла участие в восстановлении фронта в составе группы армий

«Дон». Позиции 336-й пехотной дивизии непосредственно примыкали к полосе обороны XVII армейского корпуса, находившегося на направлении главного удара июльского наступления Южного фронта. Управлению XVII армейского корпуса подчинялись 294, 304 и 302-я пехотные дивизии. На примыкавшем к позициям XXIX корпуса правом фланге XVII армейского корпуса оборонялась 294-я пехотная дивизия генерал-майора Йоханесе Блока. Она попала на восточный фронт первый раз в августе 1941 г. в составе 6-й армии, которой тогда еще командовал Вальтер Рейхенау. В окружение под Сталинградом в 1942 г. дивизия не попала, так как ее включили в состав 8-й итальянской армии. Основательно потрепанная в боях зимы 1942 – 1943 гг. она стала одним из первых соединений армейской группы Холлидта. В центре и на левом фланге XVII армейского корпуса занимали позиции 306-я пехотная дивизия генерал-майора Карла-Эрика Колера и 302-я пехотная дивизия генерал-майора Отто Эльфельдта. Обе дивизии были сформированы в 1941 г. и находились на западе. Крещение огнем приняли на восточном фронте только в январе – феврале 1943 г. Наконец, на левом фланге 6-й армии, против разграничительной линии между Южным и Юго-Западным фронтами находился корпус «Мит», ставший к лету 1943 г. IV армейским корпусом. В начале 1943 г. это было временное соединение из тыловых частей и частей охраны тыла группы армий «Дон». В июле 1943 г. ему подчинялись 3-я горно-егерская дивизия, 304-я и 335-я пехотные дивизии. Первая была переброшена из под Ленинграда, две другие были сформированы в 1941 г. и попали на восточный фронт в феврале – марте 1943 г.

Своимидесятью пехотными дивизиями армия Холлидта занимала фронт 180 км. Это давало 15 – 20 км фронт обороны пехотных соединений, что исключало построение дивизий в два эшелона. Основной устойчивости немецкой обороны была развитая система инженерных сооружений «Миус-фронта» и маневр подвижными резервами. Подвижным резервом в подчинении собственно 6-й армии была 16-я панцергренадерская дивизия генерал-лейтенанта Герхарда Графа фон Шверина. Дивизия была ветераном восточного фронта, начавшим карьеру еще в июне 1941 г. Пройдя огонь «Блау» и тяжелые бои зимы 1942 – 1943 гг. лето 1943 г. дивизия встретила не в лучшем состоянии. Но даже если бы она была укомплектована по штатам, то одной дивизии для парирования крупного советского наступления было, конечно же, недостаточно. Удержать линию «Миус-фронта» немцы могли за счет маневра резервами в масштабах всей группы армий «Юг». Быстрее всего в полосу обороны 6-й армии могла прибыть 23-я танковая дивизия генерал-лейтенанта Николауса фон Форманна, находившаяся в подчинении командования группы армий «Юг». Дивизия была сформирована уже после начала войны с СССР, и ее боевым дебютом стало сражение под Харьковом в мае 1942 г. После этого соединения участвовало в походе на Кавказ, дивизию серьезно потрепали под Орджоникидзе, а позднее участвова-

ла в попытке Манштейна деблокировать армию Паулюса. К лету 1943 г. 23-я танковая дивизия еще не восполнила потери и находилась не в лучшей форме.

Поскольку эффективное ведение оборонительного сражения требовало подвижных резервов, а пехотные части сами по себе не обладали нужной маршевой скоростью, немцами были также созданы импровизированные подвижные боевые группы. Они состояли из моторизованных или хотя бы оснащенных гужевым транспортом частей пехотных дивизий: артиллерийского дивизиона, противотанкового дивизиона и саперного батальона. Такие группы находились в постоянной готовности сняться с места и форсированным маршем выдвинуться на атакованный советскими войсками участок (заранее неизвестный). Использование боевых групп из подвижных частей пехотных дивизии вообще было характерно для вермахта. Аналогичным образом осуществлялся, в частности, маневр резервами в 9-й армии Вальтера Моделя под Ржевом. Артиллерия корпусного звена и противотанковые части РТК также находились в готовности к выдвижению на атакованный участок. Кроме соединений вермахта в качестве подвижного резерва могли быть использованы зенитки IV авиакорпуса, передвигавшиеся на мототяге. Еще одной разновидностью частей, которые применялись как подвижный резерв, были батальоны штурмовых орудий. Они не имели собственной мотопехоты, но могли перемещаться своим ходом на участок прорыва, усиливая противотанковую оборону пехоты или же становясь бронированным тараном ее контратак. В составе 6-й армии было пять батальонов САУ «Штурмгешюц»: 209, 210, 236, 243 и 277-й. К началу советского наступления на Миусе все они не были распределены по армейским корпусам, а находились в подчинении штаба 6-й армии. Чтобы понять место Донбасса в немецкой стратегии лета 1943 г. достаточно сказать, что всего на тот момент на востоке было 26 батальонов «штургов», а для проведения «Цитадели» выделили 13 батальонов. В 1943 г. батальоны штурмовых орудий перешли на новый штат батареи (K.St.N.446a от 1 ноября 1942 г.) включавшей десять орудий: три взвода по три орудия и одна САУ в штабной роте. До этого по штату K.St.N.446 ноября 1941 г. в батарее было 7 орудий. При сохранившемся построении батальона из трех батарей и с учетом роты управления новый штат давал общую численность батальона «штургов» в 31 машину. Разумеется, 100% комплектности в середине войны было достигнуть трудно, но оперативная пауза перед сражением на Курской дуге позволила обеим сторонам пополнить части и соединения почти до штата. Так, например, 209-й и 210-й батальоны в начале июля 1943 г. насчитывали по 29 машин, а 243-й батальон – 31 САУ. Предназначавшиеся в период своего создания для решения сравнительно узких задач поддержки пехоты САУ «Штурмгешюц» становились все более значимой частью бронетехники вермахта. На 30 июня 1943 г. «штурги» составляли уже 30 % общей численности германской бронетехники (исключая самоходные лафеты): на эту дату в наличии на вос-

точном фронте имелось 1036 САУ «Штурмгешюц» и 2398 танков всех типов. Для сравнения – перед вторжением в СССР в июне 1941 г. штурмовые орудия составляли только 8 % численности танков и САУ вермахта на востоке. Боевой опыт и изменившиеся условия боевых действий заставляли пересматривать место и роль полностью бронированных самоходок в системе вооружения германской армии. В течение всего 1943 г. росло как количество батальонов штурмовых орудий, так и общая численность САУ этого типа на советско-германском фронте. Например, из вышеперечисленных частей «штурмгешюцев» армии Холлидга 236-й и 277-й батальон были новичками – их сформировали только весной 1943 г. и сразу же отправили на Восточный фронт. Как мы увидим далее, штурмовые орудия стали в ходе сражения на Миусе весьма эффективным средством борьбы с советскими танками. Лицо основного противника советских танкистов стало меняться, все чаще стали мелькать машины, прозванные впоследствии в мемуарах «фердинандами».

Организация войск сторон. Возрастание роли штурмовых орудий было, пожалуй, единственным крупным изменением организационной структуры вермахта. В остальном организация частей и соединений как немецкой, так и советской армий вошла в летнюю кампанию 1943 г. в сложившихся еще в 1942 г. штатах. Главной проблемой были существенные отклонения от штатов вследствие того, что потери в боях не успевали восполнять в периоды затишья. При штатной численности гвардейской стрелковой дивизии 10670 че-

17. Экипаж танка Т-34-76 (слева направо): командир танка лейтенант Битус, командир башни старший сержант Медведев, механик-водитель старшина Подсидков и радист-пулеметчик сержант Веражинский. Июль 1943 года. За предыдущие бои весь экипаж награжден орденами (АСКМ).

ловск ни в одном соединении Южного фронта не было даже 9 тыс. человек. В чем-то штаты были недостижимым идеалом. Гвардейский стрелковый полк по действовавшему на лето 1943 г. штату №05/500 должен был состоять из 2713 человек, вооруженных 1006 винтовками, 788 самозарядными винтовками и 344 пистолетами-пулеметами. Разумеется, при практически остановленном производстве СВТ-40, самозарядные винтовки были редкостью.

Средняя численность стрелковой дивизии в 5-й ударной и 28-й армиях составляла около 7 тыс. человек, а во 2-й гв. армии – несколько более 8 тыс. человек. При штатной численности двенадцать 122-мм гаубиц и двадцать четыре 76-мм пушки на дивизию, первых было 9 – 12 штук, а вторых – 16 – 20 штук. Также нельзя сказать, что Южный фронт выделялся хорошей комплектностью стрелковых соединений среди других объединений на советско-германском фронте. Например, в армиях Воронежского фронта средняя численность стрелковой дивизии перед началом сражения на Курской дуге составляла 8500 – 9000 человек. Находившиеся в резерве дивизии 5-й гв. армии А.С. Жадова были укомплектованы по штату.

Комплектность механизированных соединений 2-й гв. армии можно охарактеризовать как высокую. 2-й гв. механизированный корпус насчитывал 136 танков Т-34, 68 танков Т-70, 55 БА-64 и 13189 человек личного состава. 4-й механизированный корпус насчитывал 136 танков Т-34, 37 танков Т-70, 38 бронесамоблудей БА-64, 2 бронесамоблудия БА-20, 30 БТР М3А1, 11156 бойцов и ко-

мандиров. Штатная численность механизированного корпуса в 1943 г. составляла 15018 человек и 204 танка. Механизированные корпуса были наиболее сильным подвижным соединением Красной армии, ближе всего стоявшие по своим боевым возможностям к танковым дивизиям вермахта. Они появились в сентябре 1942 г. и были призваны создать организационные структуры с сильным мотопехотным звеном. Характерной чертой советской мотопехоты того периода было насыщение автоматическим оружием: пистолетов пулеметов и винтовок в механизированных бригадах было примерно равное количество. Однако существенным недостатком советских танковых и механизированных корпусов было отсутствие гаубичной артиллерии калибра 122 – 152 мм. Их артиллерия ограничивалась 76-мм, 45-мм пушками, установками РС и минометами.

Переход Южного фронта от обороны к сбору ударных группировок рано или поздно должен был быть замечен противником. Однако произошло это раньше, чем могли предположить в самых пессимистичных прогнозах советские штабисты. В конечном итоге это привело к существенным коррективам планов командования группы армий «Юг» относительно южного фаса Курской дуги. От задуманных Манштейном операций в развитие «Цитадели» пришлось отказаться. В какой-то мере злую шутку с немцами сыграла хорошая работа разведки. До 9 июля никаких перемещений войск или концентрации артиллерии немецкой разведкой не отмечалось. Но 10 июля стало поворотным пунктом, заставившим штаб Холлидта лихорадочно готовиться к отражению наступления противника в полосе ответственности 6-й армии. Во второй половине дня 10 июля были отмечены перемещения пехоты и танков в полосе XXIX и XVII армейских корпусов. Двумя днями спустя движение было замечено на стыке IV и XVII армейских корпусов – на направлении советского вспомогательного удара. Остроты в блюде оперативной обстановки добавил тот факт, что из-за погодных условий с 11 по 14 июля эффективная работа воздушной разведки была невозможной, и вся надежда была на наземную разведку и радиоперехваты. Занималась этим в 6-й армии 623-я отдельная рота радиоразведки. Особое внимание у немецких разведчиков вызывало перемещение резервов. Положение 2-й гвардейской армии как стратегического резерва советского командования в глубине построения войск на южном секторе фронта было известно немцам и его перемещения отслеживались. По оценке штаба 6-й армии 2-я гв. армия могла быть введена в бой в течение трех – пяти дней. Анализ радиообмена 14 июля позволил немцам сделать вывод, что штаб 2-й гв. армии переместился и располагается теперь за позициями 5-й ударной армии.

При этом нельзя сказать, что командованием 2-й ударной армии не принимались меры по обеспечению скрытности перегруппировки. Я.Г. Крейсер требовал передвижение совершать только ночью. Категорически запрещалось на марше разжигать костры, курить, варить пищу и открывать огонь по самолетам

противника. В прежних районах дислокации стрелковых частей оставалось от одного до двух взводов пехоты, которым позволялось делать все то, что запрещалось войскам на марше: разжигать костры, открывать огонь по пролетающим самолетам противника (причем трассирующими пулями) и т.п. На месте прежней дислокации артполков оставались макеты орудий и некоторое количество бойцов для имитации обычной жизни частей. После перехода полков в новый район бойцов было приказано перевезти автотранспортом. Однако сжатые сроки подготовки операции неизбежно вызвали промахи в маскировке перемещения войск. Так часть 2-го гв. механизированного корпуса двигалась ночью с зажженными фарами. Марши артиллерии и пехоты сменились в дневное время и были замечены противником.

Когда 15 июля улучшилась погода и заработала воздушная разведка, концентрация советских войск в районе Дмитриевки, Куйбышево и Дьяконово была подтверждена с воздуха. В этот день Холлидт отправился на передовую командный пункт XVII армейского корпуса и даже посетил командные пункты 294-й пехотной дивизии и двух ее полков. Надо сказать, что первые контрмеры были приняты командованием 6-й немецкой армии еще в обстановке неопределенности относительно советских планов. Уже 11 июля 16-я панцергренадерская дивизия получила приказ о приведении в повышенную боевую готовность. Холлидт лично проинструктировал командира дивизии и офицеров штаба соединения о задачах 16-й панцергренадерской дивизии как резерва 6-й армии. После подтверждения данных разведки, в ночь с 15 на 16 июля 16-я моторизованная дивизия была уже формально подчинена штабу 6-й армии и выдвинулась в район Чистяково, за центром построения XVII армейского корпуса. Сюда же были стянуты батальоны штурмовых орудий.

Помимо механизированных частей и соединений были приведены в боевую готовность пехотные части, которые могли быть использованы для отражения советского наступления. Утром 12 июля командиры XXIX и IV армейских корпусов получили приказы сформировать и держать в двухчасовой готовности две полковые боевые группы. Каждая состояла из артиллерийского дивизиона, одного саперного батальона и батареи противотанковой артиллерии. 15 июля Холлидт посетил штабы 294-й пехотной дивизии и XVII армейского корпуса и сообщил, что все данные разведки указывают на скорое начало наступления именно на их участке фронта. Через два дня жарким утром 17 июля громовые раскаты артиллерийской подготовки подтвердили его слова.

Первый день наступления. Авиацонная подготовка наступления Южного фронта началась еще в ночь с 16 на 17 июля, когда 46 самолетов У-2 произвели 276 самолето-вылетов преимущественно по переднему краю немецкой обороны. Артиллерийская подготовка началась в 3.35 утра с 5-минутного огневого налета. За ним последовала пауза в 1 ч 10 мин после которой орудия загрохотали вновь.

Северная ударная группировка Южного фронта атаковала два немецких пехотных полка: 581-й гренадерский полк 306-й пехотной дивизии и 513-й гренадерский полк 294-й пехотной дивизии. Они попали под удар четырех стрелковых дивизий 5-й ударной армии, составлявших первый эшелон наступления. В полосе 5-й ударной армии были сосредоточены основные усилия авиации и здесь действовали преимущественно гвардейские стрелковые дивизии. Это обусловило быстрое продвижение вперед. К 10.00 были захвачены высоты 121,7, 191,3 и 194,3. К 11 часам разгорелся бой на западной окраине Мариновки. К 14.00 пехота 5-й ударной армии вышла к высоте 213,9 оборонявшуюся учебным батальоном 306-й пехотной дивизии. Эта господствующая над местностью высота станет в течение последующих двух недель ареной жестоких боев.

Буквально в первые часы наступления войска 5-й ударной армии сравнительно легко овладели высотами западнее Дмитриевки и продвинулись на фронте 15 км на глубину от 2 до 6 км. Вопреки утверждениям немцев, успех первого дня наступления был достигнут частями 5-й ударной армии без ввода в бой крупной массы танков 2-го гв. механизированного корпуса. Стрелковые соединения 5-й ударной армии поддерживала одна 32-я гв. танковая бригада, насчитывавшая перед началом операции 53 танка и 3 бронемашин.

Куда более скромных результатов добилась южная ударная группировка фронта. Удар поставленных в первый эшелон 127, 271, 347 и 320-й стрелковых дивизий 28-й армии пришелся по двум пехотным полкам немцев на

стыке XXIX и XVII армейских корпусов. Это были 686-й гренадерский полк (336-й пехотная дивизия) и 515-й гренадерский полк (294-я пехотная дивизия). Части 28-й армии начали переправу через Мюс с наступлением темноты в ночь с 16 на 17 июля. Первый огневой налет последовал в 3.15, артиллерийская подготовка началась в 4.45. Части первого эшелона заняли исходное положение для атаки к 5.50. Главный удар на фронте 6 км нанесли 127-я и 387-я стрелковые дивизии при поддержке 33-я гв. танковой бригады. Во втором эшелоне находились 320-я и 118-я стрелковые дивизии и 1-й гв. тяжелый танковый полк. Однако проблемой наступления 28-й армии стал разрыв между окончанием артиллерийской подготовки и атакой пехоты. Это дало возможность обороняющемуся привести себя в порядок и занять позиции у орудий и пулеметов.

В 6.45 штаб XXIX корпуса предупредил командование соседней 17-й пехотной дивизии о необходимости быть готовым в любой момент ввести в бой резервную боевую группу. Она состояла из штаба полка, одного батальона пехоты, минометного дивизиона, батареи 105-мм легких полевых гаубиц и дивизиона противотанковых пушек. Подобные боевые группы уже упоминались выше, и они были характерны для немецкой школы ведения оборонительных операций. Поставленный во главе боевой группы на основе пехотного батальона штаб полка повышал уровень управления этим небольшим резервом. Еще больше возможности боевой группы 17-й пехотной дивизии повышал приданный ей 243-й батальон штурмовых орудий.

18. Штурмовое орудие StuG 40 Ausf. G из состава 2-го танкового корпуса СС готовится поддержать атаку своей пехоты. «Мюс-фронт», июль 1943 года (фото из архива автора).

Способные к проведению контратак резервы были Холлидту в тот момент нужнее всего. В 7.55 (берлинского времени) командование XXIX корпуса докладывало в штаб 6-й армии, что противник преодолел передовые позиции и продвигается на запад. Один батальон 686-го полка был окружен в деревне Петрополье, два других были дезорганизованы и отступали. Немцы попытались деблокировать Петрополье атакой разведывательного батальона на левофланговые части 347-й стрелковой дивизии, но успеха не достигли. Однако удержание Петрополя разбило волну наступления на два потока, которые можно было локализовать за счет резервов. В полосе 336-й пехотной дивизии продвижение советских войск ограничилось 2 км, однако фронт был подобен туго натянутой струне, готовой лопнуть в любую минуту.

Необходимо отметить, что негативную для армии Холлидта роль в данном случае сыграла немецкая стратегия концентрации усилий Люфтваффе на направлении главного удара с оголением пассивных участков фронта. Эта стратегия хорошо работала в 1941 — 1942 гг. когда владение стратегической инициативой позволяло немцам создавать подавляющее превосходство на направлении главного удара. В 1943 г. оставление ряда армий без воздушной поддержки грозило локальным господством в воздухе советской авиации, по крайней мере, в первые дни наступления. В частности, отсутствовало воздействие на наступающих с воздуха. В журнале боевых действий 28-й армии фиксировались самолето-пролеты немецкой авиации, но отмечалось, что противник «бомбардировочных действий в полосе армий не производил». Удары с воздуха сыграли важную роль в первых успехах советского наступления: немецкие пехотинцы были серьезно деморализованы и понесли большие потери. Психологически давило именно отсутствие видимой поддержки со стороны Люфтваффе: сбитые истребителями противника самолеты в списке потерь 8-й воздушной армии присутствовали. В свою очередь в первый день наступления 8-я воздушная армия 374 самолетами (136 истребителей, 160 штурмовиков и 78 бомбардировщиков) произвела 770 самолето-вылетов. Из этого числа на атаку войск противника было произведено 403 самолето-вылета, на сопровождение ударных самолетов 141 самолето-вылет, на прикрытие наземных войск 89 самолето-вылетов, на перехват 64 самолето-вылета и на разведку 52 самолето-вылета. Со стороны противника было зафиксировано только 350 самолето-пролетов. Соответственно собственные потери 8-й воздушной армии в первый день операции составили всего 6 самолетов. Некоторые авиасоединения вовсе не понесли потерь. Так за 17 июля Ил-2 1-й гв. штурмовой авиадивизии совершили 193 боевых вылета, не потеряв ни одной машины.

Однако с самого начала советский план начал рассыпаться. Прежде всего, была подвергнута сомнению сама идея двух параллельных вклинений в немецкую оборону для образования широкого прорыва. Клинья 5-й ударной и 28-й армии оказались вбиты на разную глубину. К концу дня 5-я ударная ар-

мия продвинулась на 2 — 6 км. 28-я армия отстала и смогла продвинуться только на 1 — 2 км. Она преодолела восточные склоны высот на берегу Миуса, но была остановлена на их топографическом гребне. В этих условиях командование Южного фронта было поставлено перед необходимостью менять план использования эшелона развития успеха. Низкие темпы продвижения 28-й армии делали нецелесообразным ввод в прорыв левой оперативной группы 2-я гв. армии. Было принято решение перегруппировать 1-й гвардейский стрелковый корпус и 4-й гвардейский механизированный корпус из полосы 28-й армии в район Дмитриевки и задействовать согласно плану механизированный корпус правой оперативной группы армии.

Второе было выполнить легче, чем первое. В 13.43 17 июля начальник штаба Южного фронта передал в штаб 2-й гвардейской армии приказ командующего фронтом о вводе в бой 2-го гв. механизированного корпуса. Уже в 13.50 приказ был по радио оттранслирован командиру 2-го гв. мехкорпуса. Помимо радиogramмы в штаб корпуса был самолетом отправлен делегат связи. К 17.00 главные силы корпуса вышли к Миусу и начали переправу. Правильно оценивая крупные механизированные соединения Красной армии как наибольшую опасность для обороны, немцы сконцентрировали против переправляющегося мехкорпуса скудные силы своей авиации. Также против переправ была задействована дальнобойная артиллерия, огонь которой был охарактеризован советским командованием как «хаотичный». К моменту выхода к переправам через Миус советский механизированный корпус и другие части 5-й ударной и 2-й гв. армий представляли собой почти идеальную цель для воздушного противника. На 3 км на восточном берегу реки растянулась колонна танков, автомашин, кухонь и колонн пехоты. Однако к 18.00 17 июля, несмотря на царивший на переправах беспорядок, все танки корпуса были переправлены на западный берег р. Миус. Потери частей 2-го механизированного корпуса от ударов с воздуха были незначительными и составили 18 человек убитыми и 46 ранеными. Также вследствие ударов с воздуха вышли из строя 2 танка и 3 автомашины.

Уже вечером 17 июля части 2-го гв. механизированного корпуса вступили в соприкосновение с противником. Наибольшего успеха добилась 4-я гв. механизированная бригада, которая с ходу овладела высотой 213,9. Захват этого важного опорного пункта давал советским войскам серьезное преимущество. Севернее 4-й гв. бригады 5-я гв. механизированная бригада вышла в боевые порядки пехоты, штурмовавшей Герасимовку, а 6-я гв. мехбригада завязала бой за Мариновку. 37-я гв. мехбригада и полк самоходок СУ-152 оставались во втором эшелоне. Однако в сумерках бои вскоре приостановились. Свое веское слово крупное советское механизированное соединение должно было сказать на второй день операции.

Вслед за 2-м гв. механизированным корпусом в 19.00 17 июля выступил 13-й гв. стрелковый корпус, который уже к 21.00 двумя свои-

19. Экипаж танка Pz.VI «Tiger» из состава роты тяжелых танков панцергренадерской дивизии СС «Тотенкопф» на отдыхе. Июль 1943 года (АСКМ).

ми дивизиями (3-й и 49-й гвардейскими) вышел к переправам через Миус. Входящая в состав корпуса 87-я гв. стрелковая дивизия, согласно плану, оставалась в армейском резерве. Потери 13-го гв. стрелкового корпуса от ударов с воздуха в первый день сражения были ничтожными и составили 4 человека убитыми и 6 человек контужеными. Если 2-й гв. мехкорпус и 13-й гв. стрелковый корпус пришли в движение, то 4-й гв. мехкорпус находился в районе сосредоточения, а 1-й гв. стрелковый корпус получил приказ к утру 18 июля выйти на реку Миус. Таким образом, правая оперативная группа 2-й гв. армии действовала практически в полном согласии с планом операции, а левая оперативная группа оказалась перед лицом радикального изменения плана своего использования.

видим, безуспешно наступавшая 28-я армия понесла большие потери, чем продвигнувшаяся на большую глубину 5-я ударная армия. Потери обороняющегося также были достаточно серьезными. По немецким данным, только части 294-й и 306-й пехотных дивизий (336-й пехотной дивизии и резервов) потеряли в первый день сражения 55 офицеров и 2061 унтер-офицера и солдата убитыми, ранеными или пропавшими без вести.

Основным средством сдерживания советского наступления стала артиллерия. Меры, принятые Холлидтом в последние дни перед сражением начали оказывать воздействие на развитие событий. Артиллерия прижимала наступающие советские части к земле, а подходящие тактические резервы проводили локальные контратаки. На этом фоне немцы

Штаб Южного фронта считал, что подчиненные ему войска в первый день наступления потеряли «до 1800 человек убитыми и ранеными». Попробуем несколько детализировать эти цифры по документам наступавших армий. Потери 5-й уд. армии (по неполным данным на 21.00 17 июля) составляли 225 человек убитыми и 484 ранеными. Армия потеряла 8 танков KV, 11 танков Т-34, 2 Т-60 и 2 Т-70. Потери личного состава 28-й армии за первый день наступления составили 577 человека убитыми и 1823 человека ранеными. 33-я гв. тбр потеряла 4 танка Т-34 подбитыми, 1 танк Т-60 сгоревшим, еще 1 Т-60 и 2 Т-34 утонуло при переправе через р. Миус. В 1-й гв. тп в первый день сражения было потеряно 50 % танков: 2 танка KV сгорело, 2 танка KV было подбито и 6 KV подорвались на минах. Как мы

считали ошибкой советского командования отказ от ввода в бой основных сил танковых соединений уже в первый день наступления. Хорошо работавшая немецкая разведка знала о наличии в составе Южного фронта двух механизированных корпусов. Соответственно своей главной задачей Холлидт видел в последовательном выбивании советских танков по мере их вступления в бой. Задержка с ожидавшимся немцами вводом в бой 4-го гв. механизированного корпуса вынуждала контратаковать как можно быстрее, в надежде разбить мехкорпуса по одиночке. Поэтому уже в 15.00 (берлинского времени) 17 июля Холлидт приказывает 16-й панцергренадерской дивизии сосредоточиться в районе юго-западнее Калиновки. Дивизии ставилась задача контратаковать на с утра следующего дня наступаю-

щие советские войска во фланг, двигаясь вдоль долины реки Ольховчик. Фактически командование 6-й армии санкционировало ввод в бой резервов по частям – прибывающая из состава XXIV танкового корпуса 23-я танковая дивизия должна была поступить в распоряжение Холлидта не ранее вечера 18 июля. Интрига второго дня советского наступления обещала крутиться вокруг ударов по сходящимся направлениям немецкой 16-й моторизованной дивизии и советского 2-го гв. механизированного корпуса на фоне задержки с вступлением в бой двух других подвижных соединений – 23-й танковой дивизии и 4-го гв. механизированного корпуса.

Сковывающий удар. Одним из атакизмов советского военного искусства в сражении на Миусе в июле 1943 г. стал сковывающий удар, наносившийся 51-й армией в стороне от направления главного удара. Сковывающие удары были в Красной армии своего рода эхом «Брусиловского прорыва» времен Первой мировой войны, когда прорыв австрийской обороны в 1916 г. был достигнут на Юго-Западном фронте нажимом на противника на широком фронте. Такой нажим в нескольких точках затруднял обороняющемуся снятие резервов с оказавшихся в стороне от направления главного удара участков фронта. Тем самым решалась одна из проблем позиционных сражений – подтягивание противником резервов к участку намечающегося прорыва путем снятия частей и соединений с неатакованных участков фронта. Однако с другой стороны такая стратегия вызывала распыление сил и ослабление ударной группировки на главном направлении. Во второй половине войны от сковывающих ударов отказались. В какой-то мере можно оправдать решение со сковывающим ударом тем фактом, что в наступление Южный фронт переходил в сжатые

сроки из положения обороны с относительно равномерным распределением сил и средств вдоль фронта. Соответственно перегруппироваться со сбором всех мыслимых сил на одном участке было крайне затруднительно.

Сковывающий удар должен был наноситься силами 54-го стрелкового корпуса 51-й армии Г.Ф. Захарова. Особенностью положения корпуса было то, что в этом месте река Миус изгибалась на запад, и в полосе наступления советских войск не было водной преграды, даже в ближайшем тылу (что прибавляло работы саперам на строительство переправ). Для наступления выделялись 302, 87 и 346-я стрелковые дивизии, 6-я гвардейская танковая бригада (60 танков KB, T-34 и T-70) и артиллерийские части усиления (6-я пушечная артиллерийская бригада, 219-й гв. легко-артиллерийский полк, 1246-й истребительно-противотанковый полк и три минометных полка). Комплектность выделенных для наступления стрелковых дивизий была умеренной. 87-я стрелковая дивизия насчитывала на 5 июля 1943 г. 7058 человек из 9352 человек по штату, 302-я и 346-я стрелковые дивизии насчитывали 7534 человека и 7143 человека соответственно при том же штате. 87-я и 302-я стрелковые дивизии и танковая бригада были в первом эшелоне, а 346-я стрелковая дивизия – во втором эшелоне для развития успеха. Замысел сковывающего удара был достаточно интересным и учитывал опыт войны. Две указанные стрелковые дивизии должны были наступать в промежутке между двумя опорными пунктами противника – Штеровка и Ивановка. Построение обороны путем укрепления населенных пунктов было своего рода «визитной карточкой» вермахта еще с первого года войны. После ввода в бой второго эшелона опорные пункты Штеровка и Ивановка блокировались дивизиями первого эшелона. Тем са-

20. Танк Pz.VI «Tiger» роты тяжелых танков панцергренадерской дивизии СС «Тотenkopf». Июль 1943 года. Машина имеет бортовой номер 911, на стволе пушки видны шесть белых колец – число подбитых советских танков (АСКМ).

мым предполагалось избежать кровопролитного штурма опорных пунктов немцев. Одновременно особенностью сковывающего удара было соотношение сил, не дававшее решительного преимущества советским войскам. По расчетам штаба 51-й армии соотношение сил было 0,6:1 в пользу ударной группировки 54-го стрелкового корпуса.

Готовность войск 51-й армии к наступлению была достигнута уже к 13 июля, но сковывающий удар должен был наноситься одновременно с главным, иначе терялся сам смысл сковывания резервов противника. К 3.30 17 июля части корпуса заняли исходное положение для наступления. В ночь на 17 июля также были проделаны проходы в минных полях перед передним краем противника. После артиллерийской подготовки длительностью полтора часа в 5.50 пехота поднялась в атаку. Советская разведка ошибочно считала, что сковывающий удар придется только по частям 302-й пехотной дивизии. В действительности полоса наступления 51-й армии пришлось на стык между 302-й и 306-й пехотными дивизиями. Был атакован 571-й гренадерский полк первой и 575-й гренадерский полк второй дивизии. Боевое охранение противника было легко сбито, но далее наступающие вышли к прикрытому огнем минному полю

21. Немецкий танкист у замаскированного танка Pz.VI «Tiger» панцергрендерской дивизии СС «Тотенкопф» в перерывах между боями. «Миус-фронт», июль 1943 года (АСКМ).

и наступление остановилось. Саперы опоздали на четыре часа.

Ударной группировке 54-го стрелкового корпуса немцы противопоставили развитые минные поля и контратаки. С теми же проблемами столкнулись немцы под Курском, когда на прикрытых огнем минных полях несли тяжелые потери и «тигры», и «пантеры». Переход частей 51-й армии к отражению контратак, в сущности, означал, что задача сковывания резервов противника в основном выполнена.

Уже с утра второго дня наступления советские войска вынуждены были отражать контратаки противника, проводившиеся при поддержке истребителей. Второй эшелон в лице 346-й стрелковой дивизии также начал свое участие в операции с обороны. Перейти в наступление 346-я стрелковая дивизия при поддержке 6-й гв. танковой бригады смогла только в 14.20 и снова наступление уперлось в прикрытое огнем минное поле и подверглась контратаке противника. Второй раз за день наступление было возобновлено в 17.00 и продолжалось до 23.00. В ночь с 18 на 19 июля были проделаны проходы в обнаруженных минных полях. День 19 июля прошел в том же духе – отражение контратак противника и попытки пробиться через новые минные поля.

22. Колонна бронетехники 23-й танковой дивизии вермахта движется к линии фронта. «Миус-фронт», июль 1943 года. На переднем плане 150-мм самоходная гаубица StuIG 33 (АСКМ).

Немцы считали положение восстановленным к 20 июля. С 16 по 20 июля соединения 51-й армии понесли следующие потери. 87-я стрелковая дивизия (включая две штрафные роты) потеряла 629 человек убитыми и 2047 ранеными. 302-я стрелковая дивизия потеряла 415 человек убитыми, 2212 человек ранеными и 207 пропавшими без вести, 346-я стрелковая дивизия — 527 человек убитыми и 1257 человек ранеными. Общие потери 54-го стрелкового корпуса за этот период составили 7382 человека (1571 человек убитыми, 5516 человек ранеными и 207 пропавшими без вести). В период с 16 по 27 июля 54-й стрелковый корпус потерял 1776 человек убитыми, 6419 человек ранеными и 212 пропавшими без вести. 6-я гв. танковая бригада потеряла 3 танка KV, 18 T-34 и 11 T-70, потери личного состава составили 256 человек убитыми и ранеными.

Продолжение наступления (18 – 20 июля). Основным событием второго дня наступления стал ввод в бой свежих сил обеими участниками сражения. Со стороны Южного фрон-

тивника. В занятую Мариновку вошли все еще находившиеся во втором эшелоне 37-я гв. механизированная бригада и 1543-й тяжелый самоходный полк. Продолжая наступление, 4 гв. механизированная бригада заняла Саур-Могильский, но дальнейшее продвижение вперед было остановлено частями 306-й пехотной дивизии, в том числе артиллерийским полком соединения и штурмовыми орудиями. Опорой немецкой обороны на этом направлении стала высота 277,9, известная также как курган Саур-Могила (Саур-Могильский). Местность с этой высоты просматривалась на 10 км, что позволяло эффективно корректировать огонь артиллерии. Однако даже успех с захватом лежащего у подножия кургана селения Саур-Могильского оказался мимолетным: по ошибке шедшая уступом сзади 5 гв. механизированная бригада открыла огонь по батальонам 4-й гв. механизированной бригады в деревне. «Дружественный огонь» и артобстрел со стороны противника вынудил батальоны 4-й гв. мехбригады отступить из Саур-Могильского. Бой 18 июля с противником

та в сражение вступили основные силы 2-го гв. механизированного корпуса и 13-й гв. стрелковый корпус, а со стороны 6-й немецкой армии — 16-я моторизованная дивизия и отдельные резервные боевые группы.

Части 2-го гв. механизированного корпуса перешли в наступление в 6.30 18 июля. Прорыва обороны 6-й немецкой армии на всю глубину в первый день достигнуто не было. Вследствие этого механизированные бригады вели бой плечом к плечу со стрелковыми дивизиями 5-й ударной армии. 4-я и 5-я гв. механизированные бригады завязали бой за Степановку, при этом отличившаяся предыдущим вечером 4-я гв. мехбригада гв. полковника Кузнецова захватила юго-западную окраину этого населенного пункта. 6-я гв. мехбригада наступала на Мариновку. Совместно с бригадами действовали 40-я гвардейская и 315-я стрелковые дивизии. К 13.00 Степановка и Мариновка были полностью очищены от про-

и соседней бригадой корпуса стоял 4-й гв. мехбригаде 36 человек убитыми и 211 человек ранеными.

По замыслу Холлидта контрудар 16-й панцергренадерской дивизии должен был отрезать наступающие советские войска от Мнуса. Однако в действительности основной удар пришелся по наступающей на Мариновку левофланговой бригаде 2-го гв. механизированного корпуса. Контрудар проводился боевыми двумя группами. В первую вошли 116-й танковый батальон и 60-й панцергренадерский полк, а во вторую — 156-й панцергренадерский полк. С севера фланговое прикрытие атаки осуществлял разведывательный батальон дивизии. Наступление 156-го панцергренадерского полка было быстро остановлено ударом советских танков и пехоты во фланг, и полк перешел к подвижной обороне. Для удержания занятых рубежей немцы даже вынуждены были переместить

из второй боевой группы танковый батальон дивизии. Вторая боевая группа 16-й панцергренадерской атаковала стрелковые части 5-й ударной армии, однако лишенное танковой поддержки наступление grenадеров развивалось вяло и не достигло существенных успехов. Первый немецкий контрудар закончился неудачей. Удалось достичь в лучшем случае некоторого замедления продвижения вперед советских войск.

Несмотря на общий неуспех первого дня наступления 28-й армии, инерция первоначального плана действий ударных группировок фронта 18 июля 1943 г. еще сохранилась. 28-я армия продолжила наступать на прежнем направлении. Наступление армии началось в 6.00, но вскоре перешло в отражение контратак противника. Однако интенсивность боевых действий значительно снизилась, что сказалось на потерях: 28-я армия потеряла 183 человека убитыми и 301 человека ранеными. Хуже обстояли дела в танковых войсках. Лето 1943 г. стало настоящим бенефисом минного оружия, как на обоих фасах Курской дуги, так и на других участках фронта. 33-я гв. танковая бригада 18 июля потеряла 5 танков сожженными, 5 – подбитыми и 6 – подорвавшимися на минах. Поддерживавший 271-ю и 320-ю стрелковые дивизии 1-й гв. тяжелый танковый полк к концу дня сохранил боеспособным только один танк. Все остальные КВ вышли из строя вследствие подрыва на минах. Все подорвавшиеся танки были эвакуированы, но в ближайшие несколько дней уже не могли принять участие в наступлении. Неудачи первых двух дней боев и резкое снижение танковой поддержки сужали возможности дальнейшего развития операции.

Столкнувшись с серьезными трудностями в наступлении южной ударной группировки, советское командование не стало упорствовать и превращать сражение в классическую позиционную «мясорубку». Было принято решение перегруппировать не только соединения эшелона развития успеха, но и дивизии 28-й армии. Армия в ночь с 18 на 19 июля производила перегруппировку с целью переноса направления главного удара на правый фланг, ближе к оси наступления 5-й ударной армии. Вместо проламывания широкой брешы двумя параллельными ударами Южный фронт перешел к расширению вклинения 5-й ударной армии. Теперь войска 28-й армии должны были наступать не с востока на запад, а на юго-запад из района Куйбышево. В свою очередь немцы продолжали стягивать с неатакованных участков фронта заранее подготовленные боевые группы. В частности из 111-й пехотной дивизии, оборонявшейся у Таганрога, прибыла полковая боевая группа, получившая по имени своего командира наименование «группа Рекнагеля». Она прибыла 18 июля и должна была с утра 19 июля вместе с частями 294-й пехотной дивизии контратаковать наступавшие южнее Куйбышево советские части. Благодаря перегруппировке 28-й армии запланированная контратака группы Рекнагеля попала в пустоту.

Перенос усилий в полосу 5-й ударной армии затронул также 4-й механизированный корпус. Ему было приказано «не позже

3.00 19.7.43 переправить части на зап. берег р. Миус». Далее предполагалось наступление в юго-западном направлении с задачей «совместно с частями 28 А окружить и уничтожить Куйбышевскую группировку». Таким образом, предполагалось обойти с фланга и атаковать в тыл противника, оказавшего упорное сопротивление 28-й армии. В 1943 г. советское командование уже проявляло достаточную гибкость, чтобы не пытаться упорно таранить прочную оборону на заранее определенных в плане операции направлениях. Соответственно механизированный корпус не вводился для решения не выполненной пехотой задачи, а должен был быть использован для обходного маневра. Конечно, такое решение имело свои недостатки: вместо ввода в бой на второй день операции двух механизированных корпусов в наступлении мог участвовать только один из них.

Однако вечером 18 июля командование Южного фронта все еще с оптимизмом смотрело в будущее. Заняв Степановку и Мариновку, 2-й механизированный корпус во второй половине дня продвигался далее на запад, заняв к концу дня Гараны и высоты 230,9 и 214,3 к западу и северо-западу от Степановки. Задачей 2-го гв. механизированного корпуса на 19 июля стал прорыв к реке Крынка с целью воспрепятствования организации противником обороны на этом рубеже. Также предполагалось захватить плацдармы на западном берегу Крынки. Вслед за механизированным корпусом должен был продвигаться 13-й гв. стрелковый корпус, обеспечивая защиту правого фланга со стороны Снежного. Обоснованно считалось, что левый фланг будет обеспечен агрессивными действиями 4-го гв. механизированного корпуса. Назначенный первоначально для развития наступления южной ударной группировки 1-й гв. стрелковый корпус рокировался к Дмитриевке, оставаясь все еще не задействованным в наступлении.

Вечером 18 июля в распоряжение командования 6-й немецкой армии прибыло еще одно механизированное соединение – 23-я танковая дивизия. Вслед за дивизией прибыл штаб XXIV танкового корпуса Вальтера Неринга. Командующий группы армий «Юг» настойчиво рекомендовал Холлидту не бросать прибывшую дивизию в бой с марша. Манштейн советовал использовать прибывший резерв для подвижной обороны, стремясь выиграть время до рокировки из-под Белгорода танковых соединений СС. Однако уговоры Манштейна сохранять хладнокровие не падали на благодатную почву. Оборона 6-й армии находилась в глубоком кризисе. Вклинение советской 5-й ударной армии окаймлялось 306-й пехотной дивизией на северном фланге и в центре, 16-й панцергренадерской и 294-й пехотной дивизией в центре и на южном фланге. После неудачи контрудара 306-я пехотная дивизия неумолимо откатывалась назад от Степановки и высоты 213,9. Положение отходящих в беспорядке частей 294-й пехотной дивизии лишь в некоторой степени было стабилизировано занятием части полосы обороны мотопехотой 16-й панцергренадерской дивизии. Единственным средством, хотя бы теоретически способным

остановить советское наступление была 23-я танковая дивизия.

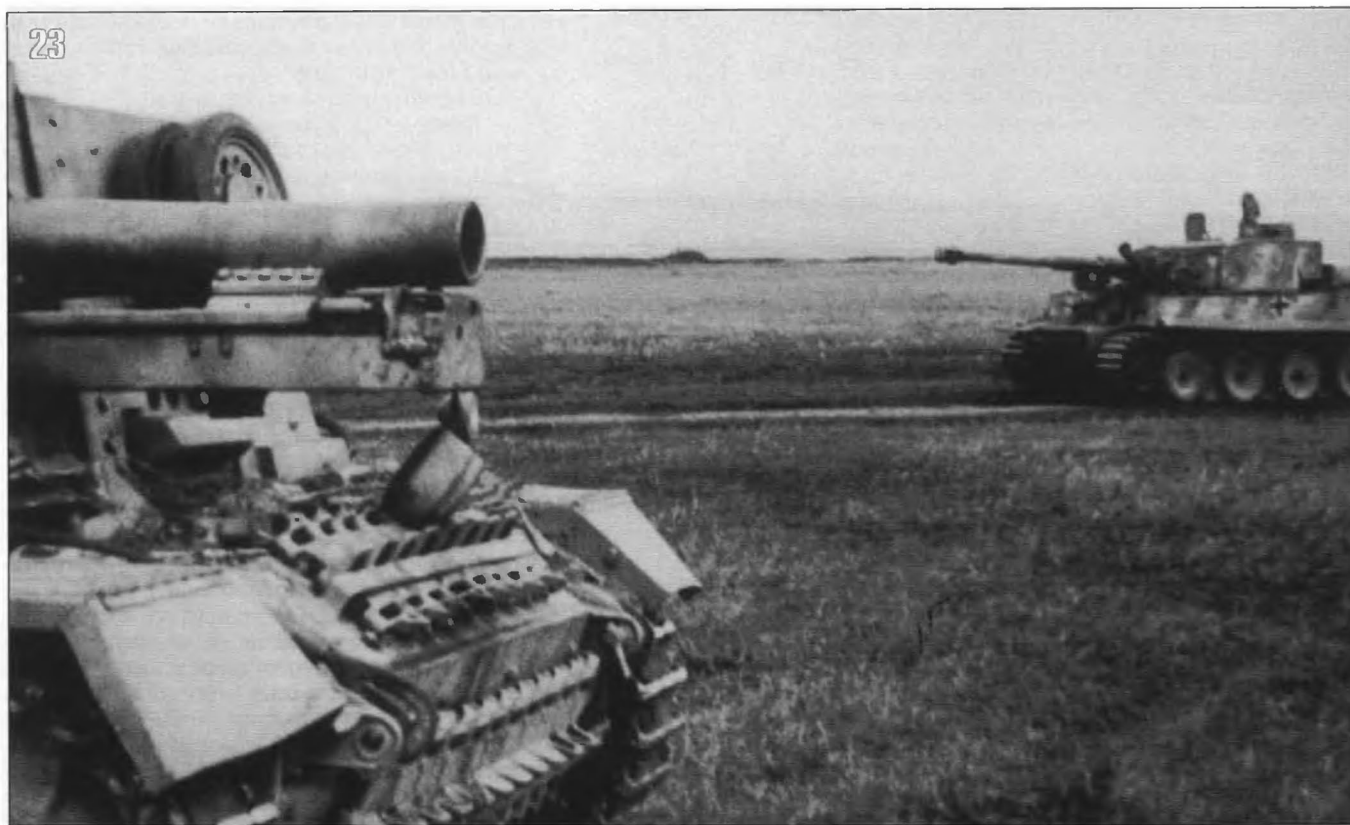
Наиболее гибким средством реагирования на возникающие кризисы была (и остается таковым до наших дней) авиация. Сообразно немецкой стилистике ведения оборонительных операций, она была широко задействована против советского наступления на Миусе. Имея на востоке сравнительно малочисленные силы ВВС, немецкое командование было вынуждено постоянно перебрасывать авиационные группы и эскадры между различными участками, усиливая одни и ослабляя другие. В сражении под Курском участвовали крупные силы ударной и истребительной авиации, стянутые с разных секторов советско-германского фронта. Это позволило добиться если не господства, то, во всяком случае, определенного преимущества в воздушном сражении над Курской дугой. Однако оборотной стороной медали стала необходимость раздвигать авиацию на парирование возникших в орловском выступе, под Барвенково и на Миусе кризисов. Ухудшение погоды в небе над Курской дугой позволило начать перегруппировку еще до начала советского наступления. В расположение войск 6-й армии начали прибывать авиасоединения с южного фланга Курской дуги. Одной из первых уже 15 июля прибыла III группа 3-й истребительной эскадры «Удет». На следующий день за ней последовали части II эскадры «Удета».

Усиление авиационной поддержки со стороны IV авиакорпуса заставило Холлидта не послушаться советов командующего группой армий «Юг» и в приказе войскам на 19 июля было предусмотрено немедленное использование прибывшей 23-й танковой дивизии.

После авиационной подготовки силами пикирующих бомбардировщиков дивизия должна была атаковать вдоль дороги Снежное – Мариновка. Задачей соединения был захват высоты 213,9, господствовавшей над советским плацдармом. Наступательную задачу также получила 16-я панцергренадерская дивизия. Она должна была контратаковать и отбить Степановку, нависавшую над осью наступления 23-й танковой дивизии. Фактически успех контрудара зависел от результатов атаки на Степановку то есть лобовой атаки против вводившихся в бой соединений 2-й гв. армии. В случае неуспеха этой атаки 23-й танковой дивизии пришлось бы наступать под сильным фланговым огнем 76-мм танковых и дивизионных орудий. Впрочем, и без этого 23-й танковой дивизии предстояло атаковать заслон 5-й ударной армии, выставленный в рамках первоначального плана операции Южного фронта. Этот заслон на северном фланге наступающей 2-й гв. армии образовывали дивизии 31-го гв. стрелкового корпуса. Срезание советского вклинения было непростой задачей, решить которую назначенными Холлидтом силами было практически нереально.

Однако приказ есть приказ и с утра 19 июля два прибывших в распоряжение командующего 6-й армией подвижных соединения перешли в наступление. 16-я панцергренадерская дивизия атаковала своими 20 оставшимися танками в направлении Степановки мимо высоты 230,9. Однако эта атака была встречена наступлением 2-го гв. механизированного корпуса, продолжавшего пробиваться на запад и юго-запад. В результате контрудар вылился в танковый бой. 15 из 20 участвовавших

23. Немецкая бронетехника в боях на «Миус-фронте»: на переднем плане 150-мм самоходная гаубица StuIG 33 из состава 23-й танковой дивизии, на заднем танк Pz.VI «Tiger» панцергренадерской дивизии СС «Рейх» (АСКМ).

24. Контрнаступление немецких частей на «Миус-фронте». Июль 1943 года. На фото видны 150-мм самоходная гаубица StuIG 33 23-й танковой дивизии, разбитая «Катюша» (установка БМ-13 на шасси JMC и с ракетами на направляющих) и 18-тонный полугусеничный тягач Sd.Kfz. 9 (АСКМ).

в атаке немецких танков 16-й панцергренадерской дивизии были подбиты. Судя по имеющимся советским документам, немецкие танкисты пошли в практически самоубийственную атаку, и 7 немецких танков прорвались к Степановке, прошив построение корпуса Свиридова. Там они были встречены танками и артиллерией 5-й гв. механизированной бригады. В охоте на прорвавшиеся танки также принял участие танковый полк 14-й механизированной бригады находившегося в выжидательном районе 4-го гв. механизированного корпуса. После неудачи немецкой контратаки поле боя осталось за советскими войсками: части 16-й панцергренадерской дивизии сочли за благо отступить на запад.

Вторая боевая группа 16-й панцергренадерской дивизии развернулась для атаки за высотой 202,0 и перешла в наступление в северном направлении. К тому моменту к полю боя подтянулись соединения 13-го гв. стрелкового корпуса. Его задачей было прикрывать щель, образовавшаяся между выравнявшимися вперед бригадами 2-го механизированного корпуса и основными силами 5-й ударной армии. Советское командование было научено опытом немецких контрударов, отсекавших эшелон развития успеха от основных сил фронта, и очень аккуратно прикрывало «сочленение» танковых и пехотных соединений. Так атака мотопехоты 16-й панцергренадерской дивизии встретила плотный заслон советской пехоты.

Контрудар 23-й танковой дивизии также закончился неудачей. Построение соединения для атаки было типичным: один панцергренадерский полк поддерживался танковым полком (он образовывал «танковую» боевую группу), а второй панцергренадерский полк атаковал без поддержки танков («пехотная» боевая группа). Помимо ожидавшегося огня

во фланг со стороны Степановки танковую боевую группу встретил плотный огонь со стороны высоты 213,9. Сцена разыгравшейся вскоре драмы было покрыта полями кукурузы и подсолнечника. Густая и высокая растительность обеспечивала хорошую маскировку для позиций 45-мм и 76-мм пушек, а открыла огонь советская противотанковая артиллерия только когда атакующие танки подошли к ним вплотную. Кроме артиллерии за танками охотились звенья штурмовиков Ил-2. В результате из 50 танков, имевшихся к моменту прибытия в распоряжение Холлидта, 23-я танковая дивизия потеряла 28 машин. Пехотной боевой группе 23-й танковой дивизии и ее противотанковому батальону повезло меньше – она была атакована 5-й гв. механизированной бригадой и вынуждена была перейти к обороне.

Общий неуспех контрудара днем 19 июля заставил 6-ю армию еще дальше отступить на запад, позволив 2-му гв. механизированному корпусу еще ближе пробиться к р. Крынка. Выбитая из Саур-Могильского в предыдущий день совместными усилиями своих и противника 4-я гв. механизированная бригада с утра 19 июля возобновила наступление. Саур-Могильский был повторно захвачен, и бригада стала обходить одноименный курган с юга, наступая на юго-запад. Однако сильный артиллерийский и минометный огонь противника наносил большие потери и препятствовал продвижению вперед. 6-я гв. механизированная и 37-я танковая бригада к 17.00 овладели селением Гараны. Отражением немецкого контрудара занималась 5 гв. механизированная бригада корпуса, начавшая день наступлением на высоту 230,9 (западнее Степановки).

Однако, если второй контрудар Холлидта не достиг поставленных командованием задач, то нельзя отрицать его косвенного воз-

действия на наступающую группировку войск Южного фронта. Задачи дня 2-й гв. армией выполнены не были. Свое недовольство развитием наступления военный совет Южного фронта выразил директивой № 004/ВПУ от 11.30 20.07.43. В ней в частности говорилось (орфография и пунктуация документа сохранены):

«Командир 2 гв. мк получив 18.7.43 приказ на ввод в прорыв, донес командарму 2 гв. А о том, что к 18.00 вышел на рубеж Саур-Могильский, Гараны, тогда как фактически корпус находился в районе Степановка и вместо наступления перешел к обороне, а Командарм 2 гв. А и его штаб плохо управляя и не зная истинного положения не проверили и донесли ложное положение 2 гв. мк.

Штаб 2 гв. Армии на 19.7.43 не организовал наступление 2 гв. мк и 13 гв. ск, а Командующий, видимо, считал, что организацию взаимодействия участвующих родов войск проведут командиры 13 гв. ск и 2 гв. мк.

В результате не было отдано ни одного письменного документа, а давались различные противоречивые указания. В итоге командир 2 гв. мк решил действовать так, как ему заблагорассудится и вместо организованного наступления корпус проводил оборонительные бои.

Командир 96 сд 5 уд.А полковник Левин в течение суток упорно поддерживал обман о захвате Саур-Могильский, чем внес большую неясность в положение о действии 5 уд. и 2 гв. Армий»

История с Саур-Могильским была изложена выше: он был занят, но оставлен при весьма щекотливых обстоятельствах. Поэтому полковник Левин не обманывал, донося о занятии селения, и на следующие сутки Саур-Могильский был лишь вновь захвачен.

Основной проблемой было то, что 2-й гв. механизированный корпус не добился 19 июля ожидавшегося командованием значительного продвижения вперед. Корпус сдерживался артиллерией, ударами авиации вкупе с контратаками. Как было в сердцах сказано в одном из донесений, корпус «топтался на месте перед слабым противником». В сущности советские и немецкие танковые соединения оказались в схожей тактической обстановке на характерной местности. В результате боев в руках каждой из сторон оказались командовавшие над местностью высоты, вокруг которых развивалось сражение. Крепким орешком для немцев оказалась высота 213,9, а для наступающих войск Красной армии камнем преткновения стал курган Саур-Могильский (высота 277,9). Удержание Степановки обеспечило советским войскам воздействие артиллерией с фланга по атакующим высоту 213,9 частям 23-й танковой дивизии. Одновременно контратаковавшие немецкие дивизии сковали 5 гв. мехбригаду, наступавшую на курган Саур-Могильский с фронта. Тем самым они обеспечили воздействие артиллерии с обратного ската этой высоты во фланг наступавшим к р. Крынка частям 2 гв. механизированного корпуса. С фронта советские мехбригады сдерживались отошедшими назад частями 306-й пехотной дивизии, поддерживаемыми штурмо-

выми орудиями. Все это привело к «топтанию на месте» обеих сторон днем 19 июля. Разница была, пожалуй, в том, что немецкое командование по крайней мере видело мешавший продвижению вперед «шверпункт» – Степановку. Командующий 2-й гв. армией необходимость захвата выс.277,9 не видел.

Потери 2-го гв. механизированного корпуса за период с 17 по 19 июля составили 923 человека убитыми и ранеными и 48 подбитых танков (40 Т-34 и 8 Т-70). 28-я армия потеряла за эти три дня 1570 человек убитыми, 5355 человек ранеными. Потери всего Южного фронта в итоге боев 17 – 19 июля (включая скользящий удар 51-й армии) составляли 2408 человек убитыми, 10390 ранеными. Вышли из строя 132 танка, из них 26 были отнесены к безвозвратным потерям. Ввод в действие крупных сил авиации противника неизбежно сказался на обстановке в воздухе: 8-я воздушная армия потеряла 19 июля 19 самолетов, больше чем за 17 и 18 июля вместе взятые.

В ночь с 17 на 18 июля командующий 8-й воздушной армией Т.Т. Хрюкин поставил задачу штурмовикам на поддержку наступления 2-го механизированного корпуса:

«Противник, опираясь на свои опорные узлы, сдерживает продвижение наших частей. 8-я воздушная армия продолжает содействовать их наступлению в общем направлении на Успенская, прикрывает мехкорпуса в развитии прорыва. Командиру 1-й гвардейской штурмовой авиадивизии с 5.30 до 7.30 шестью восьмерками под прикрытием истребителей 6-й гвардейской истребительной авиадивизии уничтожать войска противника и содействовать продвижению наших войск при прорыве укрепленной полосы противника... Каждой восьмерке находиться над целью 20 минут, делая по три захода, не отрываться от нашей пехоты, подавлять огневые точки противника, содействовать продвижению танков и наземных войск.

Первой восьмеркой после артподготовки в 5.30 18.7.43 года атаковать войска противника перед передним краем наших войск, обеспечивая продвижение танков и пехоты»

Множественное число – «мехкорпуса» – в данном приказе было ошибкой. Реально поддерживался только один механизированный корпус. В оперативной сводке 1-й гв. штурмовой авиадивизии сообщалось:

«В течение дня 18 июля 1943 года 1-я гвардейская штурмовая авиадивизия бомбардировочно-штурмовыми последовательными ударами по 6 – 8 самолетов Ил-2 под прикрытием 6-й гвардейской истребительной авиадивизии по 2 – 4 самолета на группу уничтожала танки и огневые средства противника. Летало 74 самолета, произведено 146 самолето-вылетов, из них на бомбардировочно-штурмовые действия – 144 вылета, на разведку – 2 вылета. Налет – 153 часа 36 минут. По целям перед фронтом 5-й ударной армии произведено 105 самолето-вылетов, перед фронтом 28-й армии – 41».

Как мы видим, акцент в боевых действиях штурмовиков делался на полосу 5-й ударной армии. В ее полосе было выполнено более чем вдвое больше самолето-вылетов, чем на поддержку соединений соседней 28-й армии.

В первоначальном приказе Т.Т. Хрюкина это не закладывалось. Напротив, у него как общее направление действий указано Успенское, лежавшее в полосе 28-й армии. Действия 1-й гв. штурмовой авиадивизии как бы отражали постепенное смещение усилий войск Южного фронта в полосу 5-й ударной армии.

Вместе с тем, «топтание на месте» 2-го гв. механизированного корпуса стало неумолимо оказывать воздействие на наступление 2-й гв. армии и всего Южного фронта. Прежде всего, был задержан ввод в бой 4-го механизированного корпуса. Если Холлидт ввел в бой прибывшую 18 июля 23-ю танковую дивизию, то 4-й механизированный корпус в течение 19 июля оставался в районе Дмитриевки, подвергаясь ударам с воздуха и артиллерийскому обстрелу. В результате воздействия авиации и артиллерии противника корпус потерял 60 человек убитыми, 143 ранеными и 4 пропавшими без вести. 3 танка Т-34 и 13 автомашин сгорели. Были также подбиты 8 танков Т-34, 1 броневедомитель БА-64, 13 автомашин и одна установка М-8. По итогам дня командир корпуса Т.С. Танасчишин настойчиво просил командование прикрыть его с воздуха. Однако, несмотря на понесенные потери, в строю оставалось 135 Т-34, 57 Т-70, 4 Т-60, 46 БА-64, 2 БА-20 и 30 МЗА1. Вся эта крупная масса техники отставалась 19 июля в балках у Дмитриевки. Командование 2-й гв. армии ожидало продвижения вперед 2-го механизированного корпуса, которое позволило бы бросить крупные массы людей и техники корпуса Танасчишина в тыл куйбышевской группировке про-

тивника. В тылу, на восточном берегу Миуса также оставался в бездействии 1-й гв. стрелковый корпус.

Кризис (20 – 23 июля). Ситуация с бездействием половины эшелона развития успеха была нетерпимой и на 20 июля был запланирован ввод в бой 4-го механизированного корпуса. Было решено ночной атакой 13-го гв. стрелкового корпуса захватить необходимые рубежи для начала наступления корпуса Танасчишина. Стрелковый корпус генерала Чанчибадзе согласно приказу командарма № 024 должен был «ночными действиями наступать в направлении Калиновка и к утру 20.7.43 овладеть Калиновка, Малопетровский и на указанном рубеже пропустить через свои боевые порядки 4 гв. мк. Начало действий 24.00 19.7.43». Приказ был своевременно передан в штаб 13-го гв. стрелкового корпуса. Соответственно, после захвата исходного рубежа 4-й гв. механизированный корпус должен был наступать в юго-западном направлении и к исходу 20 июля выйти на р. Крынка на фронте Колпаковка, Успенская. Таким образом, форма операции в очередной раз видоизменялась. Ранее предполагалось, что исходные рубежи для наступления корпуса Танасчишина будут захвачены в результате продвижения вперед 2-го гв. механизированного корпуса. Удержание последнего перед курганом Саур-Могильский вынудило возложить задачу обеспечения пространства для ввода в бой крупного механизированного соединения на 13-й гв. стрелковый корпус. Корпус Чанчибадзе должен был расширить фронт

25. 150-мм самоходная гаубица StuIG 33 23-й танковой дивизии на марше. «Миус-фронт», июль 1943 года (АСКМ).

26. Колонна 150-мм самоходных гаубиц StuIG 33 23-й танковой дивизии на марше. «Миус-фронт», июль 1943 года (АСКМ).

вклинения в оборону противника, создать плацдарм, с которого 4-й гв. механизированный корпус мог выйти в тыл оборонявшимся перед 28-й армией войскам противника. Командование Южного фронта еще не отказалось от идеи обеспечить первоначально заданную ширину прорыва и энергично искало пути достижения необходимого результата. 28-й армии на 20 июля была поставлена задача сковывать противника перед своим фронтом. К тому моменту 28-я армия практически утратила свои танки: в 33-й гв. танковой бригаде осталось на ходу 8 танков, в 1 гв. отп – 5 танков. Последние использовались как врытые в землю неподвижные огневые точки.

Днем 20 июля обмен контрударами продолжился. На этот раз Холлидт отказался от самоубийственных атак на высоту 213,9, понимая недостижимость ключа к этой высоте – Степановки. Объектом атаки стал злосчастный Саур-Могильский. Первые атаки 23-й танковой дивизии на Саур-Могильский начались уже в 8.30 утра. Дневные атаки были безуспешны, но 19.00 он был захвачен. В 23.30 положение было восстановлено совместной контратакой 4-й и 5-й гв. механизированных бригад. Контратаки во фланг и артиллерийский огонь препятствовали продвижению 2-го гв. механизированного корпуса к назначенным рубежам на р. Крынка. Таким образом, корпус Свиридова мог похвастаться к концу дня 20 июля только удержанием достигнутых ранее рубежей. Основным средством обороны для немцев оставалась артиллерия, в том числе самоходная. С начала сражения 210-й батальон штурмовых орудий заявил об уничтожении 51 советского танка – около 20 % от общей числа в 240 подбитых советских танков, потерянных по оценке немцев в секторе 6-й армии. Учитывая, что 71 танк был записан на свой счет летчиками IV авиакорпуса, доля штурмовых орудий одного батальона возрастает до четверти подбитых

танков. Данные об уничтожении танков с воздуха явно сильно завышены. Напротив, «штурмгешюцы» к лету 1943 г. стали играть все большую роль в боях на восточном фронте, прежде всего как танкоборцы. В начальной фазе боев на Миусе САУ «Штурмгешюц» было даже больше чем танков.

Второй активно участвовавший в боях корпус 2-й гв. армии – 13-й гв. стрелковый корпус Чанчибадзе – оказался 20 июля в крайне двусмысленном положении. Его 3-я гв. стрелковая дивизия была задействована для прикрытия северного фланга 2 гв. армии от Степановки до высоты 230,9. Один стрелковый полк дивизии был также задействован в боях в районе Саур-Могильского. В захвате исходных рубежей для ввода в бой механизированного корпуса Танасчишина смогли участвовать только левофланговые 49-я гв. и 87-я гв. стрелковые дивизии. Фактически корпусу менялась задача с прикрытия правого фланга 2-й гв. армии на контрудар на левом фланге армии. Перегруппировка стрелковых частей заняла время, и вместо ночи с 19 на 20 июля наступление началось только во второй половине дня 20 июля. Две дивизии корпуса Чанчибадзе столкнулись с мотопехотой 16-й панцергренадерской дивизии немцев и продвижение 13-го гв. стрелкового корпуса вперед до утра 21 июля было незначительным.

Поскольку заложенные в приказе командования 2-й гв. армии № 0024 исходные рубежи наступления для 4-го гв. механизированного корпуса не были захвачены, он весь день 20 июля простоял во втором эшелоне на западном берегу Миуса. Дальнейшее ожидание благоприятного момента для ввода в бой корпуса Танасчишиным было уже бессмысленным, и 21 июля он должен был в любом случае вступить в сражение. До этого он нес потери преимущественно от ударов с воздуха и артиллерийского обстрела. Так 20 июля вышли из строя 2 Т-34 и 21 автомашина. Сгорело 19 ав-

томашии. Авиаудары и артобстрелы стоили корпусу Танасчишина 47 человек убитыми и 52 – ранеными. Нет сомнений, что такие ежедневные потери еще до встречи с противником на поле боя сильно психологически давили на людей.

Задержка с вступлением в бой 4-го гв. механизированного корпуса привела к существенно изменившимся условиям его использования. 16-я панцергренадерская дивизия потеряла большую часть своих танков (на 21 июля в ее составе числилось только 4 машины), но приобрела только что прибывший 236-й батальон штурмовых орудий, т.е. три десятка смертоносных приземистых САУ. Кроме того, немцы в течение предыдущих дней собирали боевые группы из не подвергшихся удару советского наступления соединений фронта. Западный и южный фас вклинения войск Южного фронта окаймляла линия обороны, опиравшаяся на высоты 277,9, 196,0 и район Калиновки. Здесь были собраны 88-мм зенитки IV авиакорпуса, противотанковая и полевая артиллерия, входившая в состав оборонявшихся здесь соединений и собранная с пассивных участков.

В связи с этим общую обстановку хорошо характеризует фраза, сказанная командующим 2-й гв. армии Крейзером в переговорах с начальником штаба фронта Бирюзовым: «Противник применил массу огневых средств и атаки 49-й гв. сд успеха не имели». Дивизия в течение ночи вела бой за высоту 196,0 и северную окраину Калиновки. Наконец, после томительного ожидания своей участи, в 5.30 после короткой артиллерийской и авиационной подготовки в бой был введен 4-й гв. меха-

низированный корпус. Однако наступление столкнулось со старой проблемой «углового столба» в основании прорыва. Не достигнув решительного результата в полосе 28-й армии, Южный фронт был вынужден пробиваться через достаточно узкую брешь, образованную наступлением 5-й ударной армией. Попытки смещения акцента наступления на правый фланг 28-й армии успеха не принесли, в частности, ввиду потери значительной части бронетехники. Это позволило немцам задействовать в отражении наступления двух дивизий 13-го гв. стрелкового корпуса и танковых соединений 4-го гв. механизированного корпуса артиллерию и боевые группы, собранные в полосе 294-й пехотной дивизии. Ранее они отражали атаки войск 28-й армии, а после резкого снижения ее активности боевые группы перенацелили на соединения 2-й гв. армии. В ходе вышеупомянутых переговоров с начальником штаба фронта, командующий 2-й гв. армии отмечал: «Противник сильно фланкирует огнем с высоты 168,5 (6 км восточнее Калиновка) и из Елизаветинский. Прошу приказать моему соседу подавить противника на высоте 168,6 и действовать активно на Елизаветинский». Корпуса 2-й гв. армии, наступая в тыл противнику, находящемуся перед фронтом 28-й армии, оказывались под фланговым огнем. Справедливости ради нужно сказать, что 320-я и 118-я стрелковые дивизии при поддержке 33-й танковой бригады (в нее были переданы исправные танки 1-го гв. ттп) к 13.00 21 июля все же взяли высоту 168,5. Елизаветинский весь день переходил из рук в руки. Но до середины дня артиллерийский огонь с левого фланга направления ока-

27. Pz.VI «Tiger» роты тяжелых танков панцергренадерской дивизии СС «Рейх» буксирует поврежденную машину. «Миус-фронт», июль 1943 года (АСКМ).

зывал отрицательное воздействие на продвижение частей 4-го гв. механизированного и 13-го гв. стрелкового корпусов. За день 21 июля 4-й гв. механизированный корпус потерял 239 человек убитыми и 706 человек ранеными, безвозвратные потери техники составили 21 Т-34 и 2 Т-70.

2-й гв. механизированный корпус принял участие в наступлении 21 июля всеми своими бригадами. На правом фланге наступала 5 гв. мехбригада, в центре – 4-я гв. механизированная и 37-я танковая бригады, на левом фланге двигалась 6-я гв. механизированная бригада. От контратак противника правый фланг 2-го гв. механизированного корпуса 21 июля прикрывала 3-я гв. стрелковая дивизия, занимавшая оборону в районе Саур-Могильского. Один полк дивизии был подготовлен для развития наступления танкистов. Если правый фланг удалось обезопасить, то левый весь день подвергался контратакам противника. Уже в 11.00 6 гв. мехбригада была контратакована со стороны Семеновского танками и пехотой.

В 14.10 21 июля командующий 2-й гв. армией получил очередную выволочку из штаба фронта:

«Командарму Крейзеру

Военный Совет Фронта Вашими действиями недоволен. Сегодня Вы опять ведете оборонительные бои вместо решительного наступления. Вы в четыре – пять раз превосходите противника всеми средствами. Ваши действия дают возможность противнику и сегодня уравнивать силы (как это было в течение трех дней), а не бить его по частям. Приказываю: используя все огневые средства пе-

28. Экипаж танка Pz.VI «Tiger» роты тяжелых танков панцергренадерской дивизии СС «Рейх» в перерывах между боями. Июль 1943 года (АСКМ).

рейти в решительное наступление, уничтожить 16 мд в районе Калиновка, Семеновский и выполнить задачу. Исполнение доложить

Комфронт Толбухин»

Два часа спустя Крейзера вызвал к телефону начальник штаба Южного фронта Бирюзов. «Комфронт приказал: самым решительным образом провести наступательную операцию на уничтожение 16 мд, применяйте более широкие охваты. Со своей стороны по старой службе и совместной работе советую проявлять максимум решительности и характера. Всякое промедление и нерешительность вызывает большое недовольство Вами у Ставки и я получил на этот счет для Вас определенные сигналы. [Е] Выдвигайте как можно решительнее Свиридова вперед, а за ним и боевые порядки 3 гв. сд, а в направлении Калиновка, Семеновский надо действовать совместно с 49 гв. сд и 87 гв. сд. Используйте массированно штурмовую и бомбардировочную авиацию»

Слова относительно массированного использования штурмовиков и бомбардировщиков в данном случае были скорее благим пожеланием. 8-я воздушная армия испытывала трудности с горючим и не смогла удержать высокого темпа боевых действий. В течение дня 20 июля авиация Южного фронта силами 228 самолетов (45 бомбардировщиков, 83 штурмовика, 100 истребителей) выполнила 332 самолето-вылета, более чем в два раза меньше, чем в первый день сражения. Свои потери составили семь самолетов (6 Як-1, 1 Ил-2). Днем 21 июля была вновь предпринята попытка добиться преимущества в воздухе. Силами 322 самолетов было выполнено 550 самолето-вылетов. Это стоило

8-й воздушной армии потери 11 самолетов от воздействия зенитной артиллерии и авиации противника. Этот всплеск активности был последним в первом летнем сражении на Миусе. В последующие дни более 500 самолетов-вылетов в день дневная авиация Южного фронта выполнить не смогла. Стабильно высоким оставался только темп действий ночной бомбардировочной авиации: «Бостоны» и У-2 по ночам в первые несколько дней операции уверенно выполняли по 200 – 240 самолетов-вылетов.

В 21.00 21 июля командиру 1-го гв. стрелкового корпуса был отдан приказ «1 гв. ск (24, 33 гв. сд) к 3.00 22.7.43 сосредоточиться в районе Степановка, Саур-Могильский, Луганский, Федоровка в готовности сменить части 2 гв. мк и 13 гв. ск участке юго-зап. Саур-Могильский, Луганский». Так было решено на пятый день операции ввести в бой второй эшелон левой оперативной группы 2 гв. армии. Первоначальный план операции окончательно смешался.

Проблемой дальнейшего продвижения вперед был узкий фронт вклинения в оборону противника. Подтянув резервы, немецкое командование могло контролировать артиллерийским огнем продвижение частей 2-й гв. армии. Поэтому план ведения операции на 22 июля предусматривал именно решение задачи расширения фронта наступления. Теперь советское командование стремилось ударом на юго-запад с южного и юго-западного флангов вбитого в оборону немцев клина выйти на р. Крынка. Тем самым предполагалось если не окружить, то вынудить отойти обороняющиеся перед фронтом 28-й армии немецкие части. 2-й гв. механизированный корпус получил задачу выйти в район Бол. Мешково, Колпаковка и Артемовка. 4-й гв. механизированный корпус должен был выйти через Камышевуху к Успенской.

22 июля в структуре обороняющихся войск 6-й немецкой армии произошли существенные изменения. Прибывший штаб XXIV танкового корпуса под руководством Вальтера Неринга принял управление над частями и соединениям в полосе между 306-й и 294-й пехотной дивизиями, т.е. 16-й панцергренадерской дивизией, 23-й танковой дивизией и различными боевыми группами, направленными на помощь обороняющимся из других соединений 6-й армии. Соответственно 294-я пехотная дивизия была передана в подчинение XXIX армейского корпуса. На помощь 294-й пехотной дивизии к 22 июля прибыла боевая группа, построенная вокруг 70-го гренадерского полка 111-й пехотной дивизии.

Советское командование решило искать тактическое решение задачи дня 22 июля в массовой артиллерийской подготовке наступления. Артиллерии 2-й гв. армии была поставлена задача: с 8.00 до 15.00 систематически разрушать огневые точки противника. Для введения обороняющихся в заблуждение относительно времени начала атаки предпринималось каждые два часа производить короткие огневые налеты по переднему краю противника. Действительная артподготовка наступления должна была производиться

в 15.00 – 15.30, за ней следовала 15-минутная авиационная подготовка и последний 15-минутный удар артиллерии.

К тому моменту серьезной проблемой было существенное снижение количества боеготовых танков. На 15.00 22 июля в составе 2-го гв. механизированного корпуса насчитывалось следующее количество танков: Т-34 по списку 138, на ходу – 33; танков Т-70 по списку 68, на ходу – 43; САУ СУ-152 по списку 12, на ходу – 9. Как мы видим, корпус уже успел растерять свои наступательные возможности. В наличии было всего 85 боевых машин из 217 единиц, имевшихся в наличии к началу операции. Корпус превратился в бригаду, усиленную полком САУ СУ-152.

Оба механизированных корпуса перешли в наступление в 16.00 22 июля. 2-й гв. механизированный корпус продолжал пробиваться к р. Крынка, стремясь сломить сопротивление обороняющейся на этом направлении пехоты 23-й танковой дивизии. Результаты наступления корпуса были высоко оценены противником: «русским танкам удалось впервые просто проехать немецкую оборону и добиться глубокого прорыва в направлении Кринички». Высота 277,9 по-прежнему обеспечивала немцам эффективное фланкирование наступления в обход высоты с юго-запада в направлении р. Крынка. Попытка стрелкового полка 3-й гв. стрелковой дивизии овладеть господствующей высотой 277,9 была отражена силами разведывательного батальона 23-й танковой дивизии. Однако 22 июля проблема фланкирования артиллерийским огнем была решена весьма своеобразным способом. Командующий Южным фронтом приказал поставить отсечную дымозавесу штурмовиками. Одна дымозавеса ставилась от высоты 110,8 до западной окраины Кринички, а вторая – от высоты 196,0 до западной окраины Семеновского. Первая ставилась 4 Ил-2 655-го штурмового авиаполка, а вторая – 4 Ил-2 75-го гв. штурмового авиаполка. В прикрытие каждой группы выделялось по 4 истребителя Як-1. Постановка осуществлялась с помощью подвесных приборов на скорости штурмовиков около 280 км/ч. Общая протяженность каждой дымозавесы составляла 1,5 км. Постановка была осуществлена в конце артподготовки. Потерь ни штурмовики, ни истребители прикрытия не имели. Также вследствие постановки дымозавесы существенно понизилась точность ударов пикирующих бомбардировщиков противника. В последующих операциях Великой Отечественной постановка дымозавес штурмовиками Ил-2 стала достаточно распространенным явлением. Из наиболее известных примеров можно привести обширную дымозавесу, поставленную в апреле 1945 г. над рекой Нейсе в ходе наступления 1-го Украинского фронта.

Относительно высокие результаты наступления 2-го гв. механизированного корпуса резко контрастировали с действиями его соседа. 4-й механизированный корпус неуверенно продвигался вперед и к 21.00 достиг северо-западной окраины Калиновки и высоты 196,0. С фронта наступление 4-го гв. механизированного корпуса было встречено стеной огня 88-мм зениток, противотанковой артил-

29. Установка радиоантенны на штурмовое орудие StuG 40 Ausf.G. «Миус-фронт», июль 1943 года (АСКМ).

лерии и штурмовых орудий. По воспоминаниям участников сражения с немецкой стороны массированная советская танковая атака в жаркий летний день была настоящим адом: «За этим почти непроницаемым занавесом дыма и пыли к нашим оборонительным позициям приближались советские танки. Была сокращена значительная дистанция для нашего противотанкового оружия: артиллеристы у противотанковых орудий, штурмовые орудия и зенитные батареи до самой последней минуты не могли рассмотреть приближающиеся Т-34».

Согласно оперативной сводке штаба корпуса на 21.00 22 июля потери 4-го гв. механизированного корпуса за день составили 23 Т-34, 4 Т-70 и 15 автомашин сгоревшими. Еще 21 Т-34, 5 Т-70 и 21 грузовик были повреждены и эвакуированы с поля боя для последующего ремонта. Потери личного состава за 21 и 22 июля составили 317 человек убитыми и 1320 человек ранеными. Вместо продолжения атаки на высоту 277,9 во второй половине дня 22 июля 3-я гв. стрелковая дивизия была выведена командиром 13-го гв. стрелкового корпуса в резерв. Решение задачи наступления в юго-западном направлении возлагалось на 49-ю и 87-ю гв. стрелковые дивизии. К 24.00 49-я гв. стрелковая дивизия захватила Семеновский, высоту 188,4 и Калиновку, а 87-я гв. стрелковая дивизия – вышла к высотам южнее Калиновки и захватила Елизаветин-

ский. За день боя дивизия потеряла 102 человек убитыми и 379 ранеными. Ни одно соединение 2-й гв. армии задачи дня не выполнило.

В крайне неудачный для танковых соединений Южного фронта день 22 июля советская авиация стремилась прикрыть наступающие дивизии и помочь наземным войскам ударами с воздуха. Несмотря на резкое снижение числа боеготовых самолетов по сравнению с предыдущим днем, 8-я воздушная армия выполнила 230 боевыми машинами 420 самолето-вылетов. Этот рывок дорого стоил авиасоединениям Южного фронта: было потеряно 22 самолета (12 Ил-2, 9 Як-1, 1 ЛаГГ-3).

В чем же причина неудачи наступления 22 июля 1943 г.? Продолжительная советская артиллерийская подготовка в первой половине дня 22 июля, конечно, привела к поражению значительного числа огневых точек на переднем крае немецкой обороны. Однако она оказала крайне слабое воздействие на артиллерию на закрытых позициях в глубине обороны. Тем более скромным было воздействие артиллерийского огня на немецкую бронетехнику, в первую очередь на САУ «Штурмгешиц». Собранные из различных соединений 6-й армии 105-мм легкие и 150-мм тяжелые полевые гаубицы наносили большие потери наступающей советской пехоте и вынуждали ее отрываться от танков.

По воспоминаниям участников сражения со стороны немцев днем 22 июля результат

30. Танк Pz.III Ausf.L из состава 2-го танкового корпуса СС перед разгрузкой с железнодорожной платформы. «Миус-фронт», июль 1943 года. Вероятно, танк поступил в войска уже в ходе боев с ремонтной базы (фото из архива автора).

был достигнут именно за счет отсечения танков от пехоты: «Мы поняли, что боевые качества советской пехоты ухудшились до такого состояния, что сражение было наполовину выиграно, если удавалось отсечь стрелковые войска от поддерживающих их танков. Этот фактор стал решающим для сражения 22 июля. Как только русские танки проехали через наши линии, их отсекали от вспомогательных подразделений и заманили в подготовленные противотанковые оборонительные сооружения, созданные 24-м танковым корпусом. На западных склонах этой высоты в тылу нашей тонкой линии гренадеров танк уничтожился за танком – не больше чем через час оставался только десяток вражеских танков, которые прорвались на наши позиции. Такая же судьба постигла советские танки, которые были брошены на Калиновку, причем 294-я пехотная и 16-я танково-гренадерская дивизии сообщали о том, что они уничтожили за короткий период девяносто три вражеские машины».

Характерная деталь: день 22 июля не стал максимумом расхода боеприпасов 6-й армией, но существенно отличался по структуре их расходования. Общий расход за этот день составил 830 тонн. Это в принципе меньше чем в другие дни сражения, когда масса использованных боеприпасов превышала 1000 тонн. Однако именно 22 июля расход боеприпасов к 150-мм тяжелым полевым гаубицам подскочил до 100 тонн, в то время как 21 июля он составил 36 тонн, а в последующие два дня колебался в пределах 30 – 35 тонн. У 105-мм полевых гаубиц leFH18 один из максимумов расхода боеприпасов также падает на 22 июля.

Картина ведения Холлидтом оборонительного сражения вырисовывается достаточно прозрачно. Не обладая сильными резервами мотопехоты для затыкания «дыр» в обороне, немецкое командование энергично стаскивало в район прорыва полевую артиллерию. Она прибывала в составе заранее подготовленных боевых групп, изымавшихся из остав-

шихся на пассивных участках фронта пехотных дивизий. О подготовке и составе этих боевых групп я писал выше. В ходе наступления советская пехота стрелковых соединений и мотопехота механизированных частей попадала под сильный огонь полевой артиллерии и вынуждена была останавливаться, не достигая целей атаки. Для танковых десантов огонь артиллерии и порождавшийся им поток осколков также был смертельным. Десанты автоматчиков были вынуждены спешиваться и также залегали под огнем. Оставшиеся без поддержки пехоты танки оказывались перед дилеммой: продвигаться вперед и становиться жертвой противотанковой артиллерии и групп истребителей танков или же останавливаться и попадать под огонь 88-мм зениток с дальних дистанций. И тот, и другой вариант приводил к остановке наступления и большим потерям людей и техники. В сущности, проблема была в том, что прорыв не был произведен достаточно быстро, чтобы предотвратить стягивание к этому участку обороны артиллерии и резервов. Высказывавшееся командованием Южного фронта в адрес 2-й гв. армии мнение относительно пятикратного превосходства не вполне соответствует реальному соотношению сил. По пехоте, возможно, действительно было такое превосходство. Но оно сводилось к нулю стягиванием к участку прорыва крупных сил германской артиллерии.

23 июля стало последней попыткой 2-й гв. армии прорвать оборону противника. Командир 2-го гв. механизированного корпуса решил не штурмовать в лоб Криничку, а выставить против этого опорного пункта заслон из 5 гв. механизированной бригады, а остальными частями корпуса – пробиваться к р. Крынка. В заслон перед Криничкой помимо мехбригады выделялся истребительно-противотанковый артполк и полк артсамоходов. Однако противник оказывал сопротивление с фронта и переходил в контратаки и части 2-го гв. корпуса не смогли продви-

нуться вперед. Успехи немецкой 23-й танковой дивизии в сдерживании 2-го гв. механизированного корпуса дорого обошлись соединению. На 21 июля в дивизии насчитывалось 40 танков, в том числе 13 Pz.IV с 75-мм длинноствольными орудиями. 23 июля число боеготовых машин в 23-й танковой дивизии просело до 21 единицы, в том числе танков Pz.IV с 75-мм длинноствольной пушкой насчитывалось 18 штук.

Хорошо видно, что немецкие потери не вычисляются простым расчетом разницы между боеготовыми машинами на ту или иную дату. Не имея возможности немедленно передать в армию Холлидта свежие подвижные соединения командование группы армий «Юг» сосредоточилось на отправке в армию пополнений техники, прибывшей с заводов. Если 21 июля 16-я панцергренадерская дивизия имела всего 4 боеготовых танка, то к 23 июля их было уже 12. Несмотря на пополнения, число боеготовых танков 23-й танковой дивизии существенно просело. Практически все танки старых типов, имевшиеся на 21 июля, были выбиты к 23 июля.

Наступление 4-го гв. механизированного корпуса 23 июля, так же как и в предыдущий день, столкнулось со стеной огня артиллерии противника. Поднимавшиеся то там, то здесь султаны земли и визжащие осколки заставляли пехотинцев вжиматься в землю и отставать от танков. Как было сказано в написанном по итогам боев отчете штаба 2-й гв. армии: «К 11 часам попытки корпуса наступать были прекращены в результате сильного артиллерийского, минометного огня и налетов авиации». К вечеру 23 июля корпус мог похвастаться только занятием Семеновского. Согласно дневному донесению № 044 штаба 4-го гв. механизированного корпуса за 23 июля к 18.00 в этот день было потеряно безвозвратно 28 Т-34, 11 Т-70 и 42 грузовых автомобиля. Подбитыми числились 31 Т-34, 16 Т-70 и 48 грузовиков. Людские потери составили 442 человека убитыми и 1040 ранеными.

Формально 23 июля в наступлении 2-й гв. армии участвовал также 1-й гв. стрелковый корпус. Но реально это выразилось во введении в бой только 33-й гв. стрелковой дивизии. Она должна была двигаться по маршруту, параллельному оси наступления 2-го гв. мехкорпуса, и без особого успеха наступала на Криничку. 24-я гв. стрелковая дивизия корпуса оставалась в прежнем районе сосредоточения, составляя резерв армии. Также 1-му гв. стрелковому корпусу была подчинена 3-я гв. стрелковая дивизия, ранее входившая в состав корпуса П.Г. Чанчибадзе, но действовавшая в отрыве от него. Задачей этой дивизии было прикрытие фланга наступления на позициях в районе Саур-Могильского. Сокращенный до двух стрелковых дивизий 13-й гв. стрелковый корпус днем 23 июля пытался пробиться в юго-западном направлении на Алексеевку. Однако под ударами с воздуха и постоянно сталкиваясь с контратаками противника, корпус медленно продвигался вперед и заметных успехов не добился.

Командующий 6-й армией провел день 23 июля на передовой в войсках XVII армейского и XXIV танкового корпусов. Отвечая на рас-

спросы командующего группы армий «Юг» генерал Холлидт: «предупредил фельдмаршала фон Манштейна, что, если его солдаты не получат значительного подкрепления, они смогут защищать существующую линию только короткий срок, и смогут сделать это только при следующих условиях:

Если русские в этом районе не получат подкрепления.

Если русские продолжают рассеянные атаки.

Если 6-й армии хватит боеприпасов».

Однако силы наступающих также были почти исчерпаны. В 24.00 23 июля Я.Г. Крейзер боевым распоряжением № 004/ВПУ выводит оба подвижных соединения своей армии во второй эшелон:

«2. В ночь на 24.7.43 произвести перегруппировку:

а) 2 гв. мк (3 бригады) без ПТ корпусной артиллерии, вывести в район балок: Степановка, Мариновка, Убогий Лан, танковую бригаду и ПТ артиллерию на 24.7.43 оставить в полосе 1 гв. ск для усиления его левого фланга;

б) 86 гв. сд в течение ночи вывести в район: Гараны, выс. 196,0, 202,0, расположив дивизии в готовности к ведению оборонительного боя.

3. В течение дня 24.7.43 подготовить ввод 86 гв. сд в первую линию и вывод 4 гв. мк во 2-й эшелон».

В качестве средства непосредственной поддержки пехоты из состава 2-го гв. механизированного корпуса осталась наиболее боеспособная 6-я гв. механизированная бригада, 1543-й полк СУ-152 и противотанковая артиллерия. Корпус сдавал свой участок 1-му гв. стрелковому корпусу. Фактически приказ Крейзера означал отказ от продолжения наступления, по крайней мере, до восстановления подбитой бронетехники.

Вывод из боя мехкорпусов в данном случае не означал попытки решения задачи прорыва стрелковыми соединениями. Переход к обороне был закреплен в приказе всем корпусам 2-й гв. армии: «с утра 24.7.43 активных действий по всему фронту не вести и решать ряд отдельных задач (ограниченных) с вводом крайне ограниченного числа людского состава, при поддержке всей техники (артиллерии) только для улучшения своих позиций».

В ночь с 23 на 24 июля и днем 24 июля производилась смена стрелковыми частями механизированных корпусов. 33-я гв. стрелковая дивизия сменила 2-й гв. мехкорпус, а 86-я гв. стрелковая дивизия – 4 гв. мехкорпус. Из состава последнего изымалась 36-я танковая бригада, в которую сводились исправные танки Т-34 и Т-70 выводимых из боя бригад. Бригада также усиливалась противотанковым артполком и артиллерией корпуса. Ей была поставлена задача сосредоточиться южнее Мариновки в готовности к контратакам в случае наступления противника против 1-го и 13-го гвардейских стрелковых корпусов.

К утру 25 июля 2-й гв. механизированный корпус был выведен из боя. Потери соединения можно характеризовать как высокие. Согласно журналу боевых действий корпуса состояние матчасти соединения характеризовалось следующими цифрами. Из 136 Т-34 на

ходу осталось 13 машин, в ремонте находились 52 «тридцатьчетверки» и 71 Т-34 составляли безвозвратные потери. Из 68 Т-70 на ходу осталось 28 танков, безвозвратные потери составили 21 машину. Танк КВ из управления 1543-го тяжелого самоходного артполка остался на ходу. Из 12 СУ-152 (КВ-14) полка по списку на ходу оставались 4 самоходки, но только 1 САУ этого типа была отнесена к безвозвратным потерям. БА-64 в корпусе числилось 55, осталось на ходу 43, а в безвозвратные потери были записаны 7 бронесамомобилей. Из 30 бронетранспортеров корпуса на ходу осталось 19, безвозвратно потеряли 2 машины. Части корпуса Свиридова вышли из боя изрядно потрепанными. В частности 6 гв. механизированная бригада была введена в бой, насчитывая 3286 человек, 32 Т-34, 7 Т-70, 5 БА-64 и 7 «скаутов». Из боя вышли 2020 человек, 8 Т-34 (все нуждались в ремонте), 4 Т-70 (1 требовал ремонта), 4 БА-64 и 4 «скаута». Всего корпус за неделю боев потерял 5343 человека из 13189 человек первоначального состава соединения.

Выведенная из состава корпуса 37-я танковая бригада 26 июля приняла находившиеся в строю танки танковых полков корпуса: от 25 гв. тп – Т-34 – 8 шт., Т-70 – 3 шт.; 24 гв. тп – Т-34 – 7 шт., Т-70 – 1 шт.; 23 гв. тп – Т-34 – 1 шт., Т-70 – 3 шт. Помимо этого три танка Т-70 были приняты от бронесамомобильного батальона и четыре танка Т-70 – от мотоциклетного батальона. В составе самой 37-й танковой бригады оставалось 5 танков Т-34 и 8 танков Т-70. Также в бригаде было пять отремонтиро-

ванных Т-70 без экипажей. Все это позволяло держать во втором эшелоне 2-й гв. армии полнокровную бригаду для парирования возможных кризисов.

Состояние 4-го гв. механизированного корпуса к тому моменту также было далеко не блестящим. С 19 по 24 июля корпус потерял 59 Т-34 и 14 Т-70 безвозвратно, еще 39 Т-34 и 10 Т-70 были подбиты, но находились в ремонте. Автомашин безвозвратно было потеряно 63 единицы, еще 170 – выведены из строя и находились в ремонте. Из колесных боевых машин были безвозвратно потеряны 1 бронетранспортер и 5 бронесамомобилей, еще 6 бронетранспортеров и 4 бронесамомобили были подбиты и эвакуированы для ремонта.

Попытки возобновить наступление (25 – 30 июля). Несмотря на вывод из боя обоих мехкорпусов, полного отказа советского командования от наступательных планов к тому моменту еще не произошло. Войска Южного фронта зализывали раны, готовясь вновь атаковать через несколько дней. Уже в 12.00 25 июля Толбухин отдал приказ на наступление: «Противник спешно укрепляет занимаемый рубеж, подтягивает из глубины отдельные пехотные и танковые подразделения. 2-й гв. армии 26.7.43 возобновить энергичное наступление в общем направлении Камышевах, Успенская, имея ближайшей целью овладеть Криничка, гребнем высоты 157,3, Алексеевка, отм. +2.00. Наступление начать после 30-ти минутной артиллерийско-минометной и авиационной обработки позиций противника».

31. Колонна американских полугусеничных бронетранспортеров М2, буксирующих 76,2-мм орудия ЗИС-3, на марше. Южный фронт, лето 1943 года (РГАКФД).

Для нового наступления дивизии вновь перераспределялись между корпусами. 13-му гв. стрелковому корпусу подчинялись 86, 87 и 49-я гв. стрелковые дивизии. Корпус усиливался 7-м гв. тяжелым танковым полком KB и 5-й гаубичной бригадой. Управлению 1-го гв. стрелкового корпуса подчинялись 3-я и 33-я гв. стрелковые дивизии, полк танков KB, одним ИПТАПом и минометными частями. Основные усилия артиллерии сосредотачивались в полосе 13-го гв. стрелкового корпуса. Начало наступления было назначено на 15.00 26 июля. 24-я гв. стрелковая дивизия по-прежнему оставалась в резерве командующего 2-й гв. армии.

К 10.00 26 июля состояние соединений 2-й гв. армии характеризовались следующими цифрами: еще не принимавшая участия в боях 24-я гв. сд – 8045 человек, 33-я гв. сд – 6454 человека, 3-я гв. сд – 5982 человека, 49-я гв. сд – 3617 человек, 87-я гв. сд – 5076 человек, 86-я гв. сд – 6287 человек.

Вместо плановых 15.00 наступление 1-го и 13-го гв. стрелковых корпусов 2-й гв. армии началось в 17.30 26 июля. Наступление привело к незначительному тактическому успеху. 27 июля части обоих стрелковых корпусов перешли к штурмовым действиям. От каждого из них выделялось одна – две штурмовые группы. Каждая группа насчитывала по батальону пехоты, усиленному артиллерией и танками KB для непосредственной поддержки. Задачей созданных групп был захват ключевых пунктов в полосе наступления соединений корпусов. Ввиду массированного огня артиллерии противника действия штурмовых групп в течение 27 и 28 июля успеха не имели.

Захваченный в ходе одной из атак пленный из разведывательного батальона 16-й панцергренадерской дивизии сообщил разведчикам 2-й гв. армии о выводе с фронта его потрепанной дивизии и прибытии на фронт эсэсовских соединений. Позднее поступили сведения о появлении на Миусе дивизий СС «Рейх» и «Тотенкопф». Также было выдвинуто предположение, что в полосу южного фронта прибывает дивизия СС «Лейбштандарт Адольф Гитлер».

В действительности на Миус были переброшены панцергренадерские дивизии СС «Дас Райх», «Тотенкопф» и 3-я танковая дивизия, объединенные управлением II танкового корпуса СС под командованием Пауля Хауссера. Дивизия «Лейбштандарт Адольф Гитлер», действовавшая в операции «Цитадель» в составе II танкового корпуса СС к тому моменту сдала свою технику оставшимся соединениям и возвращалась в Германию. Вместо нее в со-

став корпуса Хауссера была включена 3-я танковая дивизия, подчинявшаяся в ходе сражения на Курской дуге XXXXVIII танковому корпусу. Фактически немецкое командование демонтировало ударную группировку «Цитадели». II танковый корпус СС был полностью выведен из под Белгорода, а XXXXVIII танковый корпус был разделен на части: дивизия «Великая Германия» отправилась в орловский выступ под Карачев, а 3-я танковая дивизия – на Миус. Соединения эсэсовского корпуса сосредотачивались в полосе армии Холлидта в течение 26 и 27 июля. Для 3-й танковой дивизии районом сосредоточения была Красная Звезда, для «Дас Райха» – Макеевка и «Тотенкопф» – Орджоникидзе. Состояние бронетехники уже находившихся в подчинении 6-й армии подвижных соединений и вновь прибывших дивизий показано в таблице 1.

«В наступлении на южном фасе Курской дуги соединения II танкового корпуса СС понесли потери и прибыли на Миус существенно поредевшими. Из 117 танков, насчитывавшихся в «Тотенкопфе» на 4 июля к 13 июля боеготовыми числилось меньше половины – 54 машины. Ситуацию несколько улучшили танки, переданные из «Лейбштандарта» и отремонтированные машины. Вышеприведенная таблица взята из работы майора Мартина Франке, офицера штаба 6-й армии. Есть и другие данные по численности танкового парка соединений на Миусе. Американский историк Джордж Найп приводит следующие цифры численности танков «Тотенкопфа» на 30 июля 1943 г.: 10 Pz.Kpfw.VI «Тигр», 9 Pz.Kpfw.IV и 49 Pz.Kpfw.III. Это существенно меняет оценку боевых возможностей «Тотенкопфа» в сторону уменьшения – доля Pz.Kpfw.III оказывается существенно выше. В целом в летней кампании 1943 г. танк Pz.Kpfw.III был достаточно распространенной машиной, присутствовавшей в нескольких модификациях. Так в 3-й танковой дивизии было 4 Pz.Kpfw.III с 50-мм короткой пушкой, 11 Pz.Kpfw.III с 50-мм длинноствольной пушкой, 11 Pz.Kpfw.III с 75-мм короткоствольной пушкой, 11 Pz.Kpfw.IV с 75-мм длинноствольной пушкой и 3 командирских танка. Командирские машины также были, как правило, на шасси танка Pz.Kpfw.III.

Помимо танковых соединений 6-я армия получила сильную авиационную поддержку. К 29 июля на Миус прибыли штаб, I и II группы 77-й эскадры пикирующих бомбардировщиков на самолетах Ju.87D. Также в распоряжении Холлидта появились штурмовики из II группы 1-й штурмовой эскадры на ФВ-190. Появление «Фокке-Вульфов» сразу же было замечено советской стороной. Одновременно

Таблица 1. Число танков в подвижных соединениях 6-й армии на 29 июля 1943 г.

Дивизия	Pz.Kpfw.III	Pz.Kpfw.IV	Pz.Kpfw.VI	T-34	Всего
«Дас Райх»	39	34	6	6	85
«Тотенкопф»	22	58	9	–	89
3-я тд	26	11	–	–	37
16-я мд	9	4	–	–	13
23-я тд	14	20	–	–	34
Всего	110	127	15	6	258

Танк Pz.VI «Tiger» из состава панцергренадерской дивизии СС «Рейх». Июль 1943 года. Машина имеет желто-коричневый камуфляж и изображение белого чертика на башне — эмблема роты тяжелых танков дивизии. Танк был подбит на Курской дуге в начале июля 1943 года, а после ремонта использовался в боях на «Миус-фронте».

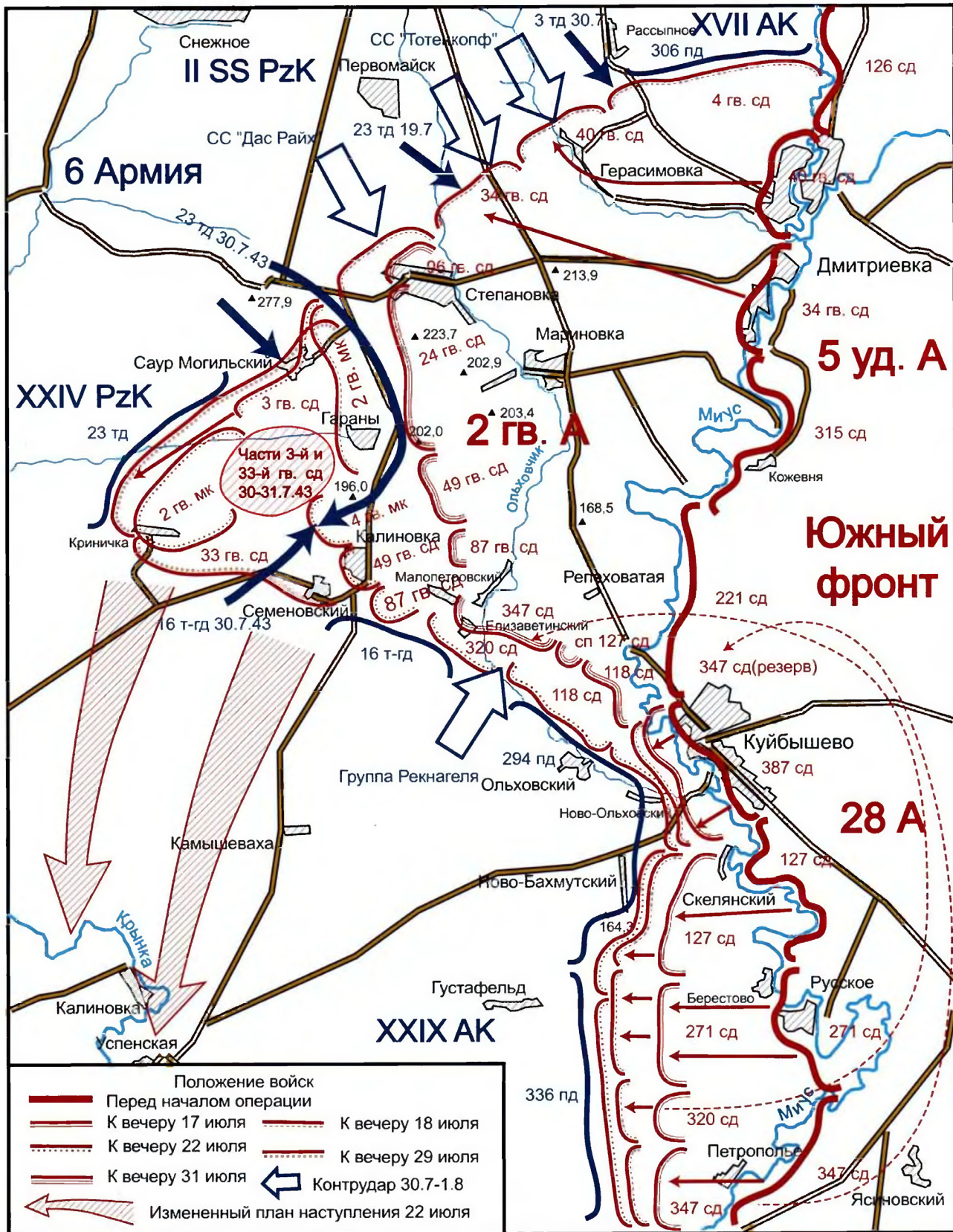
150-мм самоходная гаубица StuIG 33 из состава 23-й танковой дивизии вермахта. «Миус-фронт», июль 1943 года. Машина имеет желто-зеленый камуфляж и бортовой номер 94 черного цвета с белой окантовкой.

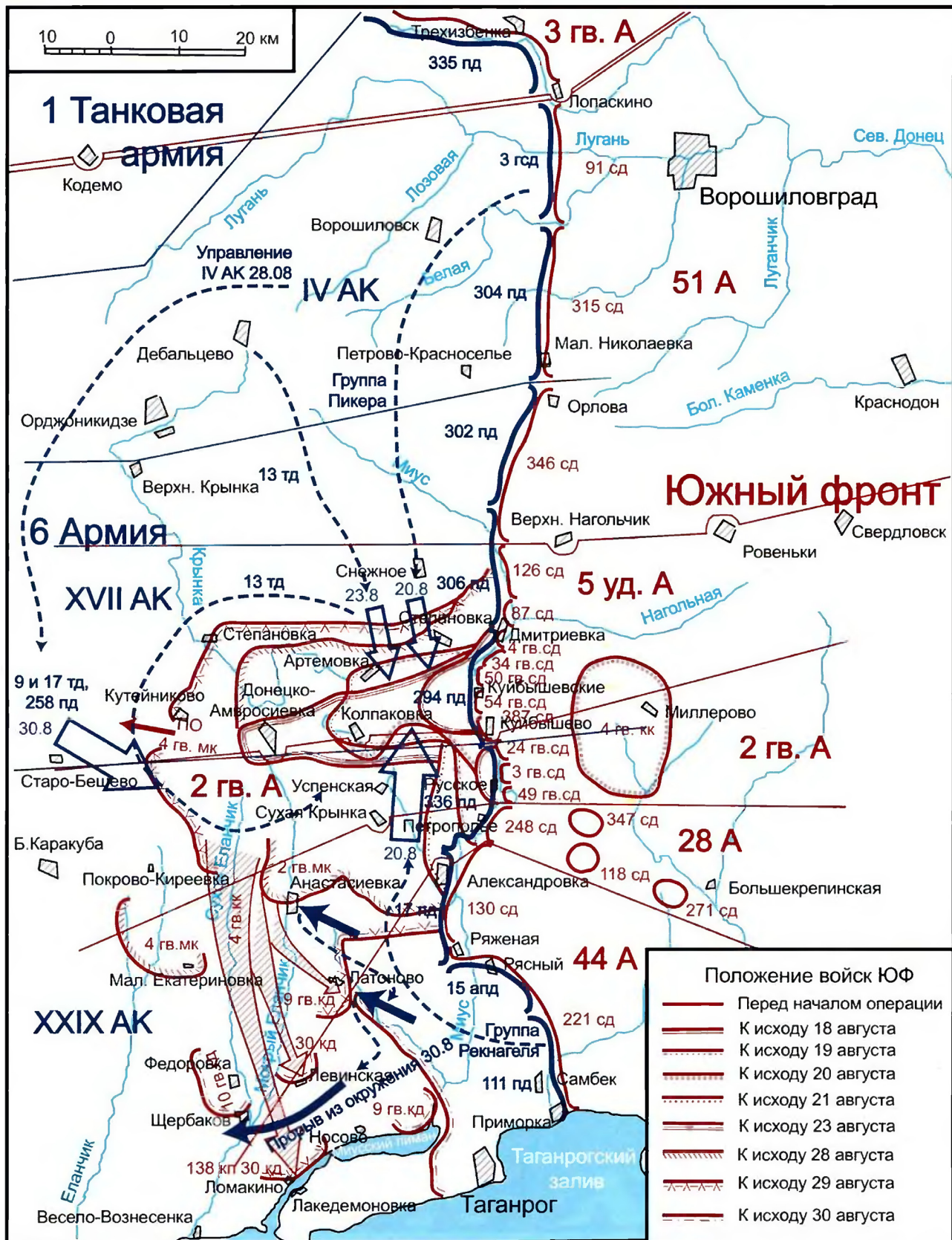
Танк Pz.III Ausf.L из состава 2-го танкового корпуса СС. «Миус-фронт», июль 1943 года. Машина окрашена в серый цвет и имеет бортовой номер 133 белого цвета. Скорее всего, танк поступил в войска уже в ходе боев с ремонтной базы.

Наступление Южного фронта. 17 июля - 2 августа 1943 г.

Прорыв "Миус-фронта" и разгром таганрогской группировки
противника. 18 - 30 августа 1943 г.

Танк КВ-1 с неизвестной танковой части. Лето 1943 года, южный участок советско-германского фронта. Машина имеет белую полосу и номер 26 на башне. Возможно танк входил в состав 1-го гвардейского танкового полка прорыва 28-й армии Южного фронта.

Танк Т-34-76 из колонны «Профсоюз потребительской кооперации фронта». Неизвестная танковая часть, Южный фронт, лето 1943 года.

Танк Т-34-76 «Ответ Сталинграда». Неизвестная танковая часть, мелитопольское направление, сентябрь 1945 года.

<i>Таблица 2. Потери за 17 – 27 июля и состояние танкового парка частей и соединений Южного фронта на 28 июля 1943 г.</i>				
	На ходу	В ремонте	Потери	Итого
6 гв. тбр	19	20	25	64
32 гв. тбр	19	12	24	55
22 отп	16	13	13	42
7-й гв. отп	9	–	12	21
2 гв. мк	88	52	97	237
4 гв. мк	61	88	66	215
33 гв. тбр	7	21	26	54
1 гв. оттп	2	6	13	21
140 тбр	63	2	–	65
Всего	284	214	276	774

была подтянута на Миус с Таманского полуострова I группа 52-й истребительной эскадры на истребителях Bf.109G.

После того, как в распоряжение Холлидта прибыл такой сильный инструмент ведения операций как II танковый корпус СС, главным вопросом стало направление его использования. Штабом немецкой 6-й армии рассматривались два варианта: удар восточнее и западнее Миуса. Второй вариант предусматривал форсирование реки к северу от советского плацдарма и выход в тыл наступающим войскам Южного фронта по восточному берегу Миуса. Так решались сразу две задачи – ликвидация советского плацдарма и образование собственного вклинения в построение войск противника. Однако этот заманчивый план требовал значительно большего количества соединений, чем имелось в распоряжении Холлидта. Поэтому он выбрал более скромный по своему замыслу вариант с ударом непосредственно по советскому плацдарму на западном берегу Миуса.

Своеобразный план операции Южного фронта в данном случае играл на руку советским войскам. Соединения 5-й ударной армии хотя и понесли существенные потери в прорыве обороны противника на Миусе, но не втянулись в позиционное сражение за расширение прорыва и сохранили относительно высокую боеспособность. К тому же они в течение 10 дней готовили оборонительные позиции для обороны захваченного плацдарма с севера. Перед началом операции в 40-й гв. стрелковой дивизии насчитывалось 7071 человек, в 34-й гв. стрелковой дивизии – 7119 человек, в 4-й гв. стрелковой дивизии – 7422 человека. До 25 июля включительно 40-я гв. стрелковая дивизия потеряла 3205 человек, 34-я гв. стрелковая дивизия – 2735 человек, 4-я гв. стрелковая дивизия – 2284 человека. Соответственно в этих трех дивизиях 31-го гв. стрелкового корпуса к началу контрудара II танкового корпуса СС насчитывалось примерно по 4 тыс. человек – усиленному полку. Напомню, что по штату гвардейский стрелковый полк летом 1943 г. должен был насчитывать 2713 человек. Соответственно по штату № 04/500 численность артиллерийского полка составляла 1009 человек, истребительно-противотанковый дивизион – 208 человек.

В полосу немецкого контрудара также попал правый фланг 28-й армии. Состояние войск В.Ф. Герасименко к тому моменту было далеко не блестящим. В безуспешных попытках прорвать оборону противника армия понесла большие потери. К 28 июля они составляли 2688 человек убитыми, 9131 ранеными и 279 человек пропавшими без вести. Большая часть стрелковых дивизий 28-й армии просели в численности до 5 тыс. человек. Сильнее всего пострадала 320-я стрелковая дивизия: из 6685 человек на 16 июля к 28 июля осталось 3557 человек. По приказу командования эта дивизия выводилась из состава армии в распоряжение Ставки ВГК. Одновременно 28 июля начался вывод из боя 127-й стрелковой дивизии во второй эшелон 37-го стрелкового корпуса. Она, напротив, понесла наименьшие потери (в дивизии к 28.7 насчитывалось 5866 человек) и могла быть использована как боеспособный резерв. 33-я гв. танковая бригада 28-й армии насчитывала 34 танка, из которых в строю было только 8 машин. Несколько улучшали ситуацию два немецких танка, захваченных в исправном состоянии.

Состояние танковых частей и соединений Южного фронта показано в таблице 2. Для отражения немецкого контрнаступления войска фронта могли выставить несколько соединений масштаба танковой бригады.

«Немцами было заявлено об уничтожении к 29 июля 580 советских танков. Если сравнить эту цифру с вышеприведенной таблицей, то видно лишь примерное совпадение порядка цифр. В безвозвратных потерях и в ремонте в войсках Южного фронта числились 488 танков. Общая сумма по таблице 490 машин, но два танка в находящейся в резерве 140-й танковой бригаде явно вышли из строя не вследствие воздействия войск армии Холлидта в период с 17 по 28 июля. Конечно, следует учитывать, что часть танков, поврежденных в первые дни наступления, уже была введена в строй. Поэтому теоретически от огня противника могли за 12 дней боев пострадать более 500 танков. Вместе с тем необходимо отметить, что меньше половины заявленных немцами как уничтоженные советских танков были потеряны безвозвратно. Это не имело значения в ближайшей перспективе, но вполне определенно предвещало августовский коллапс обороны немецкой 6-й армии.

В последние дни июля командующий фронтом Ф.И. Толбухин решил пойти «ва-банк». Немецкий контрудар был почти неизбежным, но отражение фланговых ударов заслоном 5-й ударной армии было уже заложено в план операции. Под прикрытием этого заслона еще был шанс переломить общий ход боев в свою пользу. В 6.00 29 июля в войска направляется боевое распоряжение на проведение очередного наступления. Для гальванизации наступления 2-й гв. армии передавалась свежая, находившаяся до этого в резерве фронта 140-я танковая бригада.

Силы частей и соединений армии Холлидта, более десяти дней сдерживавших советское наступление были почти на исходе. 23-я танковая дивизия и 16-я панцергренадерская дивизия потеряли с 17 по 29 июля 464 человека убитыми, 2582 ранеными и 255 пропавшими без вести. Два панцергренадерских полка 16-й дивизии просели в численности до 550 человек. По другим данным только 16-я панцергренадерская дивизия потеряла 112 офицеров и 3313 унтер-офицеров и солдат за указанный период. Общие потери немецкой 6-й армии с 17 по 29 июля составили 15486 человек (2359 человек убитыми, 11126 ранеными и 2001 пропавшими без вести). Самые тяже-

32. Лейтенант Степаненко, награжденный за последние бои орденом Красной Звезды, наблюдает за противником. Южный фронт, лето 1943 года. Обратите внимание на расположение звездочек на погонах (АСКМ).

лые потери понес XVII армейский корпус: 1134 человека убитыми, 5463 ранеными и 1536 пропавшими без вести.

Однако, разрабатывая план наступления, Ф.И. Толбухин не учел ослабления стыка между левым флангом 5-й ударной армии и правым флангом 2-й гв. армии. Последняя разворачивалась с целью наступления в юго-западном направлении. Основательно потрепанная в предыдущих боях 49-я гв. стрелковая дивизия была выведена в резерв. Соответственно в наступлении 30 июля должны были участвовать 33-я и 3-я гвардейские стрелковые дивизии. 3-я гв. стрелковая дивизия одновременно обеспечивала фланг ударной группировки. Для этого был выделен один стрелковый полк (13-й гв.сп). По стечению обстоятельств именно на этот ослабленный участок пришелся удар 23-й танковой дивизии. Формальной задачей дивизии было прикрытие фланга дивизии «Дас Райх», однако, начав наступать она достигла куда больших результатов чем эсэсовцы.

Боевая группа майора Шеггера из 23-й танковой дивизии, начав наступление в 8.10 берлинского времени, сумела пробиться через лес севернее Саур-Могильского. Тем временем 128-й панцергренадерский полк 23-й танко-

вой дивизии штурмовал занятый 13-м гв. стрелковым полком Саур-Могильский. Далее боевая группа Шеггера повернула на юго-восток, выйдя на подступы к Мариновке и Гаранам. Здесь она в 11.45 соединилась с неглубоко продвинувшейся с юга боевой группой 16-й панцергренадерской дивизии. Продвижение достаточно слабой 16-й панцергренадерской дивизии достигло успеха по тем же причинам, что и удар 23-й танковой дивизии. Собирая ударную группировку для наступления по приказу Толбухина, командир 1-го гв. стрелкового корпуса оставил для прикрытия с фланга 88-й гв. стрелковый полк, а двумя другими полками (84-м и 91-м гв. сп) выдвинулся в направлении Кринички. Соответственно был сбит именно заслон на растянутом фланге. По нему ударил 156-й панцергренадерский полк совместно с разведывательным и саперным батальонами 16-й панцергренадерской дивизии.

В окружение попали 5, 9, 13, 91 и 84-й гвардейские стрелковые полки. Окружение первых трех полков фактически означало окружение основных сил 3-й гв. стрелковой дивизии. 5-й и 9-й гв. стрелковые полки образовывали западный фронт окружения, а 84-й и 91-й гв. стрелковые полки – западный и северный фасы «котла». Изолированно от основной окруженной группы 1-го гв. стрелкового корпуса вел бои в Саур-Могильском 13-й гв. стрелковый полк. Одновременно с ударом эсэсовцев было предпринято наступление против южного фланга 2-й гв. армии силами XXIX армейского корпуса. Здесь ударную группу образовывали части 294-й пехотной дивизии, собранные из других соединений

33. Немецкий солдат осматривает подбитый и сгоревший танк Т-34-76. «Миус-фронт», лето 1943 года. Машина имеет бортовой номер 47 (АСКМ).

батальоны и части 15-й авианолетной дивизии. Непосредственная поддержка наступления осуществлялась штурмовыми орудиями. Удар XXIX армейского корпуса наносился вдоль долины Ольховчика. Это наступление вынудило 86-ю гв. стрелковую дивизию оставить сначала Семеновский, а затем и Калиновку. Положение было настолько серьезным, что 2-му гв. мехкорпусу в 13.10 было приказано занять окопы на восточном берегу Миуса, из которых поднимались в атаку части 5-й ударной армии утром 17 июля. Прикрыть образовавшуюся брешь в построении 2-й гв. армии было решено силами 24-й гв. стрелковой дивизии. Она же во взаимодействии с 36-й гв. танковой бригадой должна была деблокировать окруженные полки.

Оргвыводы по итогам боя 30 июля и окружения пяти стрелковых полков последовали незамедлительно. Около 23.00 в командование 2-й гв. армии вступил Г.Ф. Захаров, ранее командовавший 51-й армией. Видимо действия его армии в качестве сковывающей группы фронта впечатлили командование Южного фронта. Командовавший артиллерией 2-й гв. армии гвардии генерал-майор И.С. Стрельбицкий описал нового командарма так:

«Новый командарм вернулся в блиндаж быстрой и решительной походкой. Остановился у стола и, нервно комкая карту, окинул нас изучающим недружелюбным взглядом. Мы доложили о состоянии частей, ответили на вопросы о себе. Наконец он сказал несколько слов о дисциплине и о «самом главном своем требовании» – неукоснительном исполнении приказов».

34. Танк Т-34-76 из колонны «Профсоюз потребко-операции фронта». Незвестная танковая часть, Южный фронт, лето 1943 года (АСКМ).

Этот тезис может звучать парадоксально, но успех удара по сходящимся направлениям 16-й панцергренатерской и 23-й танковой дивизий был незапланированным, отрицательно повлиявшим на результаты контрнаступления 6-й армии в целом. 23-я танковая дивизия существенно отклонилась от заданного маршрута и не выполнила задачу обеспечения наступления II танкового корпуса СС.

Контрудар эсэсовцев. Если с попыткой продолжить 30 июля наступление 2-й гв. армии Ф.И. Толбухин просчитался, то прикрытие ударной группировки с севера силами 5-й ударной армии полностью себя оправдало. Выполняя первоначальный план операции, 5-я ударная армия построила прочную оборону с опорой на господствующие высоты. Помимо способной бороться с танками артиллерии стрелковых соединений армии, в ее составе была 1-я гв. истребительная бригада, при численности 1272 человека вооруженная шестнадцатью 76-мм, двенадцатью 45-мм пушками и сотней противотанковых ружей. Вопреки утверждениям немцев, 2-й гв. механизированный корпус в отражении контрудара II танкового корпуса СС не участвовал: ве-

дущую роль сыграли стрелковые соединения 5-й ударной армии.

Толбухин еще до начала операции в целом верно угадал вероятное направление немецкого контрудара. Согласно плану Холлидта прибывшие соединения II танкового корпуса должны были атаковать по тому же маршруту, по которому безуспешно наступала 19 июля 23-я танковая дивизия. Эсэсовцам предстояло наступать по полю подсолнечника, уставленному остовами подбитых танков своих незадачливых предшественников. За десять дней, прошедших с первого контрнаступления, советская оборона только улучшалась и усиливалась. Войска 5-й ударной армии окапывались, расширяли минные поля и совершенствовали систему огня.

Вместе с тем нельзя сказать, что запланированный командованием 6-й армии контрудар проводился заведомо слабыми силами. Для атаки периметра вбитого в немецкую оборону клина привлекались не только прибывшие с южного фаса Курской дуги соединения, но и части пехотных дивизий 6-й армии. Помимо вышеупомянутой пехотной группы, наступавшей по долине Ольховчика, была созда-

на пехотная боевая группа XVII армейского корпуса на северном фланге советского плацдарма. Она включала в себя части 306-й пехотной дивизии, два батальона 3-й горно-егерской дивизии, батальон 336-й пехотной дивизии и штурмовой батальон 6-й армии. Эта группа должна была наступать на левом фланге 3-й танковой дивизии. Сама 3-я танковая дивизия должна была наступать на высоту 211,5 и восточную окраину Герасимовки. Танковый полк «Тотенкопфа» и панцергренадерский полк дивизии должны были наступать по обе стороны дороги Снежное – Мариновка на высоту 213,9. Лидировать атаку предполагалось «тиграми». Полк «Эйке» должен был наступать по параллельному маршруту на Герасимовку. Согласно плану дивизия «Дас Райх» также должна была наступать двумя боевыми группами. Первую составлял танковый полк, усиленный III батальоном полка «Дер Фюрер» на бронетранспортерах «Ганомат», разведывательным батальоном и дивизионом артиллерийского полка на САУ. Боевая группа представляла собой вершину тактической и технической мысли германской армии: танки, пехота на бронетранспортерах и самоходная артиллерия. Все три элемента обладали высокой устойчивостью к огню гаубичной артиллерии противника и могли сближаться с атакуемыми оборонительными рубежами под шквалом снарядов. САУ «Хуммель» и «Веспе» к тому же были дебютантами летней кампании 1943 г. Проблемы, которые испытывали в своем наступлении 2-й и 4-й гв. мехкорпуса были танковой боевой группе «Дас Райх» не страшны. По крайней мере, теоретически они могли пройти невредимыми сквозь град осколков. Оставшиеся два батальона полка «Дер Фюрер» (обычная мотопехота на автомашинах) находились в резерве и могли быть использованы для развития успеха или отражения контратак. Вторую боевую группу составлял полк «Дойчланд», усиленный САУ «Штурмгешюц», саперами и дивизионом обычной (несамоходной) артиллерии. Артиллерийскую поддержку «Дас Райх» также осуществлял 54-й полк «небельверферов». Массовое использование реактивной артиллерии было вообще одной из характерных черт действий корпуса Хауссера, сближавшего его технически с советскими механизированными соединениями. Один из советских пленных, захваченных эсэсовцами, в ответ на вопрос о самой сильной технике противника ответил: «Штуки» и реактивные минометы.

Успех контрудара 30 июля, так же как и наступления 23-й танковой дивизии 19 июля, зависел от захвата Степановки. Позиции советской противотанковой артиллерии на восточной окраине деревни фланкировали подступы к высоте 213,9 и даже в случае нарушения системы огня защитников высоты, артиллеристы могли остановить продвижения противника. Массированный фланговый огонь был опасен даже для «Тигров». Рано утром 30 июля на Степановку начал наступление полк «Дойчланд». Выйдя к окраине деревни, эсэсовцы втянулись в кровопролитные уличные бои. Добившись только захвата северо-западной окраины Степановки, гренадеры «Дойчланда» остановились. Командовани-

ем было также решено использовать в боях за Степановку еще находившийся на марше резерв: два батальона панцергренадерского полка СС «Дер Фюрер».

Танковая боевая группа «Дас Райх» из танков, батальона «Дер Фюрера» на БТР и САУ успешно атаковала высоту 230,9, захватив ее к 10.00. Однако этот быстрый успех был мимолетным. Для танков обеих сторон летом 1943 г. настоящим бичом были мины. Дальнейшее продвижение технически совершенной танковой боевой группы «Дас Райх» оказалось остановлено на минном поле. С ходу были обездвижены 20 – 25 танков. Атака была остановлена до расчистки минного поля саперами. После того, как были проделаны проходы в минном поле, боевая группа продвинулась далее в направлении Мариновки. Но продвинуться дальше до балки Ольховчик с целью соединения с ударной группировкой XXIX армейского корпуса у эсэсовцев не получилось. Они столкнулись с контратакой частями 24-й гв. стрелковой дивизии и 37-й танковой бригады, начавшими деблокирующие действия в направлении Саур-Могильского.

Как показал контрудар 19 июля, неудача с захватом Степановки автоматически означала неудачу штурма высоты 213,9. Однако ранним утром 30 июля выходящие на исходные позиции для атаки полки «Тотенкопфа» еще не знали, каков будет результат атаки «Дас Райх». К тому же надежду на успех вселяли массивные «Тигры» с мощными 88-мм орудиями, уже неоднократно становившиеся сокрушающим советскую противотанковую оборону тараном. После часовой артиллерийской подготовки полки в 8.10 двинулись в атаку.

Наступающие части «Тотенкопфа» на подступах Герасимовке и высоте 213,9 также как и их соседи из «Дас Райх» встретили обширные минные поля. Танки начали один за другим подрываться и останавливаться. Вперед были выдвинуты саперы, но их работе существенно мешал огонь советской артиллерии и пулеметов. С теми же проблемами столкнулись части 3-й танковой дивизии. На остановившуюся перед минным полем бронетехнику сразу же обрушился шквал огня. Со всех сторон летели трассеры снарядов. С большим трудом редкие ряды саперов расчищали проходы в минных полях, только чтобы обозначить расчетам советских противотанковых батарей направления движения танков. Особенно убийственным был фланговый огонь с восточной окраины Степановки.

Одновременно 5-я ударная армия вернула противнику присм, с помощью которого несколькими днями ранее Холлндт сдерживал наступление 2-й гв. армии: массированный огонь гаубичной артиллерии. С закрытых позиций на высотах позади высоты 213,9 советская гаубичная артиллерия обрушивала град снарядов на наступающую немецкую пехоту и саперов. Вскоре к ней присоединились штурмовики Ил-2, с бреющего полета засыпавшие атакующих гренадеров бомбами.

Особую роль сыграли противотанковые ружья. Обладая ничтожными возможностями по непосредственному поражению танков противника, они оказывали значительное косвенное воздействие на ход атаки. Град круп-

нокалиберных пуль заставлял командиров немецких танков отказываться от наблюдения за полем боя через открытый люк командирской башенки. Вынужденные полагаться только на перископы и триплексы башенок они существенно теряли в возможностях обнаружения целей на поле боя.

В 17.45 берлинского времени командование «Тотенкопфа» доложило в штаб II танкового корпуса СС, что после трех атак на высоту 213,9 удалось лишь незначительно продвинуться вперед. Авиационная поддержка наступления также не дала видимых результатов. «Штуки» эффектно переворачивались через крыло, пикировали на высоту, сбрасывали бомбы, разрывы которых заволакивали дымом советские позиции. Однако видимого воздействия на защитников высоты 213,9 это не оказывало. При попытке возобновить наступление атакующих вновь встречал град снарядов и мин. После неудачи последней атаки части «Тотенкопфа» отошли со склонов высоты 213,9 назад. Ввиду больших потерь в офицерах ротного звена и унтер-офицерах дивизия нуждалась в нескольких часах отдыха и реорганизации.

Общие потери II танкового корпуса СС за день 30 июля составили 915 человек убитыми, ранеными и пропавшими без вести. Больше всего пострадала атакующая роковую высоту 213,9 дивизия «Тотенкопф»: потери соединения составили 494 человека убитыми, ранеными и пропавшими без вести. Из 211 танков, числившихся во II танковом корпусе СС к началу контрнаступления, 91 машина вышла из строя. Из 10 «Тигров» диви-

зии «Тотенкопф» вышли из строя 8. Общие потери танкового полка дивизии за день составили 48 единиц. Также «Тотенкопф» потерял 12 штурмовых орудий и 8 бронеавтомобилей. «Дас Райх» потерял 25 танков и около 300 человек. Из 37 танков, с которыми начинала атаку 3-я танковая дивизия, к концу дня на ходу оставались только 19.

Сдерживавший наступление II танкового корпуса СС и частей XVII армейского корпуса 31-й гв. стрелковый корпус в оперсводке от 24.00 30 июля сообщал о потере за день 328 человек убитыми и 918 человек ранеными (без учета 3 гв. сн). Одним из основных факторов, лимитировавшем возможности обороняющихся, стали боеприпасы. Штаб 31-го гв. стрелкового корпуса сообщал командованию: «В итоге напряженного боя были расстреляны почти все снаряды и мины». Подвоз боеприпасов существенно затруднялся размоканием дорог после прошедшего накануне дождя.

К контрнаступлению 6-й армии привлекались все соединения, окаймлявшие советский плацдарм. XXIX армейский корпус не стал исключением. Неделями ранее дивизии 28-й армии наступали на левый фланг XXIX корпуса. Теперь усиленный стянутыми с разных участков пехотными частями корпус контратаковал ослабленные стрелковые дивизии противника. В наступлении участвовали батальоны из всех трех пехотных дивизий, занимавших фронт от Куйбышевского до Таганрога и части 15-й авиаполевой дивизии. Целью XXIX корпуса был южный выход из долины Ольховчика. Предполагалось, что так будет захлопнута мышеловка для советских войск, отходящих

35. Истребитель танков Marder III из состава панцергренадерской дивизии СС «Рейх». «Миус-фронт», июль 1943 года. Эта машина на шасси танка Pz.38(t) вооружалась 76,2-мм трофейной советской пушкой Ф-22 (фото из архива автора).

по долине на юг под ударами II танкового корпуса СС. Однако все произошло совсем по-другому. С большим трудом боевой группе 294-й пехотной дивизии удалось пробиться в долину Ольховчика. Боевым группам 17-й и 336-й дивизий повезло больше: под их ударами отошла 387-я стрелковая дивизия. Положение было спасено полками введенной в бой из резерва 127-й стрелковой дивизии. Только потери 294-й пехотной дивизии составили 600 человек, в том числе 150 человек убитыми или пропавшими без вести. Плохо себя показавшая 387-я стрелковая дивизия по итогам дня выводилась на восточный берег Миуса.

Несмотря на неудачу наступления II танкового корпуса СС 30 июля, Холлидт не стал менять форму контрудара. Дивизия «Тотенкопф» должна была наступать на прежнем направлении в попытке еще раз пробиться через советскую оборону на высоте 213,9. 3-я танковая дивизия и 306-я пехотная дивизия должны были наступать на все ту же высоту 211,5. Соответственно «Дас Райх» также досталась прежняя задача, и гренaдеры соединения продолжали пробиваться через руины Степановки. Бои в Степановке не утихали всю ночь с 30 на 31 июля. XXIV танковый корпус Неринга по плану командования 6-й армии должен был пробиваться к Ольховчику, обеспечивая фланг «Дас Райха».

Что интересно, командование Южного фронта ожидало танкового удара в основание вклинения в оборону противника и даже прорыва на восточный берег Миуса. Сообразно этим ожиданиям 28-й армии на 31 июля был временно подчинен 4-й гв. механизированный корпус. Сводная 36-я танковая бригада ставилась во второй эшелон по балке Ольховчик, а 13, 14 и 15-я гв. механизированные бригады готовились контратаковать вдоль реки на юг, от Куйбышевo к Русскому. Таким образом 28-я армия должна была прикрывать основание плацдарма с юга. Однако на этом направлении должна была атаковать только пехота XXIX армейского корпуса при поддержке «штурмгешюцев». Задачей XXIX корпуса на 31 июля был захват высоты 168,5, контроль над которой позволил бы контролировать маршруты снабжения советских войск в Степановке и Мариновке. Для выполнения поставленной задачи была собрана боевая группа Гаусс, состоявшая из пехотных частей и поддерживаемая 243-м батальоном «штурмгешюцев». Начавшаяся утром 31 июля наступление группы Гаусс сдерживалось огнем советской артиллерии частей 28-й армии. Основным противником ударной группы XXIX корпуса стала 347-я стрелковая дивизия, оборонявшаяся в районе Елизаветинского. Командованием корпуса был запрошен удар авиации по артиллерийским позициям. Из-за раскисания после прошедших дождей грунтовых аэродромов удар «Штук» был отложен и состоялся уже когда наступление выдохлось. Несмотря на заявки немцев на захват 1200 пленных, дивизии 28-й армии потеряли за 31 июля 81 человека убитыми и 166 человек ранеными.

Получив приказ на продолжение наступления на злополучную высоту 213,9, командир дивизии СС «Тотенкопф» бригаденфюрер СС Герман Прейс решил провести атаку в пред-

рассветные часы 31 июля, под покровом темноты. В дивизии были подготовлены штурмовые подразделения, которые начали наступление в 1.00 без артиллерийской подготовки. Гренaдеры атаковали только с использованием стрелкового оружия и гранат. Только когда атакующие достигли первой линии окопов, артиллерия и «небельверферы» открыли огонь по позициям второй линии и возможным исходным позициям для контратак. Однако застигнуть обороняющихся врасплох не удалось. Советская артиллерия быстро отреагировала на произошедшее и открыла шквальный огонь. Вскоре к грохоту тяжелых орудий присоединились очереди пулеметов и утробные звуки выстрелов из минометов. Саперы «Тотенкопфа» под прикрытием ночной атаки попытались проделать проходы в противотанковых минных заграждениях. Однако их активность была замечена и по саперам открыли огонь из минометов и стрелкового оружия. Несмотря на потери, проходы все же были подготовлены.

Ночная атака не принесла желаемого результата и в 9.15 31 июля вся артиллерия II танкового корпуса СС начала 45-минутную артподготовку контрнаступления. Одновременно советские позиции на высоте 213,9 были подвергнуты ударам авиации. Бомбардировщики Ю-87 в характерном ступенчатом пике падали на советские позиции, сбрасывая бомбы. Вскоре окопы утонули в клубах пыли и дыма от разрыва бомб и снарядов. Казалось никто, и ничто не может выдержать и минуты в этом аду. Задачей пехотинцев было прижаться как можно ближе к султанам разрывов. Неизбежные потери от огня снарядов собственной артиллерии и авиабомб «Штук» считались меньшим злом, чем потери от огня занявшего свои позиции у пулеметов и пушек противника. После окончания артподготовки у гренaдеров были считанные минуты до того как советские пехотинцы покинут укрытия и будут готовы встретить атакующих шквальным огнем.

Одной из главных проблем в штурме высоты 213,9 был характер местности. Густо поросшие кукурузой и подсолнечником склоны высоты скрадывали рельеф и обеспечивали отличную маскировку для пулеметных гнезд и позиций противотанковой артиллерии. Поднявшиеся в 10.00 в атаку эсэсовцы достаточно быстро преодолели прореженные минные поля, но были встречены минометным огнем и артиллерией. Танки не могли проложить дорогу пехотинцам, так как сами подверглись шквалу бронесбойных снарядов разных калибров. Атаковавший Герасимовку полк «Эйке» также не добился успеха, встреченный интенсивным огнем артиллерии, корректируемом с господствующих высот. После полудня хлынул сильный дождь, и потоки воды с небес прекратили сражение. К 17.30 31 июля «Тотенкопф» доложила о том, что боеготовыми в дивизии остались только 20 танков: один «Тигр», один Pz.Kpfw.IV с «окурком», восемь Pz.Kpfw.IV с длинноствольным орудием, пять Pz.Kpfw.III и пять командирских танков. Также в дивизии осталось 14 САУ «Штурмгешюц» и 6 САУ «Мардер». До такого низкого уровня число боеготовых танков и САУ в «Тотенкопфе» не

надало даже в самые трудные дни сражения на Курской дуге.

Повторение атаки 3-й танковой дивизии на прежнем направлении также не принесло успеха, а лишь привело к потерям людей и техники на минных полях и под градом снарядов и пуль. Так же как и в случае атаки высоты 213,9, решающим оказался фланкирующий огонь. Наибольшие потери 3-я танковая дивизия понесла от огня советской артиллерии из района села Пересыпное на левом фланге атаки. По плану на Пересыпное должна была наступать 306-я пехотная дивизия. Однако, начав атаку в 5.30 дивизия не смогла преодолеть советскую оборону к югу от Никифорово. 306-я пехотная дивизия была уже изрядно потрепана в боях с 17 июля, и наступательные возможности соединения были низкие. Провал в захвате фланкирующей позиции привел к общей неудаче немецкого контрудара на этом направлении. К концу дня в 3-й танковой дивизии осталось только 9 боеготовых танков: 3 Pz.Kpfw.III, 3 Pz.Kpfw.III с короткоствольным 75-мм орудием и 3 Pz.Kpfw.IV с 75-мм длинноствольным орудием. Самоходная противотанковая артиллерия 3-й танковой дивизии была представлена 10 САУ «Мардер». Соединение лишилось 196 человек убитыми, ранеными и пропавшими без вести. Столкнувшись с неудачей второго наступления 3-й танковой дивизии, Холлидт наконец решил прекратить бесплодные атаки и снять соединение с северного фаса советского плацдарма. Артиллерия 3-й танковой дивизии должна была быть задействована на направлении главного удара II танкового корпуса СС, а остальные части дивизии выводились в район Артемовки, на южный фас советского плацдарма.

Успешное отражение немецкого наступления 31 июля стоило 31-му гв. стрелковому корпусу потери 719 человек убитыми и 1941 человека ранеными. Однако, возможности корпуса А.И. Утвенко по прикрытию северного фаса плацдарма были практически ис-

36. Советский танкист осматривает брошенный при отступлении истребитель танков Marder II, созданный на шасси танка Pz.II и вооруженный 76,2-мм трофейной советской пушкой Ф-22. Южный фронт, лето 1943 года (АСКМ).

черпаны. В журнале боевых действий корпуса мы можем найти такую запись: «Недостаток снарядов в результате тяжелого боя к исходу дня достиг предела: мин 120 мм нет, снарядов 122 мм по 4 – 5 на орудие, мин 82 мм до 0,6 б/к, снарядов 76 мм – по 8 – 10 на орудие». Понятно, что за ночь запасы были несколько пополнены, но принципиально это ситуацию не меняло.

Если главной задачей 5-й ударной армии было отражение контрнаступления противника, то командование 2-й гв. армии было больше всего озабочено окружением части сил 1-го гв. стрелкового корпуса. 13-й гв. стрелковый полк сумел утром 31 июля пробиться из окружения в Саур-Могильском. Но не всем везло. В 11.30 31 июля начальник штаба 91-го гв. стрелкового полка передал по радио последнее донесение: «Противник с танками и пехотой со всех сторон перешел в атаку. Прощайте». Атаковавшие танки, скорее всего, принадлежали 201-му танковому полку 23-й танковой дивизии. Надо сказать, что окруженные дорого продали свою жизнь: 23-я танковая дивизия потеряла за 31 июля 22 из 37 своих танков, число боеготовых танков упало до одной роты.

Общая линия, принятая Г.Ф. Захаровым была на удержание окруженными занимаемых позиций и их деблокирование ударом извне. Однако независимо друг от друга советский деблокирующий удар и запланированное Холлидтом наступление «Дас Райха» и 23-й танковой дивизии проходили по пересекающимся осям. В результате в районе Степановки и высоты 202,0 произошло встречное сражение с применением танков и САУ. Части двух немецких дивизий были контратакованы 24-й гв. стрелковой дивизией 1-го гв. стрелкового корпуса при поддержке танков. Дивизия наступала на фронте Степановка, высота 223,7, высота 202,0. Немцам пришлось откатываться от планов контрнаступления в центре и перейти к обороне под ударами советской пехоты, поддержанной атаками с возду-

ха. В самой Степановке в уличных боях противники поменялись местами: теперь наступающей стороной были советские части, а немцы пытались удержаться в деревне силами полка «Дойчланд». Наиболее кровопролитные бои развернулись за высоту с двумя курганами южнее Степановки, немцы называли ее Doppelkopf – «двухголовая». 24-й гв. стрелко-

вой дивизии удалось захватить ее, но продвигаться дальше не удалось. Противником атакующих была технически совершенная танковая боевая группа «Дас Райха». Также части 24-й гв. стрелковой дивизии подверглись ожесточенным атакам «Штук» с воздуха. Однако удержание позиций под сильным огнем орудий и минометов также дорого стоило оборо-

37. Колонна танков Т-34-76 выдвигается в район сосредоточения. Южный фронт, лето 1943 года (АСКМ).

нящимся эсэсовцам. К концу дня только полк «Дер Фюрер» доложил о потере 200 человек убитыми и ранеными.

В течение дня «Дас Райх» подвергся 14 советским атакам: шести на левом фланге и 8 в центре. Всего в составе «Дас Райха» к концу дня 31 июля оставалось десять Pz.Kpfw.III, тринадцать Pz.Kpfw.IV, один Pz.Kpfw.VI «Тигр», пять командирских танков и двадцать САУ «Штурмгешюц». Как мы видим, вольно или невольно, «штурмгешюцы» составляли все большую долю немецкой бронетехники на восточном фронте. Схожая ситуация с балансом танков и САУ была в 16-й панцергренадерской дивизии: к концу 31 июля в соединении насчитывалось 12 Pz.Kpfw.III/Pz.Kpfw.IV и 22 «штурмгешюца». Кроме того в «Дас Райхе» было 11 САУ «Мардер»: 2 с 75-мм орудием и 9 с 7,62-мм орудием.

На левом фланге советского деблокирующего удара (у высоты 202,0) противником были 126-й панцергренадерский полк 23-й танковой дивизии и истребительно-противотанковый дивизион соединения. Части немецкой танковой дивизии вели бои с окруженным и частями и удар извне «котла» был для них неприятной неожиданностью. Помимо уже привычных Т-34, немецкие части столкнулись с новым противником – «Зверобоем». Именно в этих боях была впервые подбита и захвачена новая самоходка СУ-152. Это было большой удачей: 1543-й полк за все время участия в боях потерял безвозвратно всего две САУ.

Нельзя не отметить грамотное решение советского командования со сбором всех оставшихся на ходу танков выведенных из боя гвардейских мехкорпусов в две сводных бри-

гады. Относительно хорошо укомплектованные танковые бригады оказались 31 июля весьма кстати и активно участвовали в боях с частями «Дас Райха», 23-й танковой дивизии и ХХІХ корпуса. За день 31 июля 36-я гв. танковая бригада 4-го гв. мехкорпуса потеряла подбитыми 11 танков Т-34, 2 автомашины, 20 человек убитыми и 19 человек ранеными. Действовавшая в районе Степановки 37-я гв. танковая бригада 2-го гв. мехкорпуса потеряла подбитыми и сожженными 15 танков Т-34 и 6 танков Т-70, подбитыми – 2 Т-34 и 5 Т-70. К 24.00 37-я танковая бригада в составе 4 Т-34 и 7 Т-70, получив горючее и боеприпасы, перешла к обороне.

Информация об окружении подразделений 3-й и 33-й гв. стрелковых дивизий дошла до самого верха и руководство Южного фронта «удостоилось» выволочки от самого Верховного Главнокомандующего. Вечером 31 июля 1943 г. в адрес А.М. Василевского и Ф.И. Толбухина была направлена Директива Ставки ВГК № 30157 подписанная лично И.В.Сталиным следующего содержания:

«Считаю позором для командования фронтом, что оно допустило по своей халатности и нераспорядительности окружение наших четырех стрелковых полков вражескими войсками. Пора бы на третьем году войны научиться правильному вождению войск.

Требую, чтобы командование фронта немедленно сообщило в Генштаб специальной шифровкой о том, какие экстренные меры думает оно предпринять для того, чтобы вызволить окруженных и безусловно приостановить продвижение вражеских войск. У фронта для этого есть средства и он должен выполнить эту задачу».

38, 39. Танк Т-70, подбитый в ходе боев на реке Миус. Лето 1943 года (АСКМ).

Надо сказать, что окружение части сил 1-го гв. стрелкового корпуса вызвало повышенное внимание со стороны верховного командования еще до появления директивы Ставки за подписью И.В.Сталина. 31 июля в 11.00 на командный пункт 2-й гв. армии прибыл представитель Ставки Маршал С.К. Тимошенко и пробыл там восемь часов. В предыдущий день на командном пункте 2-й гв. армии присутствовали и С.К. Тимошенко, и А.М. Василевский. Однако перспективы выполнения приказов Верховного к вечеру 31 июля были весьма туманными. Разыгравшееся встречное сражение с частями «Дас Райха» и 23-й танковой дивизии под сильными ударами авиации противника не обещало быстрого решения задачи деблокирования окруженных. Поэтому в конце дня 31 июля Г.Ф.Захаров принимает решение перейти к обороне деблокирующей группе на линии высот 223,7 и 202,0, а окруженным частям пробиваться на восток. Части 24-й гв. стрелковой дивизии выводились из района Степановки и сосредотачивались на обороне указанных высот.

31 июля также стало «черным днем» для авиации Южного фронта. 8-я воздушная армия попыталась вновь достичь максимума активности имеющимися в наличии силами и произвела 424 самолето-вылета. Однако в отчаянной попытке поддержать деблокирующий удар с воздуха были потеряны 33 самолета. Это было абсолютным максимумом по-

терь за все время сражения. Из них в воздушном бою было сбито 11 машин (1 ЛаГГ-3, 3 Як-1 и 7 Ил-2), а не вернулось с боевого задания 22 самолета (5 Як-1, 17 Ил-2). Большую часть не вернувшихся самолетов с боевого задания также следует отнести к результатам деятельности немецкой авиации. Всего за день службами ВНОС Южного фронта было отмечено свыше 2000 самолето-пролетов противника.

Однако для немецкого командования результаты дня 31 июля были столь же обескураживающие. За два дня только II танковый корпус СС потерял 1300 человек убитыми, ранеными и пропавшими без вести. В безвозвратных потерях числились 10 Pz.Kpfw.III и 14 Pz.Kpfw.IV. Еще 27 Pz.Kpfw.III, 45 Pz.Kpfw.IV и 9 Pz.Kpfw.VI «Тигр» находились в ремонте и не могли быть введены в бой в ближайшее время. Число боеготовых танков корпуса упало до недопустимо низкого уровня. На командный пункт II танкового корпуса СС 31 июля прибыл командующий группой армий «Юг» Э. фон Манштейн чтобы лично увидеть результаты атаки. Продолжать контрнаступление эсэсовского корпуса Манштейн к тому моменту уже считал бессмысленным. Два дня боев не дали ничего кроме тяжелых потерь при незначительном продвижении вперед. В полосе группы армий «Юг» назревал серьезный кризис, и терять II танковый корпус СС в бесплодных атаках он не собирался.

Решение о выводе корпуса Хауссера с Миуса было уже принято Манштейном, когда в последний момент его заставили передумать. К полю боя подходил резерв в лице двух батальонов полка «Дер Фюрер» во главе с оберштурмбанфюрером СС Сильвестром Штадлером. Выдвижение резерва было задержано дождями, размывшими дороги. Манштейн потребовал от Штадлера доклада о времени прибытия полка в назначенный район. Командир полка ответил, что это произойдет через пять часов. Командующий группы армий «Юг» посоветовал, что это будет уже слишком поздно. Штадлер с горячностью возразил ему, что его батальоны будут готовы к атаке ключевой высоты 203,4. Манштейн скептически отнесся к возможности частей Штадлера переломить ход сражения, безуспешно ведущегося уже два дня куда более значительными силами, чем два батальона пехоты. Хауссер поддержал своего подчиненного. Несмотря на все сомнения Манштейн отдал право решать, нужна ли атака 1 августа или нет Холлидгу и Хауссеру, и отбыл в штаб-квартиру группы армий «Юг». В итоге было принято решение продолжать контрудар.

Несмотря на сомнения Манштейна в целесообразности продолжения контрнаступления советское командование не питало иллюзий относительно своих возможностей по удержанию плацдарма перед лицом сильных резервов противника. Уже 30 июля были захвачены пленные из «Тотенкопфа» и 3-й танковой дивизии. События 31 июля только подтвердили сведения о прибытии на Миус II танкового корпуса СС. Вследствие израсходования боеприпасов и понесенных возможности продолжения боевых действий 31-м гв. стрелковым корпусом были почти исчерпаны. При других обстоятельствах отход был бы произведен уже в ночь на 1 августа. Однако, необходимость вывода из окружения частей 3-й и 33-й гв. стрелковых дивизий заставила задержаться, по крайней мере, на сутки. Решением Г.Ф.Захарова на 1 августа была оборона с поставкой в первую линию наиболее боеспособных соединений. Из состава 1-го гв. стрелкового корпуса боеспособная была только 24-я гв. стрелковая дивизия. Она заняла позиции от высоты 223,7 до высоты 202,0. 13-й гв. стрелковый корпус оборонял линию от высоты 202,0 до южных и юго-восточных скатов высоты 155,9 силами 49-й и 87-й гв. стрелковых дивизий. Во второй эшелон была выведена 86-я гв. стрелковая дивизия.

Утром 1 августа ситуация с окружениями наконец пришла к своему логическому финалу. К 4.00 утра были выведены из окружения уцелевшие части 3-й и 33-й гв. стрелковых дивизий. 88-й гв. стрелковый полк насчитывал 150 человек, 6 ПТР, 2 станковых и 10 ручных пулеметов, 4 миномета калибра 82 мм. 84-й гв. стрелковый полк насчитывал 300 человек, 5-й гв. стрелковый полк – 55 человек без командира и его штаба. С 9-м гв. стрелковым полком связь была прервана. Находившийся в дальнем углу «котла» полк был разбит артиллерией и атаками противника.

После вывода из окружения остатков окруженных частей 1-го гв. стрелкового корпуса Толбухин начинает готовить эвакуацию плац-

дарма. В 10.00 1 августа он приказывает находившейся в резерве 151-й стрелковой дивизии занять позиции на восточном берегу Миуса. В окопах, из которых поднялись в атаку части 5-й ударной армии утром 17 июля, 151-я стрелковая дивизия сменяла 2-й гв. механизированный корпус. Последний в полном составе выводился во вторую линию для контратак с целью подпирания фронта стрелковых частей. Еще в ночь с 31 июля на 1 августа принимавшая участие в боях с «Дас Райхом» и 23-й танковой дивизией 37-я гв. танковая бригада корпуса была выведена из боя на восточный берег Миуса.

По иронии судьбы практически в то же время II танковый корпус СС получил приказ на вывод из подчинения Холлидта. В 10.30 1 августа начальник оперативного отдела корпуса Хауссера получил из штаба группы армий «Юг» распоряжения на отход всех трех дивизий для использования на другом участке фронта. Офицеры транспортной службы эсэсовского корпуса получили приказы на подготовку перевозки 3-й танковой дивизии, «Дас Райха» и «Тотенкопфа» по железной дороге через станцию Сталино. Манштейну был нужен танковый корпус СС для отражения советского наступления в районе Харькова.

Пока командование обеих сторон постепенно готовило вывод войск из боя, на участке 24-й гв. стрелковой дивизии произошли события, ускорившие отступление на исходные позиции. Решающая атака, обещанная Манштейну Штадлером, основывалась на скрытном сосредоточении частей ночью и должна была использовать момент внезапности. Командир «Дер Фюрера» собирался атаковать до начала артиллерийской подготовки. Целью атаки была высота 203,4 перед Мариновкой, с которой можно было наблюдать за советскими артиллерийскими позициями в тылу высоты 213,9. Штадлер лично внимательно исследовал все подходы к высоте для выявления наилучшего маршрута атаки. Кроме эффекта внезапности Штадлер собирался использовать для ослепления защитников высоты 203,4 дымовую завесу. Для постановки этой завесы привлекались «небелверферы» 52-го полка, которые, наконец, должны были оправдать свое название «метателей дыма». Это были классические штурмовые действия, основанные на тактической выучке солдат и младших командиров. Основным принципом штурмовых действий было быстрое продвижение по линиям наименьшего сопротивления и складкам местности к ключевой точке позиции противника, не обращая внимания на фланги. Выдвижение двух батальонов «Дер Фюрера» для атаки началось в 4.00 1-го августа. Третий батальон «Дер Фюрера», передвигавшийся на БТР, после боев 31 июля просел в численности до роты и к атаке на высоту 203,4 не привлекался.

Расчет Штадлера на момент внезапности полностью оправдался. Используя только стрелковое оружие и гранаты эсэсовцы «Дер Фюрера» пробились на глубину 3 км и уже в 8.45 были на высоте 203,4. Возможно, свою роль сыграл тот факт, что советские нехотицы ожидали выхода на своем участке окруженцев из 3-й и 33-й гв. стрелковых дивизий.

Сами по себе грамотные тактические действия не гарантировали нужного результата. Как мы помним, ночная атака «Тотенкопфа» проведенная в стиле Штадлера ночью 31 июля провалилась.

Ответом обороняющихся на атаку «Дер Фюрера» был арналет по западному склону высоты 203,4. Со стороны он выглядел как контратака и в отсутствии связи со Штадлером немецкое командование начало артподготовку. Высота 203,4 оказалась под шквальным огнем артиллерии. Гренадеры Штадлера были вынуждены попрыгаться в захваченных траншеях. Сам командир полка собрал импровизированный штаб под подбитым советским танком. Позднее Штадлер оценивал огонь бившей по захваченной им высоте немецкой артиллерии как «неповторимый».

жил кровопролитные уличные бои за Степановку. Исключение из сражения за Степановку правофланговых частей 24-й гв. стрелковой дивизии склонило чашу весов сражения на улицах в сторону немцев. Схватки за каждый дом были настолько интенсивными, что «Дойчланд» запрашивал поддержку полка «небельверферов» и поддержку с воздуха «Штуками». Пожалуй, только пикирующие бомбардировщики могли достаточно точно класть бомбы в сравнительно небольшом поселке, ставшем маленьким «Сталинградом». В последних атаках на Степановку принимали участие также батарея «Штурмгешюцев» и саперы, входившие в состав «Тотенкопфа». К 15.15 эсэсовцы вышли на восточную окраину Степановки. К 17.30 бои перешли в балку к юго-востоку от нее и флакировавшие про-

40. Расчет 14,5-мм противотанкового ружья ПТРД ведет огонь по немецким самолетам. Южный фронт, лето 1943 года (АСКМ).

Действительно для решающего контрнаступления командование 6-й армии собрало внушительные силы артиллерии. Всего в поддержке атак трех корпусов 6-й армии должны были участвовать около 600 орудий. Однако, несмотря на сильную артиллерийскую подготовку, не все атакующие части достигли такого же успеха как батальоны Штадлера. Танки «Дас Райха» и батальон полка «Дер Фюрер» на БТРах (пополненный людьми из саперного батальона дивизии) провели несколько безуспешных атак, прежде чем к 11.00 советская артиллерия перед фронтом танковой боевой группы была приведена к молчанию ударами артиллерии и авиации.

Тем временем с раннего утра 1 августа полк «Дойчланд» дивизии «Дас Райх» продол-

странство перед высотой 213,9 позиции советских противотанковых пушек прекратили свое существование.

Атаки на ключевые высоты советского плацдарма на западном берегу Миуса 1 августа следовали одна за другой и со всех направлений. С юга плацдарм был атакован боевой группой XXIX армейского корпуса из частей 294-й и 17-й пехотных дивизий при поддержке 12 САУ 243-го батальона «штурмгешюцев». Целью этого удара был захват высоты 168,5. Наступление частей XXIX корпуса началось в 8.10 утра, одновременно с наступлениями XXIV танкового корпуса и II танкового корпуса СС. Удар пришелся в стык между 13-м гв. стрелковым корпусом 2-й гв. армии и правым флангом 28-й армией. В хо-

де жестокого уличного боя немецким пехотинцам удалось занять Елизаветинский, оборонявшийся 347-й стрелковой дивизией 28-й армии. В немецких источниках указывается, что в результате наступления XXIX корпуса высота 168,5 была захвачена, однако документы 28-й армии утверждают обратное. По состоянию на 20.00 1 августа 347-я стрелковая дивизия занимала северо-западные, а 127-я стрелковая дивизия – западные скаты высоты 168,5 и перекресток дорог северо-западнее Репеховатой. Дивизии успешно отражали огнем артиллерии и стрелковых частей атаки противника как с юго-запада, так и с запада. За день 1 августа 347-я стрелковая дивизия потеряла 190 человек убитыми и 858 человек ранеными 127-я стрелковая дивизия – 21 человека убитыми и 59 человек ранеными. Части 28-й армии заявили об уничтожении за день восьми танков противника и двух самоходных орудий «Фердинанд» («мардеры» или «штурмгешюцы»). Вечером 1 августа командование 28-й армии согласно распоряжению штаба фронта направило в войска приказы на вывод частей и соединений армии на восточный берег Миуса. Вывод войск 28-й армии с плацдарма начался с наступлением темноты.

Планируя атаку на высоту 203,4, Штадлер правильно оценил ее как ключевую точку обороны советских войск на плацдарме. Отразив первые атаки XXIV танкового корпуса, части 24, 49 и 87-й гв. стрелковых дивизий вскоре отошли назад под нажимом 23-й танковой и 16-й панцергренадерской дивизий. Причиной был именно захват высоты 203,4. Она находилась фактически в тылу основной оборонительной линии 2-й гв. армии и обеспечивала корректировку огня артиллерии по позициям пехотинцев. Уже 14.30 командующий 2-й гв. армии приказывает 24-й гв. стрелковой дивизии отойти и занять оборону по балке Ольховчик, восточнее высоты 203,4. В 15.00 1-го августа Г.Ф.Захаров приказывает 13-му гв. стрелковому корпусу своей армии постепенно выходить из боя. 49-й гв. стрелковой дивизии предписывалось выйти на восточный берег р. Ольховчик, 86-я гв. стрелковая дивизия выводилась в резерв, а 87-я гв. стрелковая дивизия занимала оборону по восточному берегу Миуса. Также командование Южного фронта было принято тактически грамотное решение занять рубеж обороны по балке Ольховчик бригадами 4-го механизированного корпуса. Для этого 4-й гв. мехкорпус выводился из подчинения 28-й армии. Моторизованные части бригад лучше подходили для ведения арьергардных боев с отходом от рубежа к рубежу. Они должны были пропустить через себя отходившие стрелковые дивизии и прикрыть их отход маневром и контратаками.

Несмотря на титанические усилия ремонтных подразделений «Тотенкопфа» к началу атаки утром 1 августа были боеготовы 3 Pz.Kpfw.VI «Тигр», 11 Pz.Kpfw.IV, 5 Pz.Kpfw.III и шесть командирских танков. Также для атаки могли быть использованы 14 САУ «Штурмгешюц» и 16 САУ типа «Мардер». Последние также должны были поддерживать атаку пехоты, заменяя танки. Также в качестве танков

в атаке должны были участвовать броневые автомобили разведывательного дивизиона. Состояние пехоты «Тотенкопфа» было аналогичным. Некоторые роты насчитывали всего 8 – 10 человек. Десять дней «Цитадели» были серьезным испытанием, но Миус стал для дивизии настоящей кровавой баней. Полк «Тотенкопф» был таковым только по названию; по численности он был ближе к батальону. Остатки рот смешивались для создания штурмовых подразделений.

Однако по сравнению с предыдущими штурмами высоты 213,9 1 августа у атакующих было несомненное преимущество. Захват командных высот у балки Ольховчик позволил немцам корректировать огонь своей артиллерии по артиллерийским позициям советской артиллерии в тылу высоты 213,9. Удары артиллерии дополнялись налетами «Штук». Уменьшение интенсивности огня советской артиллерии сразу же повлияло на темпы продвижения гренадеров. Атака на высоту началась в 13.30, а уже в 14.30 «Тотенкопф» доносил командованию, что пройдена главная полоса обороны советских войск на западных склонах высоты. В 17.00 последовало донесение о захвате высоты «несмотря на сильный огонь артиллерии и противотанковых пушек».

Несмотря на потерю в течение дня 1 августа наиболее сильных позиций на плацдарме, ожидания Холлидта на хаос и беспорядочное бегство советских войск на восток не оправдались. Отходящие к Миусу части упорно удерживали промежуточные позиции и активно контратаковали продвигающегося вперед противника. Для контратак против захвативших высоту 213,9 частей «Тотенкопфа» была использована бригада 4-го гв. мехкорпуса. Потери 31-го гв. стрелкового корпуса в последних боях за Степановку и высоту 213,9 1 августа составили 209 человек убитыми и 475 человек ранеными.

Днем 1 августа активность ВВС Южного фронта еще больше снизилась в сравнении с предыдущими днями – было выполнено всего 342 самолето-вылета. Количество боеготовых самолетов 8-й воздушной армии неуклонно снижалось. Если 30 июля в наличии было 235 исправных самолетов (119 штурмовиков, 20 бомбардировщиков, 96 истребителей), то к 31 июля осталось 211 самолетов, а к 1 августа – 192 самолета. Для выполнения боевых задач 2 августа Южный фронт мог выставить 176 боеготовых самолетов (83 штурмовика, 11 бомбардировщиков и 82 истребителя). Это было почти вдвое меньше, чем в первый день операции (374 боеготовых самолета). Потери 8-й воздушной армии за день составили 18 самолетов (6 Як-1, 12 Ил-2). Один из сбитых Як-1 принадлежал летчице Лидии Владимировне Литвяк. Она не вернулась из четвертого за день боевого вылета. К тому моменту на счету Литвяк было 168 боевых вылетов, в 89 воздушных боях она сбила лично 11 и в составе группы 3 самолета противника, уничтожила аэростат-корректировщик. Поиски по горячим следам и сразу после войны результатов не дали, и длительное время летчица числилась пропавшей без вести. Обломки самолета Л. Литвяк были найдены только летом

41. Штурмовые орудия StuG 40 Ausf. G разворачиваются для атаки. «Миус-фронт», лето 1943 года (АСКМ).

1979 г. в районе хутора Кожевня, на восточном берегу Миуса.

Эвакуация плацдарма. Командование Южного фронта запланировало на 2 августа вывод войск с плацдарма, и это решение было санкционировано Ставкой. Части 31-го гв. стрелкового корпуса в 2.00 ночи 2 августа начали отход на исходные позиции под прикрытием арьергардов.

К утру 2 августа стрелковые дивизии 2-й гв. армии вышли на восточный берег Миуса. Только 13-я и 14-я механизированные бригады 4-го гв. механизированного корпуса еще вели арьергардные бои на плацдарме. К исходу дня все соединения армии Г.Ф.Захарова уже заняли позиции на восточном берегу Миуса, в районе Дубровки. В первом эшелоне были 2-й гв. механизированный корпус, а во втором – 1-й, 13-й гв. стрелковые корпуса и 4-й механизированный корпус. В 17.20 2 августа части «Тотенкопфа» заняли старые окопы пехоты 6-й армии на западном берегу Миуса.

После вывода из боя 2 августа 1943 г. соединения 1-го гв. стрелкового корпуса 2-й гв. армии насчитывали:

24-я гв. стрелковая дивизия – 3755 человек;

3-я гв. стрелковая дивизия – 2123 человека;

33-я гв. стрелковая дивизия – 2701 человека.

Дивизии сохранили большую часть орудий своих артполков.

Позиционное сражение на Миусе обернулось для войск Южного фронта тяжелыми потерями. Как написал в своих мемуарах начальник штаба фронта С.С. Бирюзов «Для войск Южного фронта июльская операция

была своего рода генеральной репетицией. Жаль только, что репетиция эта обошлась нам слишком дорого». 2-я гв. армия при численности к началу операции 72606 человек (с учетом приданного в последний момент 4-го гв. мехкорпуса) за десять дней боев с 17 по 27 июля 1943 г. потеряла 23770 человек убитыми, ранеными и пропавшими без вести. Наибольший «вклад» в эту цифру внес 13-й гв. стрелковый корпус, насчитывавший к началу операции 23996 человек. Соответственно 49-я гв. стрелковая дивизия потеряла 4172 человека, 87-я гв. стрелковая дивизия – 3473 человека, 3-я гв. стрелковая дивизия – 2402 человека. 2-й гв. механизированный корпус с 17 по 24 июля потерял 5343 человека из 13189 человек первоначальной численности. 4-й гв. механизированный корпус за четыре дня участия в боях потерял 4718 человек. 1-й гв. стрелковый корпус участвовал в боях только на завершающем этапе и потерял 2036 человек. Фактически в июльских боях была выбита треть личного состава армии. В отчете, написанном в штабе 2-й гв. армии по итогам боев, потери на Миусе сравниваются с потерями в ходе наступления зимы 1942 – 1943 гг. Тогда армия теряла в среднем в день 1200 – 1300 человек, а в июльских боях темпы потерь составили 2377 человека в день.

Успешнее всего прорывавший оборону в первые дни сражения и выдержавший основную тяжесть немецкого контрудара 30 июля – 1 августа 31-й гв. стрелковый корпус 5-й ударной армии также понес большие потери. В период с 17 июля по 8 августа потери корпу-

42. Колонна штурмовых орудий StuG 40 Ausf. G из состава панцергренадерской дивизии СС «Рейх» на марше. «Миус-фронт», июль 1943 года (фото из архива автора).

са составили 2446 человек убитыми и умершими на этапах санитарной эвакуации и 10347 человек ранеными и заболевшими.

Общие потери Южного фронта за операцию с 17 июля по 2 августа составили 61070 человек: 15303 человека составили безвозвратные потери, 45767 – санитарные. Соответственно приводимая в различных изданиях цифра в 17762 пленных, захваченных войсками 6-й армии в ходе боев на Миусе 17 июля – 2 августа 1943 г. представляется сильно завышенной.

Потери немцев в сражении также следует оценить как достаточно высокие. За все время боев 6-я армия потеряла 21369 человек: 3298 человек убитыми, 15817 ранеными и 2254 пропавшими без вести. Эти данные следует считать оценкой снизу. Согласно «десятидневкам» Wehrmacht Verlustwesen (подаваемым каждые 10 дней данным) с 10 по 20 июля 6-я армия потеряла 7378 человек, с 21 по 31 июля – 11295 человек, с 1 по 10 августа – 5050 человек, а всего за период 10 июля – 10 августа потери составили 23723 человека. Эта цифра включает убитых, раненых, пропавших без вести и не включает небоевые потери. Такой уровень потерь даже по меркам восточного фронта был весьма впечатляющим. В группе армий «Юг» летом 1943 г. рубеж потерь 11 тыс. человек за десятидневку был превышен только армейской группой «Кемпф» в период 10 – 20 августа (11359 человек) и 21 – 31 августа (12111 человек). Потери армии Холлидта в оборонительном сражении на Миусе были вполне сравнимы с потерями 4-й танковой армии Гота в наступлении на южном фланге Курской дуги в ходе операции «Цитадель».

Отход эсэсовских танков был замечен советской воздушной разведкой: в период 3 – 5

августа отмечалось движение танков и автоколонн по направлениям Снежное – Дебальцево и Чистяково, Макеевка на Краматорскую. В этих условиях командование Южного фронта попыталось вновь обрести оставленный плацдарм. С немецких позиций это выглядело так: «советским войскам удалось 4 – 5 августа осуществить местные прорывы в полосах 23-й танковой, 16-й мотопехотной и 294-й пехотной дивизий. Используя внезапность, некоторым Т-34 удалось достичь окраин Степановки. Эти танки, однако, действовали в составе небольших групп, и как только они оказывались отделены от поддержки своей пехоты, наши штурмовые и противотанковые орудия уничтожали их». Однако утверждения немецких источников о пополнении 2-го гв. механизированного корпуса 60 новыми танками не соответствует действительности. Последние выпадки производились сохранившимися после июльской операции танками. На 3 августа во 2-м гв. механизированном корпусе числилось 62 Т-34 и 36 Т-70 на ходу. 5 августа на ходу было 88 танков. К 6 августа число боеготовых танков корпуса упало до 43 единиц. Попытки восстановить положение после ухода эсэсовцев ослабленными боями соединениями довольно дорого обошлись. Потери Южного фронта с 1 по 10 августа составили 6249 человек убитыми, 18846 человек ранеными и 4258 человек пропавшими без вести. В связи с этим следует отметить, что ограничение рамок операции периодом с 17 июля по 2 августа 1943 г. несколько некорректно. 2 августа 1943 г. это только эвакуация плацдарма с западного берега Миуса. Целесообразнее включить во временные рамки первого легкого наступления на Миусе также попытки возобновить его после ухода эсэсовцев т.е.

считать начальной датой 17 июля, а конечной – 6 августа. В некоторых документах штаба немецкой 6-й армии именно 6 августа считается датой завершения первого оборонительного сражения.

Со стратегической точки зрения основным результатом июльского сражения на Миусе был отказ от развития «Цитадели». Согласно планам командования группы армий «Юг» 4-я танковая армия должна была двумя короткими ударами на север и запад окончательно разбить войска Воронежского фронта, расположенные южнее Псела. Армейская группа «Кемпф» должна была прикрыть эти атаки, действуя в восточном направлении. Одновременно «Кемпф» во взаимодействии с 4-й танковой армией, должен был уничтожить группировку советских войск, полуокруженную на стыке между обеими армиями. Манштейн впоследствии писал в «Утерянных победах»: «Екомандование группы вынуждено было прекратить сражение еще до его окончания, может быть перед самой победой, по крайней мере, на нашем фронте». Ему вторит бывший начальник штаба группы армий «Юг» Теодор Бюссе: «14 июля группа армий «Юг» имела полный успех на всем протяжении фронта, казалось, что наступательная мощь врага сломлена. Были сделаны необходимые условия для очистки южного берега Псела на рубеже Прохоровка, район севернее Пены. Были изданы соответствующие приказы для этих действий, когда обстановка в полосе группы армий «Центр» и в нашей собственной группе армий – в полосе 6-й армии и 1-й танковой армии – вынудила отказаться от продолжения наступления».

43. Экипаж танка Pz.VI «Tiger» из состава роты тяжелых танков панцергренадерской дивизии СС «Рейх» после боя. Машина имеет бортовой номер S02, на башне виден белый чертик – эмблема роты тяжелых танков дивизии. «Миус-фронт», Июль 1943 года (АСКМ).

Важным фактором развития событий также стали высокие потери соединений II танкового корпуса СС. Выбивание личного состава и техники элитных панцергренадерских дивизий СС было куда более чувствительной потерей нежели такие же потери линейных пехотных корпусов. Дивизия «Тотенкопф» потеряла в течение четырех дней боев на Миусе 1458 человек (219 убитых, 1193 человек ранеными и 46 человек пропавших без вести). Общие потери дивизии за июль составили 2120 человек убитыми, ранеными и пропавшими без вести. Как мы видим, потери на Миусе существенно превосходят потери на Курской дуге. Оказались серьезно потрепаны и другие панцергренадерские и танковые дивизии, участвовавшие в боях на Миусе. Вследствие понесенных подвижными соединениями потерь командование группы армий «Юг» в значительной степени утратило ударные возможности.

Утрата ударных возможностей танковых корпусов означала потерю стратегической инициативы, то есть немцы не могли продолжить кампанию 1943 г. наступательными операциями. Потеря инициативы (которая автоматически перешла к противнику) вскоре привела к возникновению кризисов на разных участках фронта. Для парирования кризисов опять же нужны были боеспособные танковые соединения, понесшие потери под Курском и на Миусе. Все это вскоре это привело группу армий «Юг» к быстрому откату к Днепру. В свою очередь 6-я армия Холлидта, отбив при помощи резервов группы армий «Юг» июльский удар Южного фронта уже не могла повторить своего успеха в ближайшей перспективе.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ПРОРЫВ

По окончании последних боев за плацдарм, 6 августа 1943 г. командующий 6-й армией генерал пехоты Холлидт направил подчиненным ему войскам приветственный приказ:

«Главное сейчас, солдаты 6-й армии, сохранять то, что было отвоевано, и надежно защищать это, когда враг нападет снова. Я знаю, что вы удержите фронт Миус – Донец и защитите Донецкий промышленный район, который чрезвычайно важен для нашей военной экономики.

Да здравствует победа!»

Карл Холлидт также писал о результатах оборонительного сражения: «Только танков было выведено из действия 585, часть из них – в ближнем бою». Однако безвозвратно были потеряны далеко не все советские танки, участвовавшие в июльском наступлении и отражении немецкого контрудара в конце июля и в первые три дня августа. Характерной особенностью позиционных сражений было безжалостное перемалывание людей, но одновременно наступающий контролировал поле боя и мог эвакуировать подбитые танки. Если под Курском наступающие немцы при отходе на исходные позиции педантично взорвали все подбитые танки противника, то на Миусе наступали советские войска и подбитые танки благополучно эвакуировались. Кроме того, в отличие от лета 1941 г. или даже лета 1942 г. подбитые танки не бросали: линия фронта

44. Чистка ствола танка Т-34-76 после боев. Южный фронт, лето 1943 года. Машина имеет экранировку лобового листа корпуса (АСКМ).

практически не изменялась. Одновременно обошлось без окружений хотя бы масштаба соединений. Поэтому даже при тяжелых потерях стрелковых полков сохранялась артиллерия соединений. Сохранившаяся артиллерия и восстановленные танки должны были проложить путь поредевшим ротам гвардейских дивизий через потрепанную оборону противника. Поэтому слова Холлидта об удержании фронта звучали крайне несубедительно.

Уже 5 августа командование Южного фронта приступило к подготовке новой наступательной операции. Цель наступления была сформулирована в директиве Ставки ВГК №30160 от 6 августа 1943 г. за подписями И.В.Сталина и А.И.Антонова: «Основная задача Южного фронта нанести главный удар в общем направлении Куйбышево – Сталино, где сомкнуться с ударной группой Юго-Западного фронта». Смысл операции очевиден: используя нависающее положение правого крыла Юго-Западного фронта ударом по сходящимся направлениям окружить и уничтожить обороняющую Донбасс группировку противника.

В работе над планом наступления принял участие представитель Ставки ВГК А.М.Василевский. Впоследствии он писал в мемуарах: «В связи с тем, что мне казалось более целесообразным сосредоточить основное внимание в подготовительный к операции период на помощи командованию Южного фронта, я поручил Р.Я.Малиновскому взять всецело на себя работу по подготовке Юго-Западного

фронта, а сам отправился на Южный фронт и в ночь на 9 августа был на фронтовом КП Ф. И. Толбухина, расположившемся в селении Грибоваха, неподалеку от города Шахты».

Замысел очередной попытки взломать «Миус-фронт» к тому моменту уже сложился. Точнее был готов в общих чертах план Донбасской операции Юго-Западного и Южного фронтов. Уже 8 августа А.М.Василевский направил на утверждение Верховному главнокомандующему документ, в котором были описаны направления ударов двух фронтов и наряд сил для решения задач операции. Относительно задач армий Ф.И. Толбухина в докладе было сказано следующее:

«II. Южный фронт:

Для участия в ударе фронта привлечь 5 ударную, 2 гв. и 28-ю армии, 2-й и 4-й гв. мехкорпуса, 4 [гв.] кк, всю артиллерию, входящую в состав ударной группировки, и всю авиацию фронта. Авиакорпус дальнего действия по моему заданию будет использован в интересах обоих фронтов в зависимости от обстановки.

1. Для усиления армий ударной группировки с оборонительных участков фронта использовать: для 5-й ударной армии – 3 гв. ск 51-й армии в составе 50 и 54 гв. сд; взамен этого оборону ворошиловградского направления усилить передачей 51-й армии 315 сд из армии Цветаева (уже на месте) и управления УР и двух УРОВских батальонов из-под Ростова; для усиления 28-й армии из 44-й армии взять 248 сд (полная), передав взамен 44-й армии слабенькую 221 сд (уже на месте) и один

УРОВский батальон из-под Ростова. В этом случае в районе Ростова остаются два управления УР в составе восьми батальонов; 2-ю гв. армию до начала операции, используя ее пребывание в резерве фронта, пополнить, доведя дивизии до шести с половиной – семитысячного состава.

3. Удар нанести с фронта Дмитриевка, Русское, через Донецко-Амвросиевку, Старо-Бешево, в обход Сталино с юга навстречу удару ЮЗФ.

Главный удар (прорыв) осуществить на участке к северу от Кубышево в полосе 10 – 12 км, обеспечив здесь плотность не менее 120 стволов на километр прорыва.

2-й и 4-й гв. мехкорпуса ввести в первый день операции при выходе пехоты на линию Степановка, Калиновка с задачей иметь их в районе Стан, Караванная (юж). Сталино), Старо-Бешево не позднее утра седьмого дня операции.

С выходом наступающих армий на р. Крынка ввести 4 [гв.] кк с задачей – действуя в юго-западном направлении, к утру седьмого дня операции выйти в район Стар[ан] Игнатьева, Телеманово, откуда во взаимодействии с 1 гв. кк ЮЗФ отрезать пути отхода противнику на запад и обеспечить ход операции с юго-запада.

4. Учитывая слабый состав сил Южного фронта, операцию здесь начать через двое суток после начала операции ЮЗФ, т. е. с утра 16 августа, хотя фронт может быть готов к действиям к вечеру 13 августа.

45. Экипаж штурмового орудия StuG 40 в перерывах между боями. Лето 1943 года (АСКМ).

46. Американский бронетранспортер М3А1 «Скаут» буксирует 122-мм гаубицу М-30. Таганрогское направление, начало сентября 1943 года (АСКМ).

густовской операции ему подчинялись 50-я и 54-я гвардейские стрелковые дивизии из сковывающей группировки июльского наступления и 96-я гвардейская стрелковая дивизия из прежнего состава 5-й ударной армии. Две переброшенные из 51-й армии дивизии насчитывали 6364 и 6810 человек соответственно, 96-я гв. стрелковая дивизия насчитывала 5306 человек. На десятикилометровом фронте прорыва в первом эшелоне находились четыре стрелковые дивизии и во втором – две. Из общего количества имевшихся в армии орудий и миномётов на направлении главного удара было выделено 440 орудий и 400 миномётов, что составляло в среднем 84

тивными действиями на своём левом фланге содействовать наступлению ударной группировки армии. На этом направлении плотность артиллерии не превышала 15 орудий и миномётов на 1 км фронта.

2-я гвардейская армия объединяла шесть стрелковых дивизий, механизированный корпус, одну танковую и одну инженерную бригаду и части усиления. Она занимала фронт шириной 9 км южнее Куйбышево силами 1-го и 13-го гвардейских стрелковых корпусов. 1-й гвардейский стрелковый корпус, наступая в полосе шириной 4 км на правом фланге, имел 24-ю гв. стрелковую дивизию в первом эшелоне и 33-ю и 86-ю гв. стрелко-

единицы на 1 км фронта. Дивизиям первого эшелона были приданы 7-й и 60-й отдельные гвардейские танковые полки прорыва. С выходом пехоты 5-й ударной армии на рубеж Семёновский, Ново-Александровский, т. е. в первый день операции, в прорыв вводился 4-й гв. механизированный корпус.

На левом фланге 5-й ударной армии 387-я стрелковая дивизия из района Куйбышево наносила вспомогательный удар на Ольховский, кол. Бишлеровка, содействуя правому флангу 2-й гвардейской армии. Численность 387-й стрелковой дивизии составляла всего 4004 человека. Пассивный участок полосы 5-й ударной армии сохранялся прежним: 126-я стрелковая дивизия должна была прочно удерживать рубеж Верх. Нагольчик, Дмитриевка и ак-

вые дивизии — во втором. Дивизии второго эшелона располагались в районе Мартыновка, Писаревский. Левофланговый 13-й гвардейский стрелковый корпус в первой линии, на фронте 5 км имел 13-ю и 49-ю гвардейские стрелковые дивизии и во втором эшелоне, южнее Писаревский – 87-ю гв. стрелковую дивизию. Из наличных артиллерийских средств армия имела возможность создать на направлении главного удара плотность до 200 орудий и миномётов на 1 км фронта.

Прорвав фронт и уничтожив противостоящего противника, 2-я гв. армия должна была развивать наступление в общем направлении на запад. К началу наступления она имела в своем составе 261 танк (229 в строю и 32 в ремонте), 537 орудий и 266 миномётов. По-

ловина танков входила в состав 2-го гв. механизированного корпуса – 118 в строю и 23 в ремонте. 2-я гв. армия получила пережившую июльские бои в резерве 140-ю танковую бригаду. Также в подчинении 2-й гв. армии был 1543-й тяжелый самоходный артполк на СУ-152, вновь приданный 2-му гв. мехкорпусу. По плану операции 2-й гвардейский механизированный корпус вводился в прорыв после того, как пехота овладевала рубежом Колпаковка, Успенская. Задачей корпуса было развитие успеха в западном направлении и обеспечение выхода армии на рубеж р. Кальмиус.

28-я армия в составе пяти стрелковых дивизий и одной танковой бригады занимала рубеж в районе Петрополье на фронте шириной всего 2,5 км. Войска армии насчитывали 146 орудий и 281 миномёт. Она должна была наступать с задачей: прорвать фронт обороны противника в районе Петрополье и во взаимодействии со 2-й гвардейской армией с последующим разворотом влево «смотреть» боевые порядки противника южнее Александровка.

Если в июле неповторимое своеобразие операции Южного фронта создавала 2-я гв. армия, то в августе это место досталось 28-й армии. При прорыве обороны на фронте шириной в 2,5 км боевой порядок армии был построен в три эшелона. В первом эшелоне прорыв совершала одна 248-я стрелковая дивизия, усиленная миномётным полком и ротой танков. Эта дивизия не участвовала в июльской операции, находясь в подчинении 44-й армии на пассивном участке фронта. Второй эшелон составлял 37-й стрелковый корпус (118-я и 347-я стрелковые дивизии). До вы-

47. Танкисты подразделения гвардии старшего лейтенанта Свекольников в наступлении за рекой Миус. Август 1943 года. На башне Т-34-76 видна надпись «За Сталина!» (АСКМ).

полнения 248-й стрелковой дивизией своей ближайшей задачи – овладение Петрополье, Подгорный – корпус должен был оставаться в районе Ново-Ясиновский, Ново-Марьевка. С овладением 248-й стрелковой дивизией указанными выше пунктами корпус, включив её в свой состав, должен был одной из своих дивизий развивать достигнутый ею успех. Малочисленные 127-я и 271-я стрелковые дивизии составляли третий эшелон армии и из района Николаевский, Николай-Поле должны были следовать за вторым эшелоном армии. В целях максимального использования артиллерийских средств при весьма своеобразном построении в начале операции было предусмотрено часть артиллерии 28-й армии привлечь для участия в артиллерийской подготовке на участке 2-й гв. армии. Танковые войска были представлены 33-й гв. танковой бригадой, которая оставалась в резерве командующего 28-й армией в районе Полнев. Одна танковая рота этой бригады была придана 248-й стрелковой дивизии.

44-я армия в составе двух стрелковых дивизий и одного укрепленного района при 239 миномётах и 256 орудиях обороняла на приморском фланге рубеж Ясиновский, Приморка шириной 64 км.

Подвижный резерв фронта составлял 4-й гвардейский механизированный корпус, сосредоточенный в районе Тащино, Орехово, Каршино. Также в резерве было три стрелковых дивизии: 416-я стрелковая дивизия, расположенная в районе Дмитриско, Ново-Славовка, Широкий; 99-я стрелковая дивизия – в районе Дубровский, Дубровка и 151-я стрелковая дивизия – в районе Нов. Надежда, Волна

Революции. Кроме этого, к 5 часам 20 августа должен был сосредоточиться в районе Октябрьский, Миллерово 4-й гвардейский кавалерийский корпус.

Поддержку наступления с воздуха в ходе операции должна была обеспечивать авиация 8-й воздушной армии. В ее к этому времени входили 270-я бомбардировочная дивизия, 1-я штурмовая, 6-я истребительная, 2-я ночная бомбардировочная гвардейские дивизии. 10-й смешанный авиакорпус был переформирован в 7-й штурмовой авиакорпус (206-я, 289-я штурмовые и 236-я истребительная авиадивизии). С Кубани прибыла 9-я гвардейская истребительная авиадивизия полковника И.М. Дзусова. Это было не только количественное, но и качественное усиление ВВС Южного фронта: в авиадивизии воевали известные советские асы-истребители: А.И. Покрышкин, Г.А. Речкалов, А.Ф. Клубов, Д.Б. Глинка и другие. В сентябре в состав 8-й воздушной армии был включен 3-й истребительный корпус под командованием генерал-майора авиации Е.Я. Савицкого. Всего в составе 8-й воздушной армии к началу боев насчитывалось 244 штурмовика, 248 истребителей, 100 дневных и 75 ночных бомбардировщиков. В ночь перед наступлением ночные бомбардировщики должны были непрерывно воздействовать на обороняющиеся войска противника с целью подавления системы огня и изнурения живой силы, в особенности на переднем крае. Перед переходом пехоты в атаку предусматривался двадцатиминутный массированный налет штурмовой авиации на подавление и разрушение опорных пунктов противника на высотах непосредственно за передним краем. С началом боевых действий наземных войск авиация должна была непрерывными эшелонированными налетами подавлять артиллерию и минометные батареи противника в ближайшей глубине. По плану в первый день операции 1-я гв. штурмовая авиадивизия должна была поддерживать войска 5-й ударной армии, а 7-й штурмовой авиакорпус – 2-ю гв. армию. Хорошо видно, что основные усилия артиллерии и авиации сосредотачивались в полосе 2-й гв. армии: ей придавался целый авиакорпус. Далее, на второй и третий день операции, 1-я гв. штурмовая авиадивизия должна была переключиться на поддержку 4-го гв. механизированного корпуса. Соответственно 7-й штурмовой авиакорпус нацеливался на поддержку 2-го гв. механизированного корпуса.

Новым средством борьбы за воздушное пространство в руках командования Южного фронта стала радиолокационная станция РУС-2 «Редут», установленная в районе Первомайского. Производство РУС-2 началось еще в 1940 г., но первые РЛС были задействованы в ПВО крупных городов. В воздушные армии РЛС стали поступать только во второй половине 1943 г. РУС-2 обеспечивала дальность обнаружения самолетов на расстоянии 100 – 120 км. При расположении станции «Редута» в 10 – 15 км от линии фронта воздушный противник обнаруживался за 12 – 15 мин до его подхода к полю боя, что вполне обеспечивало своевременный перехват самолетов противника нашими истребителями.

Хорошо видно, что для августовского наступления ударная группировка Южного фронта была собрана за счет решительного сосредоточения имеющихся сил, без привлечения резервов Ставки. Были лишь несколько пополнены потрепанные в июле дивизии. Но пополнение в количестве 3312 унтер-офицеров и рядовых получила в период 7 – 17 августа также немецкая 6-я армия. Из дополнительно привлеченных к операции Южного фронта соединений можно назвать только 4-й гв. кавалерийский корпус. Но он находился в подчинении Южного фронта уже несколько месяцев и лишь ждал своего часа. Все остальное есть плод концентрации внутренних резервов. Перед участком предполагаемого прорыва (от Дмитриевки до Петрополя) были сосредоточены 22 стрелковые дивизии из 28 имевшихся в составе фронта. На направление прорыва были привлечены все подвижные части, а также основная часть артиллерийских и минометных средств. На пассивных участках фронта протяжением свыше 130 км было оставлено лишь шесть стрелковых дивизий и три полеских укрепленных района. Левофланговая 44-я армия занимала 64 км фронта всего лишь двумя стрелковыми дивизиями.

С точки зрения подготовки операции в материальном отношении показательна динамика наличия техники во 2-м гв. механизированном корпусе. На 6 августа насчитывалось 43 танка боеготовыми и 60 танков в ремонте. Исправных бронемашин на ту же дату было 33 штуки, неисправных – 12 штук. На 10 августа боеготовых танков уже 63, а в ремонте – 41. К 13 августа число боеготовых танков было доведено до 82, а число находящихся в ремонте до 15 машин. За последующие сутки 16 танков с экипажами, в том числе 6 танков Т-34 со Сталинградской рембазы. К вечеру 15 августа со Сталинградской рембазы прибыли еще 22 танка Т-34. Это довели число боеготовых танков до 113 единиц при 26 танках, числящихся в ремонте. Судя по всему, не все прибывшие танки были готовы к немедленному использованию. Наконец на 24.00 18 августа 1943 г. в корпусе насчитывалось 85 танков Т-34 боеготовыми и 17 в ремонте, 36 танков Т-70 боеготовыми и 3 в ремонте. Боеготовых СУ-152 было 6 машин. Боеготовых бронемашин была 31 штука, в ремонте – 13 штук. Таким образом, большая часть боевых машин, с которыми 2-й гв. механизированный корпус пошел в бой, сохранилась с июльских боев или была отремонтирована в период затишья. Разумеется, интенсивная работа ремонтных служб имела место и по другую сторону фронта. Если на 24 июля в 243-м батальоне штурмовых орудий было только 17 боеготовых САУ «Штурмгеишюц», то уже 10 августа их было 24 и еще 5 машин было в краткосрочном ремонте (до двух недель).

Небезынтересно также посмотреть на состав парка автомашин 2-го гв. механизированного корпуса. По данным на 8 августа наиболее многочисленными были «полторки» ГАЗ-АА – 589 машин (427 исправных). Грузовиков ЗИС-5 было 120 (94 исправных), ЗИС-5 специальных – 9(8), «Додж» – 30(20), «Форд» – 98 (88), «Студебеккер» – 26(25), трофейных

грузовиков – 2(2), «Шевроле» специальных – 8(4), бензоцистерн – 68(64). Помимо этих машин в корпусе было 38 переоборудованных под узкие задачи автомашин: штабных, санитарных, передвижных зарядных станций, радиий и ремонтных летучек. Отечественных мотоциклов М-72 было 55 (54 исправных), импортных мотоциклов – 16 (11 исправных). Тракторов СТЗ-НАТИ был всего один, а трофейных тягачей – три. Как мы видим, полученная по ленд-лизу техника составляла меньшую часть не только транспортного парка, но и мотоциклов 2-го гв. механизированного корпуса.

Новые части стали прибывать на Южный фронт когда наступление уже началось. Шифровкой из Москвы 18 августа командование фронта было предупреждено, что для 4-го гв. кавкорпуса прибывает 134-й танковый полк в составе 12 танков М4А2 «Шерман» и 27 М3 «Стюарт», а также полк самоходной артиллерии в составе 21 СУ-76. В подчинение фронта, без привязки к конкретному соединению, прибывали 510, 511, 512 и 516-й батальоны огнеметных танков в составе 18 огнеметных ТО-34 и 3 радиийных Т-34 каждый. Учитывая, что 18 августа полки огнеметных танков только начали погрузку в эшелоны, к прорыву немецкой обороны на Миусе они безнадежно опоздали. Кроме того, Южный фронт получил 1816-й и 1888-й полки самоходной артиллерии по 21 СУ-76 каждый. Менялся как облик германской армии, получавшей все больше «штурмгешюцев» и самоходных лафетов, так и Красной армии, постепенно насыщавшейся самоходными установками СУ-152 и СУ-76. Последние могли быть с некоторой натяжкой классифицированы как самоходные лафеты для пушек ЗИС-3. СУ-76 вскоре стали такой же «визитной карточкой» Красной Армии как пехотинцы в плащ-палат-

ках и с ППШ в руках, запечатленные в мраморе и граните памятников.

5-я ударная армия начала готовиться к операции с 11 августа и имела в своём распоряжении на подготовку семь суток. Это время было использовано для изучения системы обороны противника и уточнения начертания переднего края путём разведки боем, а также организации наблюдения с широко развёрнутой сетью наблюдательных пунктов. В худшем положении относительно возможностей изучения противника находилась 2-я гв. армия. С вечера 15 августа войска армии Г.Ф.Захарова только начали выход в свою полосу наступления, занимаемую до этого частями 28-й армии. В течение 16 и 17 августа проходил приём боевых участков и смена частей.

Советские приготовления были замечены немцами за пять дней до начала операции. 12 августа немецкая разведка отметила необычную активность на аэродромах, а 13 августа – первые усиленные передвижения перед стыком XXIX и XVII армейских корпусов. Так же как в июле, летная погода прерывала работу немецкой воздушной разведки. Лишь 16 августа было обнаружено усиленное передвижение в районе Куйбышево – Ясиновский. В целом определенных данных, указывающих на скорое наступление, выявлено не было. В первую очередь это было связано с незначительным объемом перемещений войск. Никаких маршей десятков тысяч человек (2-й гвардейской армии), как это было перед июльской операцией, уже не требовалось. Наступление опиралось на те же войска, которые наступали месяцем ранее. Как написал немецкий штабист «Это было молодое вино из старых кожаных мехов». В целом можно сказать, что определенных данных о советском наступлении немецкой разведкой получено не было. Поэтому изрядно потрепанная 294-я пехотная

48, 49. Тяжелые самоходные орудия СУ-152 (на шасси танка KB-1с) подбитые и захваченные в ходе боев на реке Миус. Август 1943 года (АСКМ).

дивизия не была смещена на занимаемых позициях кем-либо из соседей. Более того, когда 16 августа начали наступление войска левого крыла Юго-Западного фронта, из 6-й армии были изъяты и отданы 1-й танковой армии 16-я панцергренадерская и 23-я танковая дивизии. Штаб Холлидта пребывал в уверенности, что на фронте подчиненных ему войск будут только сковывающие удары незначительных масштабов.

Наступление началось 18 августа после 80-минутной артиллерийской и авиационной подготовки в 7.15 части 5-й ударной, 2-й гвардейской и 28-й армий Южного фронта перешли в наступление. В полосе советского наступления оборонялись части 336, 294 пехотных дивизий и правого фланга 306-й пехотной дивизии.

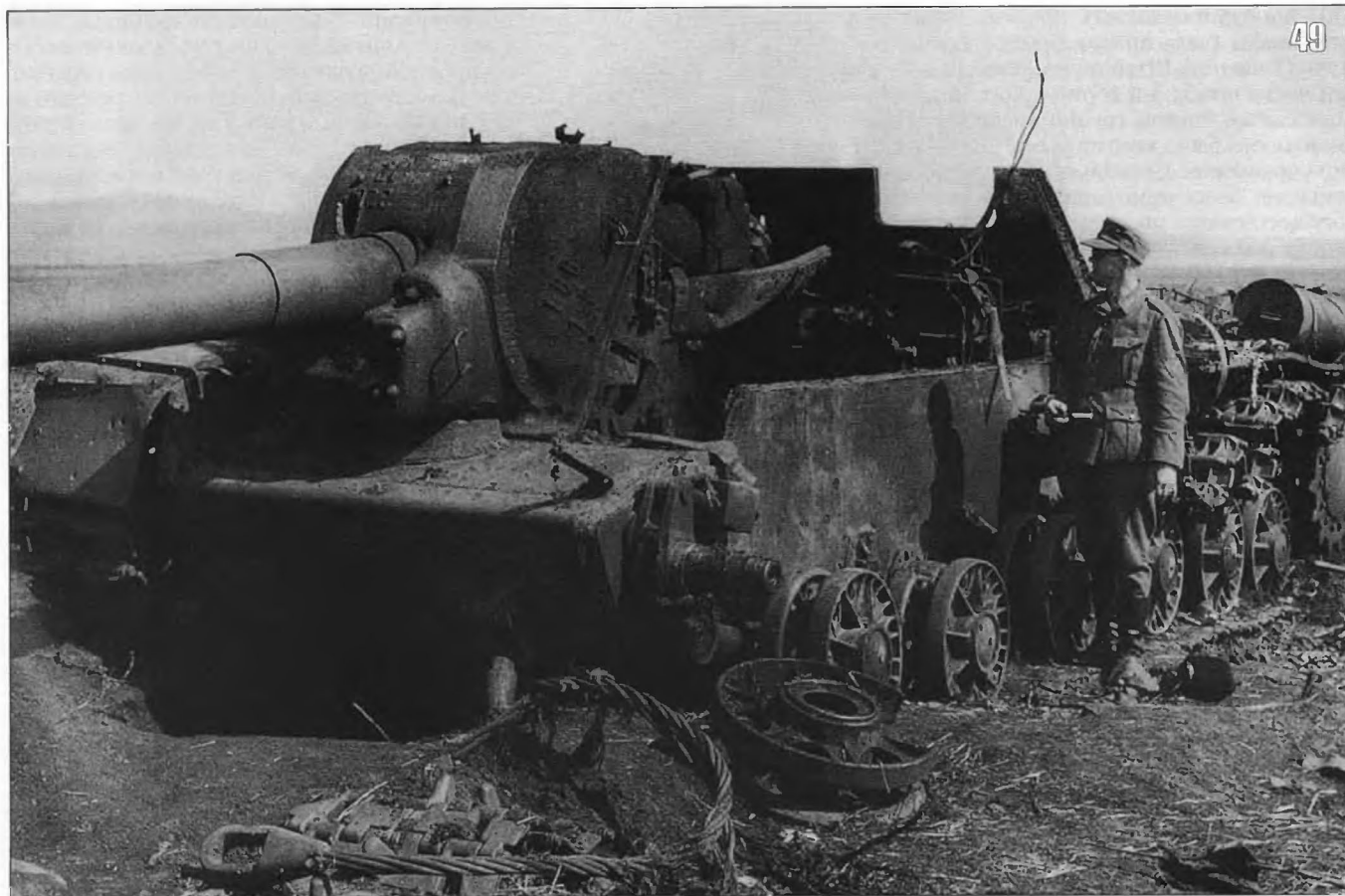
В полосе 5-й ударной армии наступление развивалось успешно. Удачно проведенная артиллерийская подготовка подавила и нарушила систему огня противника на переднем крае и в глубине. Сопротивление немцев было сломлено, и за первый день наступления войска армии, прорвав фронт обороны противника шириной 16 км на участке Дмитриевка, Куйбышево, продвинулись на глубину до 8 км и вышли на рубеж Дмитриевка, Мариновка, Калиновка, р. Ольховчик. Оборона 294-й пехотной дивизии была полностью снята. Можно даже сказать, что 614-й пехотный полк и 294-я пехотная дивизия прекратила свое существование.

В 23.00 с рубежа Калиновка, Елизаветинский в прорыв был введен 4-й гвардейский

механизированный корпус с задачей овладеть районом Колпаковка и не допустить занятия противником рубежа реки Крынка. Не встречая серьезного сопротивления, корпус к утру 19 августа выполнил свою задачу: вышел в район Артёмовка, Надёжный, Колпаковка и закрепился на нём.

В полосе 2-й гвардейской армии наступление развивалось менее успешно. Артиллерийская подготовка атаки существенных результатов не дала. Недостаточно изученная в подготовительный период система обороны противника подавлена не была. Армия в первый день наступления, ведя ожесточённые бои с противником, прочно удерживавшим командные высоты восточнее Ново-Бахмутский, кол. Густафельд, продвинулась на 1 – 2 км, незначительно вклинившись в передний край главной оборонительной полосы противника. Меньше пострадавшая в июльских боях 336-я пехотная дивизия XXIX армейского корпуса удержала первый удар на позициях между Петрополье и Берестово. 28-я армия, успех которой главным образом зависел от действий правого соседа, оставалась к исходу первого дня на прежнем рубеже, так как была не в состоянии преодолеть организованную оборону противника одной стрелковой дивизией первого эшелона.

В первый день операции 8-я воздушная армия выполнила 919 самолето-вылетов, причем более 50 % из них – на атаку войск противника на поле боя. Следует отметить, что широко использовалось перенацеливание штурмовиков, уже находящихся в воздухе авиацион-

ными представителями на командных пунктах наземных войск. Противодействие противника было достаточно слабым – за день было отмечено лишь 350 самолето-пролетов. Собственные потери составили 12 самолетов (3 истребителя, 8 штурмовиков и 1 дневной бомбардировщик).

Как только определилось направление главного удара советских войск, командование 6-й армии начало ведение оборонительного сражения согласно принятым в немецкой армии принципам. Подвижных соединений на тот момент в распоряжении Холлидта не было: 18 августа ему была только обещана 13-я танковая дивизия из Крыма. Точно так же как в июле начался сбор пехотных боевых групп. Буквально неделю назад вернувшаяся на позиции у Таганрога боевая группа Рекнагеля была вновь вызвана в район Калиновки. В группу Рекнагеля вошли 70-й гренадерский полк 111-й пехотной дивизии, 55-й гренадерский полк 17-й пехотной дивизии и пять батальонов «россыпью» из состава 17, 111-й пехотных дивизий и 15-й авиаполевой дивизии. Рекнагелю была также придана почти вся артиллерия 111-й пехотной дивизии. Против северного фланга советского вклинения началось сосредоточение группы Пикера из соединений IV армейского корпуса. Приказ Холлидта на сбор и отправку боевой группы поступил в 18.15 берлинского времени 18 августа. Местом сосредоточения был назначен район в 20 км северо-западнее Куйбышев. Ядром группы Пикера стал полк 3-й горно-егерской дивизии, усиленный артиллерией собственно 3-й горно-егерской дивизии и артиллерией 304-й и 335-й пехотных дивизий. Также группе Пикера была придана рота «штурмгешюцев» (5 машин). Штаб группы Пикера составили части штаба 3-й горно-егерской дивизии. Тем самым боевой группе масштаба усиленного полка было дано на уровень большее звено управления. Поскольку 3-я горно-егерская дивизия была немоторизована, переброска осуществлялась по железной дороге. Первый поезд должен был отправиться из Ворошиловска в 20.00 18 августа. Опираясь на опыт июльских боев, Холлидт также собрал артиллерию армейского подчинения на западных скатах высоты 277,9 (курган Саур-Могильский). Это были 10-см пушки К-18 из пушечного дивизиона II/52.

К вечеру 19 августа 5-я ударная армия овладела плацдармом на западном берегу р. Миус, глубиной до 22 км. Более того, был захвачен плацдарм на р. Крынка и были заняты Криничка и Артемовка. Здесь наступающим советским частым противостояли только строители тыловой «позиции Висла». Передовые части 5-й ударной армии оказались в непосредственной близости от основной линии снабжения XXIX армейского корпуса – железной дороги Сталино – Амвросиевка – Успенское. Однако это был еще не прорыв, а укол на большую глубину. Наступление войск 5-й ударной армии производилось на очень узком участке фронта, достигавшем по ширине только 8 км. Это было вызвано тем, что 2-я гвардейская армия, встретившая упорное сопротивление немцев, на второй день операции смогла продвинуться лишь на

правом фланге, овладев опорным пунктом Ново-Бахмутский и высотами восточнее колхоза Густафельд. Потери 2-го гв. механизированного корпуса 2-й гв. армии за два дня боев были незначительными: к 24.00 число боеготовых танков Т-34 просело до 79 при 26 Т-34 в ремонте, боеготовых Т-70 было 34 единицы при 4 в ремонте. На второй день наступления некоторый успех обозначился на участке 28-й армии, овладевшей сильным опорным пунктом противника Петрополье.

За день 19 августа авиация 8-й воздушной армии 273 самолетами (125 штурмовиками, 121 истребителем, 27 бомбардировщиками) выполнила 587 самолето-вылетов. Особенностью действий советской авиации на второй день операции стала борьба за воздух силами истребителей. Количество боевых вылетов штурмовиков и дневных бомбардировщиков сократилось до 223 и 31 соответственно, а из 333 самолето-вылетов истребителей только 82 было потрачено на сопровождение своих ударных самолетов. Остальные выполнялись с целью выбить авиацию противника. Собственные потери 8-й воздушной армии за 19 августа составили 14 самолетов (6 истребителей и 8 штурмовиков). Потери войск Южного фронта за 19 августа составили 1041 человек убитыми, 4299 ранеными и 4 пропавшими без вести.

Прекрасно осознавая трудности противника с развитием узкого вклинения в прорыв, командование 6-й армии построило ведение оборонительной операции на контрударах. Группы Рекнагеля и Пикера должны были нанести удары в основание вбитого в немецкую оборону клина по сходящимся направлениям. Одновременно немецким командованием были предприняты меры к тому, чтобы перебросить к месту прорыва оперативные резервы из состава 17-й армии в Крыму и других участков фронта. В переброске находились 13-я танковая дивизия из Крыма, 9-я танковая и 258-я пехотная дивизии из группы армий «Центр».

В свою очередь командование Южного фронта сосредоточилось на расширении прорыва. В ночь на 20 августа 2-й гв. механизированный корпус сосредоточился в районе Елизаветинский с задачей нанести удар на юго-запад в направлении на Успенскую и тем самым обеспечить продвижение пехоты 2-й гв. армии, а также усилить подвижную группу фронта для выполнения поставленной задачи – выход на р. Кальмиус. Совместно со 2-м гв. механизированным корпусом действовали части 3-го гвардейского стрелкового корпуса 5-й ударной армии. С воздуха атаки на Успенскую поддерживались 7-й штурмовой авиадивизией.

В первой половине дня 20 августа войска ударной группировки, продолжая наступление, продвинулись на стыке 5-й ударной и 2-й гвардейской армий на 2 – 4 км и овладели опорными пунктами Ново-Александровский и колхозом Бишлеровка. Это продвижение вперед дорого стоило 2-му гв. механизированному корпусу. К концу дня в строю оставалось только 29 Т-34, 24 Т-70 и 4 СУ-152. Фактически корпус утратил свои ударные возможности.

Сосредоточение группы Пикера против северного фланга 5-й ударной армии завер-

шилось в полдень 20 августа. Немецкий контрудар начался в 14.00 берлинского времени. Наступление было хорошо поддержано артиллерией XXIX армейского корпуса с юга (это было возможно вследствие узости фронта вклинения). Уже в первом порыве был взят Семеновский. Навстречу 3-й горно-егерской дивизии наступали на Алексеевку части 111-й пехотной дивизии. К исходу дня противнику удалось сузить основание прорыва до 3 км. Однако полностью срезать вбитый в их оборону клин немцам не удалось. Вместе с тем, 5-я ударная армия оказалась перед лицом опасности повторить судьбу 2-й ударной армии.

Помимо серьезного кризиса на земле, 20 августа стало критическим моментом в сражении в воздухе. В этот день 8-я воздушная армия, имея боеготовыми всего 286 самолетов (128 штурмовиков, 116 истребителей и 42 бомбардировщика) произвела 738 самолетовылетов. Для сравнения: 17 июля 374 самолетами было произведено 770 самолетовыле-

тов. Таким образом, высокая активность советских ВВС была достигнута за счет увеличения числа вылетов в день на одну машину. В воздухе было настолько тесно, что советские штурмовики даже атаковали бомбардировщики противника. На высоте 1800 м 11 Ил-2 655-го штурмового авиаполка под прикрытием истребителей столкнулись с крупной группой Ю-87, атаковали немецкие бомбардировщики и вынудили отказаться от выполнения задачи. Штурмовики заявили о шести сбитых «юнкерсах». Решительная борьба за воздух стоила авиации Южного фронта потерь за день 20 августа 28 самолетов (14 истребителей, 11 штурмовиков и 3 бомбардировщика). Со стороны противника было отмечено 660 самолето-пролетов.

Командование Южного фронта ответило на удары по флангам симметрично – собственными контрударами по флангам наступающих группировок противника. 5-я ударная армия двумя стрелковыми дивизиями и одной танковой бригадой с утра 21 августа на-

50. Трофейное тяжелое самоходное орудие СУ-152 во время испытаний на полигоне в Куммерсдорфе. Сентябрь 1943 года. Машина была захвачена немцами в ходе боев на «Миус-фронте» в августе 1943 года (АСКМ).

несла удар из района Калиновка на Семёновский во фланг контрудару 3-й горно-стрелковой дивизии. Одновременно из района высоты 172 на Гараны наносили удар одна механизированная и одна танковая бригады 4-го гвардейского механизированного корпуса, подчинённые на эту операцию командующему 5-й ударной армией. Кроме того, прорвавшиеся вперед части 5-й ударной армии использовали открытый фланг наступающей группы Пикера и атаковали его с запада. Ликвидация вклинения противника на южном фланге прорыва, в районе Алексеевки, была возложена на 2-й гв. механизированный корпус 2-й гв. армии.

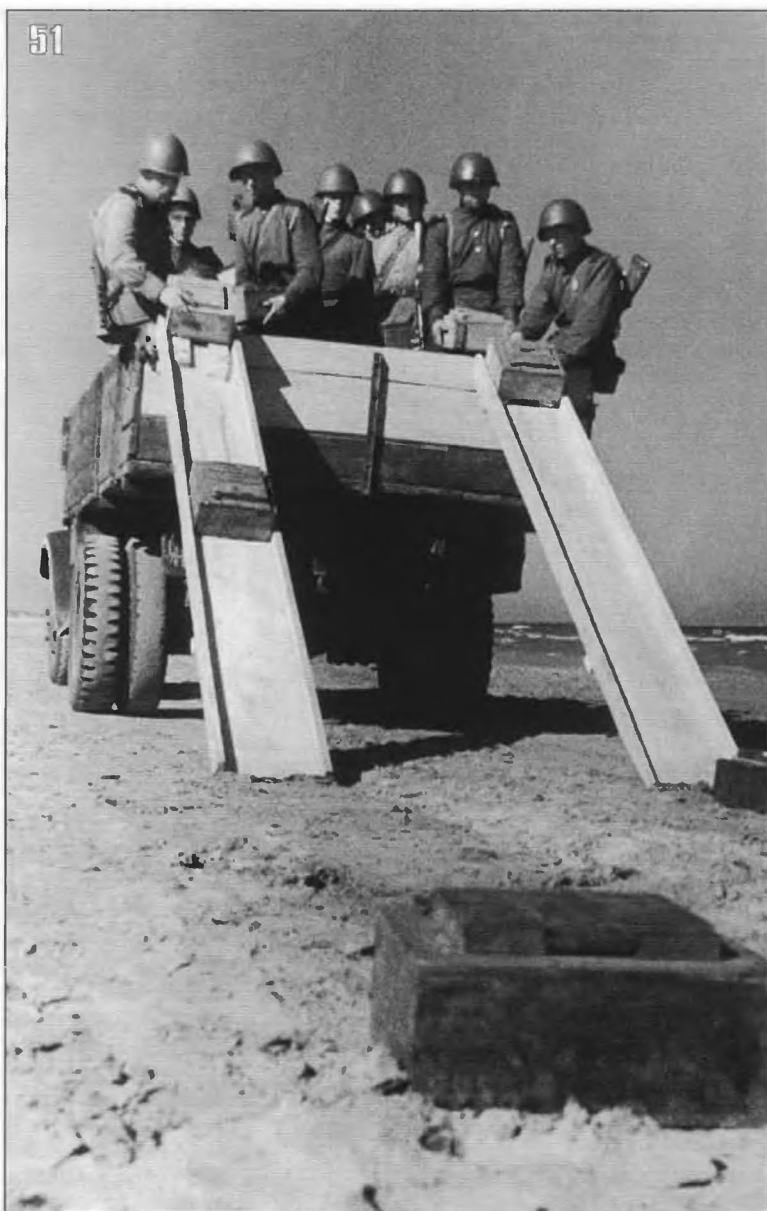
К 19.00 21 августа кризис на фронте 5-й ударной армии был полностью преодолен, противник был вынужден оставить Семёновский и отойти на Гараны. Хуже обстояло дело в районе Алексеевки, где неудачные действия 2-го гвардейского механизированного корпуса существенных результатов не дали. Боеспособность корпуса еще больше понизилась:

51. Саперы готовят поле для заминирования. Южный фронт, лето 1943 года (АСКМ).

в строю осталось 13 Т-34, 10 Т-70 и 4 СУ-152. Еще 51 Т-34 и 10 Т-70 числились в ремонте. Однако потери мехкорпуса были не напрасными. Под угрозой окружения Холлидт был вынужден отвести левый фланг XXIX армейского корпуса на р. Крынка. К 22 августа группа Рекнагеля была выбита из Алексеевки, Камышевахи и отошла на рубеже р. Крынка, сохраняя плацдарм на восточном берегу реки в районе Успенской. Пробитая в немецкой обороне брешь расширилась до 12 км.

8-я воздушная армия 21 августа стремилась удержать пространство над полем сражения и вновь только за счет интенсивного использования имеющихся самолетов выполнила 623 самолето-вылета силами 250 боевых машин. Потери ВВС Южного фронта за день составили 15 машин (10 истребителей и 5 штурмовиков). Натиск противника в воздухе начал слабеть.

В отсутствии града контрударов 5-я ударная армия получила возможность продвигаться вперед. В течение дня 22 августа был

захвачен еще один плацдарм на р. Крынка южнее Колпаковки. Это фактически решило судьбу железной дороги, являвшейся основной линией снабжения XXIX армейского корпуса. С плацдармов на Крынке железная дорога попадала в радиус действия советской артиллерии.

22 августа Холлидт докладывал командованию группы армий «Юг»: «В качестве временного пополнения в теперешнем районе прорыва, армия вводом в дело последних резервов и безоглядным оголением не подвергнувшихся атаке фронтов, армия усилила силы, стоящие в центре тяжести обороны, а именно XVII АК, в частности, – восемью усиленными батальонами и двумя артиллерийскими дивизионами IV АК, левое крыло XXIX АК (111-ю и 336-ю пехотные дивизии), в частности, – десятью батальонами и четырьмя артиллерийскими дивизионами с правого фланга корпуса.

Не атакованные участки фронта теперь не в состоянии отразить вражеские атаки силами более одного вражеского батальона.

Боеспособность дивизий этой армии, таким образом, настолько ослаблена, что они не в состоянии на длительный срок удерживать оборону без срочного подкрепления как минимум двумя соединениями и ошутимого пополнения».

Кроме того, Холлидт в докладе Манштейну привел данные по потерям армии с 18 по 21 августа 1943 г. – 6814 только унтер-офицеров и солдат. Это заставляет относиться с недоверием к опубликованной Цеттерлингом и Франксоном цифре потерь 6-й армии по «десятидневкам»: с 11 по 20 августа 1683 человека и с 21 по 31 августа – 3439 человек.

Холлидт все же получил новые соединения для продолжения оборонительной операции. Прибывающая из Крыма по железной дороге 13-я танковая дивизия опоздала к первому контрудару. Последовательности контрударов, сдерживающих расширение плацдарма, и позволяющей собрать в районе прорыва крупные силы артиллерии не получилось. 21 августа стало в этом плане решающим днем советского наступления. Под ударами авиации и артиллерии оборона 336-й пехотной дивизии была расхатана и начали продвигаться вперед 2-й гв. армия и 28 армия. 2-я гв. армия продвинулась в направлении Успенской, а 28-я армия начала вводить в бой стоявшие во втором эшелоне дивизии. 37-й стрелковый корпус 21 июля вышел к линии обороны «Висла» т.е. на рубеж р. Крынка.

Состояние прибывающей в распоряжение Холлидта танковой дивизии также было далеко от идеала. В составе 13-й танковой дивизии было по одному батальону от 66-го и 93-го панцергренадерских полков, 4-й танковый полк в составе одного батальона четырехроторного состава. В дивизии насчитывалось 47 Pz.Kpfw.IV с 75-мм длинноствольным орудием, 7 Pz.Kpfw.III с 50-мм длинноствольным орудием и 6 командирских танков. Противотанковую артиллерию соединения составляли восемнадцать 75-мм буксируемых пушек. В артиллерийском полку были преимущественно буксируемая артиллерия и шесть «хуммелей». Сосредоточение 13-й танковой дивизии

в районе к юго-западу от Саур-Могильского завершилось 22 августа.

Холлидт решил строго придерживаться первоначального плана. После завершения сосредоточения 13-й танковой дивизии, XVII армейский корпус получил от командования 6-й армии приказ на контрудар в южном направлении. Целью контрудара назывался разгром советского 4-го гв. механизированного корпуса в районе Кринички и создание предпосылок для сужения и закрытия бреши между XVII и XXIX армейскими корпусами. Левый фланг контрудара 13-й танковой дивизии обеспечивало наступление группы Пикера на Семеновский. Контрудар 23 августа с участием 13-й танковой дивизии был последней надеждой командования 6-й армии на удержание обороны по Милу.

Поддержанная сильным артиллерийским огнем, 13-я танковая дивизия поначалу быстро продвигалась вперед. Дивизии удалось пробиться на 6–7 км к югу, но далее она была остановлена западнее Алексеевки у высоты 157,3 после потери большого количества танков. Помимо своих традиционных противников – противотанковой артиллерии – наступающие немецкие танки были атакованы с воздуха штурмовиками с ПТАБами. Контрударом 13-й танковой дивизии на Криничку немецкое командование пыталось срезать вершину «Колпаковского клина» и, пробившись к южной группировке, восстановить общую линию обороны, соединив свои разобщенные северную и южную группировки. Эта попытка была успешно отражена 5-й ударной армией; противнику удалось лишь незначительно потеснить действовавшие здесь части 3-го гвардейского стрелкового корпуса. В этот же день 4-й гвардейский механизированный корпус, перейдя в наступление из района Колпаковка на запад, вышел в район Николаевка, Донецко-Амвросиевка, охватив, таким образом, оборонительные позиции противника на р. Крынка с северо-запада. Одновременно части 1-го гвардейского стрелкового корпуса 2-й гвардейской армии вышли к станции Квашино. Железнодорожная ветка, идущая из Кутейниково на Таганрог, была перерезана в двух местах, создав угрозу перехвата путей снабжения таганрогской группировки противника.

За день 23 августа 8-я воздушная армия выполнила 733 самолето-вылета. Потери ВВС Южного фронта днем 23 августа составили только 4 самолета (2 истребителя и 2 штурмовика). Следует отметить, что кризисная обстановка в 6-й армии заставила командование группы армий «Юг» бросить против Южного фронта основные силы своей авиации. В период с 19 по 23 августа в полосе фронта было отмечено 3505 самолето-пролетов, а в полосе Степного и Юго-Западного фронта – 493 и 1359 самолето-пролетов соответственно.

Убедившись в несостоятельности своих попыток пробиться полковой боевой группой (каковой в реальности была 13-я танковая дивизия в момент своего прибытия в распоряжение Холлидта) на соединение с группой Рекнагеля в районе Успенской, командование 6-й армии сменило стратегию. 24 августа 13-я танковая дивизия была переброшена через

Иловыйск в район Анастасиевка.. Марфинская с целью усиления обороны XXIX армейского корпуса. Здесь она действовала результативно. 25 августа 13-я танковая дивизия нанесла контрудар из района Личичье на Успенскую, а 26 июля – удар во фланг советским войскам, наступавшим от станции Квашино на Мокрый Еланчик. В ближайшем будущем рокировка 13-й танковой дивизии на южный фас советского вклинения окажется весьма кстати. Вскоре дивизии придется пробивать XXIX корпусу дорогу из кольца окружения.

Тем временем в планы командования Южного фронта вмешались события на соседних участках. Начатое 16 августа наступление Юго-Западного фронта натолкнулось на упорное сопротивление немцев, которое сломить не удалось. Задержалось также наступление наших войск южнее Харькова. В этих условиях развитие Южным фронтом удара на юго-запад и запад ослабленными соединениями было связано с известным риском.

Таким образом, удар на запад без согласования с ударом Юго-Западного фронта не сулил успешных перспектив. Поэтому решено было одновременно с подготовкой удара для ликвидации немцев в Донбассе провести частную операцию с целью уничтожения таганрогской группировки противника.

Планы меняются. В течение 25 и 26 августа войска Южного фронта произвели ряд перегруппировок, для того чтобы с утра 27 августа начать наступление с целью окружения и уничтожения противника северо-западнее Таганрога. Одновременно с перегруппировкой на отдельных участках фронта велись бои

с целью занятия наиболее выгодного исходного положения для наступления. 25 августа части 2-й гвардейской армии вышли в район Лисичий, что вынудило противника оставить плацдарм восточнее Успенская и отойти на юго-западный берег р. Крынка.

Ф.И. Толбухин поставил войскам фронта следующие задачи:

5-й ударной армии – тремя дивизиями нанести главный удар с фронта Крипичка, Артёмовка на Петровский и вспомогательные удары из Калиновки на Саур-Могильский и из Амвросиевки на Свистуны. Армия должна была выйти на рубеж вые. 214, южнее Петровский, выс. 191, выс. 205, Николаевка, где прочно закрепиться, вывести в резерв не менее трёх стрелковых дивизий в район Калиновка, Артёмовна, Алексеевка. Задача армии состояла в том, чтобы обеспечить правый фланг ударной группировки фронта от контрударов противника с севера.

2-я гвардейская армия частью сил должна была свёртывать боевые порядки противника к югу, а остальные силы привлечь к обороне рубежа р. Мокрый Еланчик фронтом на запад. К исходу 27 августа армия должна была овладеть рубежом Ново-Еланчик, Мокрый Еланчик, Васильевка, кол. Малая. В дальнейшем левым флангом армия наступала на юг, а на остальном фронте переходила к жёсткой обороне.

28-я армия в составе трёх стрелковых дивизий наносила удар из района Авилофедоровка на Первомайский с задачей к исходу дня овладеть выс. 136; в дальнейшем, наступая на юг, «смаывать» боевые порядки противни-

52. Танки KB-1с и Т-34, подбитые в бою. Лето 1943 года, южный участок советско-германского фронта. Возможно, эти KB-1с входили в состав 1-го гвардейского танкового полка прорыва 28-й армии Южного фронта (АСКМ).

53. Немецкие танки — Pz.III Ausf.L (слева) и машина передовых артиллерийских наблюдателей Beobachtungs-Pz.III (справа) — подбитые и захваченные в ходе наступления на реке Миус. Южный фронт, август 1943 года (АСКМ).

ка в своей полосе. 44-я армия после того как 28-я армия овладеет районом Первомайский, совместно с ней должна была нанести удар на юг и частью сил на Самбек с востока.

4-му гвардейскому кавалерийскому корпусу в 20.00 26 августа войти в прорыв из района Донецко-Амвросиевка и к рассвету 27 августа выйти в район Ново-Хапрово, Мал. Екатериновка, Екатериновка, имея дальнейшей задачей выходом в район Мало-Кирсановка, Латоново не допустить отхода противника на запад и разгромить его.

4-й гвардейский механизированный корпус, начав действия в 2.00 27 августа, частью сил должен был захватить Кутейниково, а главными силами выйти в район Покрово-Киреевка, обеспечивая действия 4-го гвардейского кавалерийского корпуса с запада. В дальнейшем, выйдя в долину реки Сухой Еланчик, в районе Григорьевка уничтожить отходящие из района Таганрога части противника. Действия подвижной группы обеспечивались фронтовой авиацией.

Бег к морю. Действуя по намеченному плану, части 4-го гв. механизированного и 4-го гв. кавалерийского корпусов к исходу 27 августа, преодолевая слабое сопротивление немцев, вышли в район Кутейниково, Покрово-Киреевка, Екатериновка, Ново-Ивановка на тылы таганрогской группировки противника, пройдя за сутки до 25 км. Пехота 2-й гвардейской армии, используя успех подвижной группы, продвинулась на правом фланге до 9 км и вышла на рубеж Ново-Еланчик, Васильев-

ка, Сухая Крынка, тесня противника в юго-восточном направлении.

В ночь на 28 августа на Южный фронт прибыл представитель Ставки ВГК А.М. Василевский. К этому времени в штаб фронта начали поступать данные разведки о сборе группировки резервов противника в районе Старо-Бешево, Каракубстрой. В связи с этим днём 28 августа армиям и подвижным соединениям были поставлены следующие дополнительные задачи:

2-й гв. армии выдвинуть в район Покрово-Киреевка, Екатериново-Хапрово 2-й гв. механизированный корпус. Одновременно передовыми отрядами стрелковых дивизий занять западный берег реки Сухой Еланчик на участке Кутейниково, Ульяновка, Вареники, а в течение ночи на 29 августа вывести на этот рубеж главные силы армий для занятия обороны.

4-му гв. механизированному корпусу занять район Мал. Екатериновка, Красный Курган, Григорьевка, имея основной задачей обеспечить с запада действия 4-го гв. кавалерийского корпуса и не допустить прорыва противника со стороны Анастасиевки; выделить сильный отряд, которым захватить Федоровку.

4-му гв. кавалерийскому корпусу продолжать уничтожение противника северо-западнее Таганрога, для чего к утру 29 августа овладеть районом Латоново, Ново-Петровский, Ново-Хрещатик; в дальнейшем, ведя разведку в западном направлении, сильным отрядами перехватить переправу через Миусский лиман у Ломакино.

Отданные командованием фронта боевые распоряжения свидетельствуют о том, что основные мероприятия были направлены на прикрытие группировки фронта с запада. Предполагалось, что прибывшие резервы будут использованы немцами для деблокирующего удара. Сообразно этому предположению строился заслон фронтом на запад и северо-запад. Для выполнения этой задачи привлекались главные силы 2-й гв. армии, 4-го гв. механизированного корпуса; сюда же было обращено внимание 4-го гв. кавалерийского корпуса, которому одному главным образом приходилось иметь дело со сжавшейся к югу группировкой противника, действуя на фронте 40 – 45 км.

29 августа части 2-й гв. армии заняли главными силами оборону указанного им рубежа; 4-й гвардейский механизированный корпус частью сил вышел на рубеж Щербаков, Фёдоровка; 4-й гв. кавалерийский корпус передовыми отрядами перехватил дорогу Носово – Ломакино и главными силами, сжимая кольцо окружения, вышел на рубеж Ново-Хрещатик, Кр. Колония. 1-й гв. стрелковый корпус 2-й гв. армии вышел на рубеж Пономарёв, Латоново, Кашковка. 28-я и части 44-й армии вышли на рубеж Самойлов, Печерский, Степановский. Противник был сжат на площади 25X25 км и начал отводить свои части с самбекского плацдарма.

Опасения советского командования относительно деблокирующего удара с запада были небезосновательны. Для парирования возникшего кризиса командование 6-й армии в течение 28 и 29 августа стало собирать ударную группировку из вновь прибывших соединений – 258-й пехотной и 9-й танковой дивизий. В составе 258-й пехотной дивизии числилось пять пехотных батальонов средней численности из девяти штатных, слабый истребительно-противотанковый батальон, 19 легких полевых гаубиц *leFH* и 5 тяжелых полевых гаубиц *sFH*. В 9-й танковой дивизии было два мотопехотных батальона средней численности и два низкой комплектности, в том числе один на БТР «Ганомат», 15 легких полевых гаубиц и 13 тяжелых полевых гаубиц. Танков в дивизии было 65 штук, однако на 26 августа боеготовыми были только 4 *Pz.Kpfw.III* с 50-мм длинноствольной пушкой и 7 *Pz.Kpfw.IV* с 75-мм длинноствольной пушкой.

Для руководства контрударом с левого фланга 6-й армии был снят штаб IV армейского корпуса. Обстановка в полосе, занимаемой подчиненными IV корпусу соединениями считалась менее критичной (уровень тревоги II по принятой в вермахте системе обозначений) по сравнению с таганрогским направлением (уровень тревоги III). Соответственно использованному как управленческий резерв штабу IV корпуса были подчинены остатки 3-й горно-егерской дивизии, 9-й танковой дивизии из района Орла, 258-й пехотной дивизии и переданной из 1-й танковой армии слабой 17-й танковой дивизии. Согласно приказу Холлидта ударная группировка должна была наступать на юго-восток с тем, чтобы на рубеже Сухого или Мокрого Еланчика соединиться с XXIX армейским корпусом. Соответственно XVII армейский корпус должен был вести

сковывающие атаки в южном направлении для содействия проводящемуся контрудару.

Немецкое контрнаступление началось 30 августа. Удар IV армейского корпуса пришелся в стык между 33-й и 87-й гв. стрелковых дивизий. Первая принадлежала 13-му гв. стрелковому корпусу, а вторая – 1-му гв. стрелковому корпусу. Командир 13-го гв. стрелкового корпуса П.Г. Чанчибадзе выдвинул в район вклинения противника два истребительно-противотанковых артполка. По решению командующего 2-й гв. армией от 21.00 30 августа войска армии переходили к обороне. Основным средством отражения контрудара должна была стать артиллерия. 13-й гв. стрелковый корпус усиливался шестью полками артиллерии и минометов. Также 13-й гв. стрелковый корпус должна была поддерживать армейская артиллерийская группа (гаубичная артиллерийская бригада, пушечная артиллерийская бригада) под общим руководством командира 2-й артиллерийской дивизии гвардии генерал-майора Алексеева. 1-й гв. стрелковый корпус усиливался тремя полками артиллерии, противотанковой и минометной бригадой. Фактически 30 августа 2-я гв. армия вела бои и с деблокирующей группировкой IV армейского корпуса фронтом на северо-запад и с окруженным XXIX армейским корпусом фронтом на юг, юго-запад и даже на восток. Во 2-м гв. механизированном корпусе был создан подвижный отряд в составе 6 танков Т-34 и 5 танков Т-70, 100 человек автоматчиков и истребительно-противотанковой батареи, который продвинулся на восток навстречу 44-й армии и в 17.30 вышел на западную окраину Таганрога. С востока к городу вышла 130-я стрелковая дивизия 44-й армии, а в ночь на 30 августа в районе Таганрога был высажен десант 384-й отдельной бригады морской пехоты.

В 6.00 утра 31 августа группа IV армейского корпуса вновь перешла в наступление. Основной удар на себя снова приняли части 33-й и 87-й гв. стрелковых дивизий. На этот раз они были существенно усилены артиллерией. Кроме того, из боя против соединений XXIX армейского корпуса был выведен 2-й гв. механизированный корпус. Одновременно армия развивала наступление на запад двумя полками 24-й гв. стрелковой дивизии и одним полком 86-й гв. стрелковой дивизии. За день боя 2-я гв. армия потеряла 39 человек убитыми и 144 человека ранеными.

Последнюю точку в отражении немецкого контрудара поставила соседняя 5-я ударная армия, которая использовала разрыв между IV и XVII армейскими корпусами. Прорыв частей 5-й ударной армии на Илловайск и Харциск заставил немцев бросить на это направление 17-ю танковую дивизию. Следует отметить, что в этих боях одна из частей 5-й ударной армии провела операцию, явившуюся своего рода ответом на атаку Штадлером высоты 203,4. 293-й гв. стрелковый полк подполковника А.А.Свиридова 96-й гв. стрелковой дивизии должен был захватить высоту 277,9 (курган Саур-Могилы), ставшую камнем преткновения в июльских боях. Вершина высоты была захвачена 17 разведчиками в ночь на 30 августа с тыла, а затем полк Свиридова атаковал по крутому и лишенному растительности

склону, где его меньше всего ждали. Уже в полдень высота была захвачена и далее 293-й гв. стрелковый полк отбивал контратаки противника. Захват ключевого опорного пункта противника открыл частям 5-й ударной армии на Иловыйск и Харциск.

Тем временем окруженный в районе Таганрога XXIX армейский корпус пробивался на запад под прикрытием деблокирующего удара. 28 августа была предпринята попытка силами 111-й пехотной и 13-й танковой дивизий пробиться через Анастасиевку, но здесь на внутреннем фронте окружения встал 2-й гв. механизированный корпус. Особенно отличилась в отражении этого удара противника 4-я гв. механизированная бригада подполковника Епанчина. Впоследствии действия бригады были упомянуты в приветственном приказе И.В. Сталина. Уже 29 августа советский прорыв был углублен кавалеристами до берега моря, и телефонная связь штаба 6-й армии с корпусом прервалась. Однако, задействовав крупные силы против готовящегося контрудара, командование Южного фронта смогло выделить для блокирования прилегающих к морю путей отхода на запад таганрогской группировке противника только 4-й гв. кавалерийский корпус. Кавалеристы были вынуждены сдерживать противника на фронте около 60 км. 29 августа 30-я кавалерийская дивизия вела бои за переправу через Миусский лиман у Ломакрино. 9-я гв. кавалерийская дивизия в 6.00 захватила узел дорог Латоново, но вскоре была выбита контратакой. В конце дня положение было исправлено подошедшими с севера 4-й гв. мехбригадой и 37-й гв. танковой бригадой 2-го гв. механизированного корпуса.

В условиях все теснее смыкающегося кольца окружения штабом группы армий «Юг» был санкционирован отход XXIX армейского корпуса на запад. Лидировать прорыв из окружения должна была 13-я танковая дивизия. Северо-западный и западный фасы «котла» занимали 111-я и 17-я пехотные дивизии. Столкнувшись с усиливающимся сопротивлением в прорыве на запад, командование XXIX корпуса сместило направление возможного прорыва на юг, нащупывая слабое место в заслоне советских войск. В итоге был использован разрыв в построении кавалерийского корпуса между 9-й гвардейской и 30-й кавалерийской дивизиями. В условиях открытой и ровной местности противник имел возможность проскакивать вне дорог. В результате в первой половине дня 30 августа 13-я танковая дивизия пробилась на запад по линии Щербаков — Городецкий — Кузнецкий. 31 августа была предпринята попытка закрыть прорыв силами 10-й гв. кавалерийской дивизии, но отбить Щербаков она не смогла. XXIX армейский корпус плотным «каре» не более 15 км в поперечнике пробивался по северному берегу Миусского лимана на запад.

Одним из средств расчистке остаткам XXIX корпуса пути на запад стала авиация, которая наносила массированные авиаудары по расположению кавалеристов. Точно так же, как в период прорыва Миус-фронта 19–23 августа, немецкое командование сосредоточило против Южного фронта крупные силы авиации. Если в период с 27 по 31 августа против Степного фронта было зафиксировано 932 самолето-пролета, против Юго-Западного фронта — 1302 самолето-пролет, то Юж-

54. Танкисты Красной Армии осматривают следы попадания немецких снарядов в башню своего Т-34-76. Южный фронт, лето 1943 года (АСКМ).

ному фронту достались 3950 самолето-пролета. Вообще по итогам боев с 12 по 31 августа Южный фронт стал рекордсменом в отношении внимания авиации противника: в его полосе было зафиксировано 8847 самолето-пролетов, в то время как Степному фронту досталось 5210 самолето-пролетов, а Юго-Западному фронту – 7274 самолето-пролета. Несмотря на жалобы кавалеристов Кубанского корпуса на отсутствие в воздухе своей авиации, 8-я воздушная армия не оставила без внимания левое крыло фронта. Проблемой была вынужденная пассивность действий истребителей, когда район действий кавалеристов прикрывался сменявшимися шестерками «Аэрокобр». Атакующий противник без труда создавал численное превосходство. Например, 29 августа патрулирующие в районе Латоново «Аэрокобры» были атакованы последовательно двумя группами Me-109 и три самолета из патруля были сбиты. Реакцией командования 8-й воздушной армии стало усиление патрулей до 10 – 12 самолетов, что сразу улучшило ситуацию. Впоследствии по приказу Т.Т. Хрюкина истребители стали прикрывать кавалеристов с аэродромов подскока в расположении 4-го гв. кавалерийского корпуса. Вместе с тем, очевидной неудачей советских летчиков стала попытка

55. Танк Т-34-76 выдвигается в район атаки. Южный фронт, лето 1943 года (АСКМ).

разрушить переправу через Миусский лиман у Лакедемоновки (отход через которую с суши пытались блокировать силами 30-й гв. кавалерийской дивизии): заход производился вдоль переправы при сильном боковом ветре и все бомбы легли левее цели. Результативнее были действия штурмовиков по отходящим колоннам противника, особенно на переправах через Сухой и Мокрый Еланчик.

В ночь на 31 августа разделенный на три боевые группы XXIX корпус вышел из окружения, сохранив артиллерию. Корпус занял оборону на рубеже Мокрого Еланчика. Но не следует думать, что XXIX армейский корпус вышел из окружения целым и невредимым. В своем отчете, составленном по итогам боев в Донецком бассейне, офицер штаба 6-й армии доктор Мартин Франк признавал, что 15-я авиаполевая и 336-я пехотные дивизии в результате боев были по существу разбиты, а 111-я и 17-я пехотные дивизии понесли большие потери.

В период с 27 по 31 августа 1943 г. 4-й гв. кавалерийский корпус потерял 273 человека убитыми и 465 ранеными. Частями корпуса было взято в плен свыше 2000 человек, в том числе 250 коллаборационистов – служивших немцам с оружием в руках граждан СССР. Трофеями кавалеристов также стали 45 орудий,

11 танков, 100 автомашин, 2 тягача и другое имущество.

Отступление. Следующим рубежом обороны 6-й армии должна была стать согласованная с соседней 1-й танковой армией «позиция Черепаха» (Schildkroten-Stellung). Она проходила из района восточнее Мариуполя через Макеевку на Константиновку и защищала Сталино (ныне Донецк) – ключевой город Донбасса. «Позицию Черепаха» второних строила «организация Тодта», армейские саперы и принудительно согнанное немцами местное население. Манштейн приказал Холлидту отступить на «позицию Черепаха» 31 августа 1943 г. По плану немецкого командования 6-я армия должна была держать «позицию Черепаха» продолжительное время. В своем приказе командирам армейских корпусов своей армии Холлидт писал:

«Отступление армии при любых обстоятельствах должно получить свое окончательное завершение на «позиции Черепаха». «Позицию Черепаха» сохранять длительный период времени».

Одним из средств удержания нового рубежа должен был стать батальон танков «Пантера», прибывший в распоряжение Холлидта в первые дни сентября. План перевооружения немецких танковых войск на новые танки предполагал вывод с фронта одного из двух батальонов танковых полков дивизий с перевооружением их на «пантеры». Так, в частности, первые два батальона танков «Пантера» (51-й и 52-й) были сформированы из танковых батальонов, изъятых из 9-й и 11-й танковой дивизий соответственно. Несмотря на первые бои под Курском в роли танков качественного усиления, штатным вариантом было возвращение в свою танковую или панцергренадерскую дивизию. Именно таким образом появились «пантеры» в «Дас Райхе» в авгу-

56. Танк Т-34-76, подбитый в ходе советского наступления. «Миус-фронт», август 1943 года (АСКМ).

сте 1943 г. – в дивизию вернулся перевооруженный ими батальон. В ноябре 1943 г. с одним из двух батальонов танкового полка, перевооруженным на «Пантеры», вступили в бой эсэсовский «Лейбштандарт» и 1-я танковая дивизия. Однако не всем батальонам «Пантер» везло. Перевооруженный на новые танки батальон 23-й танковой дивизии (II./Panzer-Regiment 23) вернулся на фронт не в свою дивизию, а в качестве средства непосредственной поддержки пехоты. Батальон «пантер» был придан оборонявшему линию «Черепаха» XVII армейскому корпусу и сразу же растащен на части. В частности три «пантеры» были привлечены для защиты двух дивизионных штабов в Краснотуркменском.

Однако надежды на удержание «Позиции Черепаха» оказались призрачными. Советское командование предприняло симметричную переброску войск с центрального сектора фронта. Бои на северном фасе Курской дуги в августе закончились эвакуацией Орловского выступа и отходом немецких войск на «линию Хагена». Сокращением линии фронта воспользовались обе стороны. Южный фронт получил 11-й танковый корпус, который в конце июля и начале августа воевал в 4-й танковой армии под Орлом, где одним из его противников была немецкая 9-я танковая дивизия. 7 сентября вновь прибывший танковый корпус был введен в бой в направлении на крупный узел дорог – Волноваха. Оборона 6-й армии потеряла свою устойчивость, и соединения Холлидта перешли к «подвижному методу ведения боя».

Помимо ударов в центре построения 6-й армии в начале сентября последовало наступление на ее левом фланге. Для парирования прорыва Холлидт оголял оставшиеся пассивными участки обороны 6-й армии. Он справедливо отмечал, что ослабленные на-

правления могут пасть под ударами отдельных батальонов. 28 – 30 августа в 1943 г. в состав 51-й армии Я.Г. Крейзера прибыл 10-й стрелковый корпус генерала К.П. Неверова с Северо-Кавказского фронта. В состав корпуса входили 216, 257 и 328-я стрелковые дивизии. Прибытие трех новых соединений позволило ослабленной в августе стягиванием сил на направление главного удара 51-й армии 1 сентября перейти в наступление. К исходу 1 сентября 257-я стрелковая дивизия овладела опорным пунктом противника в Штеровке – «крепким орешком», устоявшим под июльским скользящим ударом. К вечеру 2 сентября войска 51-й армии углубились в оборону противника на 25–30 км, на широком участке преодолев «Миус-фронт». Последние укрепления казавшейся неприступной немецкой линии обороны пали. 7 сентября 10-м стрелковым корпусом было захвачено Очеретино, что создало угрозу как правому флангу 1-й танковой армии Макензена, так и левому флангу 6-й армии Хол-

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Лучшим способом остановить наступление противника является собственное успешное наступление. Главное в этой игре – выбрать действительно значимую точку приложения усилий. В летней кампании 1943 г. на южном секторе фронта советскому командованию это удалось. В качестве объекта воздействия был выбран Донбасс – важный в экономическом отношении район оккупированной территории. Оперативная комбинация, разгранная командованием Красной армии была обречена на успех. Вне зависимости от результатов операции «Цитадель» на южном фланге Курской дуги немецкое наступление должно было остановиться. Наступления на Юго-Западном и Южном фронтах, во-первых, лишали Манштейна резервов, а, во-вторых, вынуждали снимать войска с направления главного удара. В этом смысле июльское наступле-

лидта. Для защиты фланга в район Очеретино выдвинулись 9-я танковая дивизия и 209-й батальон штурмовых орудий. Однако судьба сражения за наспех построенную линию обороны была решена. Уже вечером 7 сентября войска 6-й армии получили приказ отходить с «позиции Черепаша», не продержавшейся и нескольких дней. Артиллерийская канонада уходила от Миуса все дальше на запад. Вскоре хлынули осенние дожди, смывая гарь с окопов и блиндажей «Миус-фронта», которым теперь было суждено только зарастать бурьяном, постепенно оплывать и разрушаться.

ние на Миусе стало жертвой во имя истекающего кровью Воронежского фронта и успеха стратегической оборонительной операции под Курском. Отвлечение II танкового корпуса СС на Миус позволило войскам Воронежского и Степного фронтов придти в себя и подготовить операцию «Румянцев». В этом отношении неудавшееся наступление на Миусе было важным шагом на пути к благоприятному развитию событий в летне-осенней кампании 1943 г.

Вместе с тем, нет оснований считать имеющей право на существование конспирологи-

57. Танкисты в перерывах между боями. Южный фронт, сентябрь 1943 года. На заднем плане виден танк Т-34-76 с надписью на башне «Ответ Сталинграду» (АСКМ).

58. Т-34-76 «Ответ Сталинграда» проходит по улице освобожденного советского села. Южный фронт, сентябрь 1943 года (АСКМ).

ческую теорию о намеренном отказе от мер маскировки на Миусе во имя оттягивания крупных сил группы армий «Юг» с южного фланга Курской дуги. До последнего момента сохранять в тайне крупную наступательную операцию невозможно. Как правило, немецкое командование получало достоверные сведения о советских наступлениях, по крайней мере, за несколько дней до их начала. В случае с наступлением на Миус этот срок оказался несколько сдвинут назад.

Главная причина успеха августовской попытки прорыва «Миус-фронта» и неуспеха июльского наступления Южного фронта лежит на поверхности. В августе у немецкого командования не было возможности бросить на выручку 6-й армии Холлидта свои лучшие танковые соединения. Дивизии СС «Тотенкопф» и «Дас Райх» безнадежно завязли в боях под Богодуховым. В свою очередь 23-я танковая и 16-я панцергренадерская дивизии были вовлечены в бои в полосе соседней 1-й танковой

нос протекание начавшейся 18 августа второй оборонительной битвы 6-й армии на Миусе, по существу, надо отнести за счет того, что ее моторизованные резервы, столь успешно действовавшие в июльских оборонительных боях, 23-я танковая и 16-я панцергренадерская дивизии, были оттянуты к очагу боя соседней армии и не были заменены другими частями. Если бы танковая дивизия была переброшена на два дня раньше, для русских прорыв от 19.8 у Куйбышево стал бы роковым».

Одновременно, нельзя отрицать существенных ошибок, допущенных командованием Южного фронта в планировании и проведении июльского наступления. Не оправдало себя разнесение по фронту ударов двух соседних армий с целью образования широкого прорыва и использование в качестве эшелона развития успеха смешанного объединения – 2-й гв. армии из стрелковых и механизированных корпусов. Также не оправдал себя скользящий удар 51-й армии. Некоторым оп-

армии. 13-я танковая дивизия из Крыма прибыла в распоряжение Холлидта уже после того как фронт рухнул и могла лишь уменьшить масштабы катастрофы. Позднее прибывшие 9-я и 17-я танковые дивизии и батальон «Пантер» уже не могли радикально изменить обстановку в перешедшей к «подвижной обороне» армии Холлидта.

Это признается в отчете «Оборонительные бои 6-й армии в Донецком бассейне и Ногайской степи», написанном доктором Мартином Франком, офицером штаба 6-й армии. Франк пишет буквально следующее: «Неблагоприят-

равданием этих промахов могут быть сжатые сроки подготовки операции, а в первую очередь малое время на перегруппировку войск фронта.

Закономерен также вопрос: почему успешный прорыв обороны на Миусе в августе не завершился окружением XXIX армейского корпуса 6-й армии Холлидта к западу от Таганрога? Во-первых, необходимо напомнить, что план августовской операции не предусматривал «бега к морю» после выхода на оперативный простор. По первоначальному плану Южный фронт должен был наступать на за-

59. Немецкий солдат осматривает подбитый огнеметный танк ТО-34. «Миус-фронт», август 1943 года (АСКМ).

пад во взаимодействии с соседним Юго-Западным фронтом. Поэтому ось главного удара операции тяготела не к югу, а к северо-западу. Однако наступление Юго-Западного фронта развивалось достаточно медленно, операция «Румянцев» также потеряла темп под Богодуховым. Это заставило командование Южного фронта на ходу менять форму операции, расстранивая время на перегруппировку сил. Соответственно у противника была возможность обдумать ситуацию и принять трудное решение на отвод войск. Классические «Канны» получались в том случае, когда окружаемый проскакивал трудный с психологической точки зрения момент отвода войск из намечающейся ловушки. Смена на ходу плана операции также привела к тому, что не были вовлечены в образование внутреннего фронта окружения оба механизированных корпуса. Построение части внутреннего фронта окружения из кавалерийских частей не обеспечивало эффективного сдерживания прорывающегося противника. Кавалерия эффективно действовала на внешнем фронте окружения, в маневренных действиях в тылу противника.

С точки зрения опыта использования родов войск, сражение за Миус-фронт летом 1943 г. показало эффективность танковых соединений в качестве средства ведения оборонительных операций. Способность быстро перемещаться своим ходом обеспечивала им быстрое выдвижение на участок прорыва и его «запечатывание» контратаками или обороной. Формирование боевых групп пехоты

и их переброска по железной дороге не давала такого же эффекта – это со всей очевидностью показали бои пехотных групп Пикера и Рекнагеля в августе 1943 г.

Здесь хотелось бы обратить внимание на некорректность прямого сравнения числа соединений противостоящих армий. Если посчитать только соединения, называющиеся формально по обе стороны фронта «дивизия», то может создаться впечатление сдерживания крупной массы советских войск горсткой немецкой пехоты. Однако по своей численности пехотные дивизии Холлидта и стрелковые дивизии Южного фронта неэквивалентны. Так, например, по документам 6-й армии на 26 августа 1943 г. боевая группа 111-й пехотной дивизии (группа Рекнагеля) насчитывала 6000 человек, из них 2000 – в пехотных частях. Боевая группа Пикера насчитывала 5500 человек, в том числе 2766 человек в пехотных батальонах. 17-я пехотная дивизия насчитывала 12893 человека (4232 человека в пехотных батальонах), 336-я пехотная дивизия – 13875 человек (3360 в пехотных батальонах), 15-я авиополеская дивизия – 5150 человек (2496 человек в пехотных батальонах), 304-я пехотная дивизия – 15463 человека (6713 человек в пехотных батальонах, 3013 человек в артиллерийских, саперных частях и частях связи). Всего в восьми пехотных дивизиях и трех боевых группах 6-й армии насчитывалось 140015 человек, в том числе 51703 – в пехотных батальонах. Из 51703 человек в пехотных батальонах

1260 человек составляли коллаборационисты из «осттруппен», входившие в так называемую боевую группу фон Бюлова. Соответственно по своей численности немецкие пехотные дивизии были эквивалентны скорее не советским стрелковым дивизиям, а советским стрелковым корпусам.

Из участвовавшей в боях на Миусе бронетехники ярче всего себя проявили САУ «Штурмгешюц». В условиях перехода немецкой армии к обороне «штурмгешюцы» стали важным средством обеспечения устойчивости пехоты. Отработанное шасси танка Pz.III позволяло самоходкам маневрировать вдоль фронта, сохраняя боеспособность в длительных маршах. На счету «штурмгешюцев» значительная часть подбитых на Миусе советских танков. При этом они могли применяться не только в качестве танкоборцев как буксируемая или самоходная противотанковая артиллерия, но и как средство непосредственной поддержки пехоты. Вместе с тем отдельные батальоны САУ не имели своей пехоты, зависели от темпов переброски пехотных резервов и не могли самостоятельно решать задачи «запечатывания» прорыва.

Малочисленные «Тигры» эсэсовских соединений были быстро потеряны на минных полях и заметного влияния на сражение не оказали. Присланные Холлидту «пантеры» также не стали чудо-оружием, способным остановить наступление Южного фронта. В сущности, меньше чем через две недели после прибытия на фронт батальон «Пантер» утратил свою мощь. На 20 сентября 1943 г. из 96 «Пантер» II батальона 23-го танкового полка, с которыми он прибыл на фронт, числились боеспособными только 11 машин: 8 в боевой группе Цандера и 3 в подчинении батальонов в Новом Свете. Еще 11 танков должны были вернуться из ремонта к 23 сентября. Остальные числились в долгосрочном ремонте: 13 танков в Днепропетровске, 24 на сборном пункте к востоку от Днепра, 4 в полковом ремонтном подразделении, 4 были погружены на железнодорожные платформы и 1 танк охранял плотину в Запорожье. 28 «Пантер» были взорваны вследствие невозможности их эвакуировать при постоянно смещающейся линии фронта. Осенью 1943 г. немцы испытывали те

же проблемы, что и мехкорпус РККА в 1941 г. Вместо 18 штатных 18-тонных полутусеничных тягачей в распоряжении батальона было только 4. При этом для буксировки тяжелой «Пантеры» требовалось два тягача, впрягающихся цугом. Это существенно ограничивало возможности эвакуации подбитых и вышедших из строя танков при откатывающейся назад линии фронта. Новые средние танки не терпели использования в стиле «штурмгешюцев». Несомненно, однако, что в случае позиционного сражения длинноствольные орудия «Пантер» могли нанести существенный урон наступающим советским танковым бригадам и механизированным корпусам.

Артиллерия в боях на Миусе еще раз продемонстрировала свои впечатляющие возможности. Летом 1943 г. немцам остро не хватало пехоты, т.е. средства поражения противника огнем стрелкового оружия и проведения контратак. Кроме того, обычная пехота не обладала нужной для затыкания прорывов подвижностью. Боеспособных подвижных соединений (танковых и панцергренадерских дивизий) для парирования всех возникающих кризисов также остро не хватало. В этих условиях артиллерия часто оказывалась подвижным и эффективным средством отражения наступлений. Это был один из опытов, подвигших немцев к созданию артиллерийских дивизий. Показательно, что из пяти существовавших в вермахте артиллерийских дивизий 310, 311 и 312-я артиллерийские дивизии были созданы в группе армий «Юг» осенью 1943 г. 18-я артиллерийская дивизия, переформированная из 18-й танковой дивизии, с января 1944 г. действовала в группе армий «Юг».

Резюмируя результаты июльского и августовского советских наступлений можно сказать, что взломом «Миус-фронта» войска Южного фронта обеспечили себе непрерывное продвижение вперед последующие несколько месяцев. В ходе Донбасской наступательной операции продвижение советских войск составило 250—300 км. За ней последовала Нижнеднепровская наступательная операция, сдвинувшая линию фронта еще на 300 км обеспечившая выход Южного (4-го Украинского) фронта к Днепру и блокировавшая 17-ю немецкую армию в Крыму.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА:

- Документы ЦАМО РФ: фонды Южного фронта, 2-й гв. армии, 5-й ударной армии, 28-й армии, 51-й армии и 8-й воздушной армии.
- Документы немецкой 6-й армии: Ia, Anlage z. KTB 6, Operationsakten. NARA T312 R1478.
- Бирюзов С.С. Когда гремели пушки. М.: Воениздат, 1961.
- Губин Б.А., Киселев В.Д. Восьмая воздушная. Военно-исторический очерк боевого пути 8-й воздушной армии в годы Великой Отечественной войны. М.: Воениздат, 1980.
- Королев В.О. Гвардейцы первой штурмовой. М.: Воениздат, 1980.
- Ньютон С. Курская битва: немецкий взгляд. М.: Яуза, 2006.
- Саркисян С.М. 51-я армия: Боевой путь 51-й армии. М.: Воениздат, 1983.
- Свиридов А.А. Батальоны вступают в бой. М.: Воениздат, 1967.
- Советские танковые войска 1941-1945. М.: Воениздат, 1973.
- Стрельбицкий И.С. Штурм. М.: Воениздат, 1962.
- Jentz, T. Panzertruppen, The Complete Guide to the Creation & Combat Employment of Germany's Tank Force. 1943 — 45. Schiffer Military History, Atlegen, PA, 1996.
- Nipe G. Decision in the Ukraine, Summer 1943, II. SS and III. Panzerkorps. J.J. Fedorowicz Pub., 1996.
- Stadler S. Die Offensive gegen Kursk 1943. II. SS-Panzerkorps als Stosskeil im Grosskampf. Nation Europa Verlag. 1998.
- Zetterling N., Frankson A. Kursk 1943. A Statistical Analysis. Frank Cass, London, 2000.

Уважаемые читатели!

Наши издания вы можете приобрести в редакции по адресу: 127015, г.Москва, ул. Новодмитровская, д.5А, 16 этаж, офис 1601 (проезд со станции метро «Дмитровская»).

Телефон/факс: (495) 787-36-10

Для оптовых покупателей предусмотрена система скидок.

Для получения по почте выпусков «Фронтальной иллюстрации» сделайте денежный перевод в сумме 200 за экземпляр по следующим банковским реквизитам: ООО «Стратегия КМ», ИНН 7720240859, р/с 40702810538130102266, БИК 044525225, к/с 30101810400000000225, Сбербанк России г.Москва Тверское ОСБ 7982.

Для гарантии получения выпусков на бланке денежного перевода в графе «Для письменного сообщения» разборчиво укажите Ф.И.О., точный адрес и названия изданий. Квитанцию о переводе отправьте по адресу: 121096, г.Москва, а/я 373, Коломийцу Максиму Викторовичу.

Наложным платежом издания не высылаются!

ФРОНТОВАЯ ИЛЛЮСТРАЦИЯ
FRONTLINE ILLUSTRATION
Периодическое иллюстрированное издание.

Учредитель и издатель: ООО «Стратегия КМ»

Генеральный директор: Максим Коломиец

Руководитель проекта: Нина Соболева

Адрес: 127015, Москва, ул.Новодмитровская, д.5А,
16 этаж, офис 1601

Телефон: (495) 787-36-10

E-mail: magazine@front.ru

Сайт в интернете: www.front2000.ru

Художественный редактор: Евгений Литвинов

Корректор: Раиса Коломиец

Цветные рисунки: Сергей Игнатьев

Карты: Алексей Исаев

Распространение и маркетинг: Кристина Муллабаева, Петр Степанец

Оригинальная концепция, авторский текст,
иллюстрации: ООО «Стратегия КМ»

Печать: ИПЦ «Апрель»

Подписано в печать 05.07.06. Формат 215х290.

Бумага мелованная. Печать офсетная.

Тираж 3000 (1-й завод — 1000).

Все права защищены.

Издание не может быть воспроизведено полностью или частично
без письменного разрешения издателя.

При цитировании ссылка обязательна.

All rights reserved.

This publication may not be reproduced in part or in
without prior written permission of the publishers.

Издание зарегистрировано в МПТР России.

Регистрационное свидетельство:

ПИ № 771256, выдано 29 ноября 1999 года.

Уважаемые читатели!

Сообщаем, что со второго полугодия 2006 года вы можете оформить подписку на альманах «Фронтальная иллюстрация».

Наш подписной индекс по каталогу агентства «Роспечать» — 80385.

Следующий выпуск:

№ 4 – 2006 «Сталинградская тридцатьчетверка»

Frontline ILLUSTRATION

